

Г. Р. ДЕРЖАВИН
И ЕГО ВРЕМЯ

Всероссийский музей А. С. Пушкина
Музей Г. Р. Державина
и русской словесности его времени

**Г. Р. ДЕРЖАВИН
И ЕГО ВРЕМЯ**

Сборник научных статей

Выпуск 6

Санкт-Петербург
ВИРД
2010

Редакционная коллегия

С. М. Некрасов, Р. В. Иезуитова,
Н. П. Морозова (отв. редактор)

Рецензент

доктор филологических наук

Е. В. Семенова

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Министерства культуры Республики Татарстан*

ISBN

© Всероссийский музей А. С. Пушкина, 2010
© Коллектив авторов, 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

В канун традиционного праздника русской поэзии XVIII века, который уже в двадцать первый раз проходит в городской усадьбе Г.Р. Державина и приурочен ко дню рождения выдающегося поэта и государственного деятеля России, выходит в свет очередной выпуск сборника «Г.Р. Державин и его время». Это тоже стало уже доброй традицией. Как правило, статьи, опубликованные в сборнике, опираются на малоизвестные или новые материалы, впервые вводимые в научный оборот.

Шестой Державинский сборник открывается статьей московской исследовательницы Н.Ю. Болотиной, которой удалось отыскать в РГАДА годовой комплект провинциальной газеты «Тамбовские известия». Инициатором ее выпуска был сам Державин, в 1785–1789 годах занимавший должность тамбовского губернатора. Значение этой находки трудно переоценить: ведь до сих пор считалось, что ни одного экземпляра этого издания не сохранилось. Теперь мы с интересом сможем узнать о содержании практически первой провинциальной русской газеты.

Взаимоотношениям Г.Р. Державина и О.П. Козодавлева, его приятеля, а затем, как остроумно отмечено в названии статьи, «старого друга, другом быть переставшего», посвящена публикация петербургского исследователя Е.С. Сониной. В свое время Козодавлев был одним из тех лиц в окружении Державина, кто способствовал распространению стихов ставшей вскоре знаменитой его оды «Фелица». Но, будучи весьма проницательным карьеристом, Козодавлев, уже при первых признаках надвигающейся грозы, отвернулся от Державина, и поэт резко изменил свое отношение к бывшему приятелю и издателю «Северной почты».

Статья Н.П. Морозовой позволяет существенно дополнить наше представление о хронологии заседаний «Беседы любителей русского слова».

Для музейных работников всегда важны любые сведения об экспонатах, так или иначе позволяющих представить тех героев, кому

посвящена музейная экспозиция. В этом смысле для нас весьма интересен портрет Д.А. Державиной, не привлекавший внимания исследователей. Существует несколько вариантов этого портрета, одному из них посвящена работа Л.Г. Агамаян.

Сообщение Т.И. Рожковой, в центре внимания которой неизвестная работа Н.Д. Чечулина, посвященная А.П. Сумарокову, также вызывает интерес.

География авторов сборника достаточно широка: от Петербурга до Владимира и от Москвы до Магнитогорска. Это свидетельствует о внимании российских исследователей к творчеству Г.Р. Державина и его эпохе. Мы надеемся, что в марте будущего 2011 года, когда будет торжественно отмечаться 200-летие «Беседы любителей русского слова», ученые разных стран соберутся в Музее Г.Р. Державина и русской словесности его времени, с тем чтобы поделиться новыми открытиями в изучении деятельности этого литературного общества и русской культуры XVIII — начала XIX веков.

С.М. Некрасов

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАВО	Государственный архив Владимирской области (Владимир).
ГИМ	1) Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Москва); 2) Государственный исторический музей (Москва).
ГРМ	Государственный Русский музей (Санкт-Петербург).
ГТГ	Государственная Третьяковская галерея (Москва).
ГЭ	Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург).
РГАДА	Российский государственный архив древних актов (Москва).
РГБ	Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).
РГИА	Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург).
РНБ	Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (Санкт-Петербург).
ЦГИА СПб.	Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга.

Единственный экземпляр
державинской газеты «Тамбовские известия»

В списке разыскиваемых периодических изданий XVIII века значится первая провинциальная газета «Тамбовские известия»,¹ которая издавалась в Тамбове в 1788 году во время губернаторства Г.Р. Державина, занимавшего эту должность в 1786–1788 годах.² До настоящего времени было известно, что она выходила еженедельно в вольной типографии, основанной в 1787 году по инициативе губернатора. Газета была небольшого формата, печаталась на серой бумаге и содержала информацию о местных происшествиях, объявления, сведения о приезжающих в город, прохождении различных команд, ценах на хлеб и продукты; издательской работой руководил отставной бригадир А.М. Нилов.³ Краткие выписки из губернской хроники, которая помещалась в «Тамбовских известиях», были напечатаны в одном из номеров журнала «Русский библиофил» в начале XX века. По мнению В.П. Семенникова, они были сделаны тамбовцем И.А. Мутасевым, имевшим в своих руках некоторые номера этой редчайшей газеты.⁴

---

¹ См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Дополнения, разыскиваемые издания, уточнения. М., 1975. С. 97; Семенников В.П. Библиографический список книг, напечатанных в провинции со времени возникновения гражданских типографий по 1807 год. СПб., 1912. С. 19 (№ 5); Щеголев А.А. Материалы для библиографии Тамбовской губернии. Тамбов, 1901. Вып. 2. С. 83; Петровский Н.М. Библиографические заметки о русских журналах XVIII в. СПб., 1907. С. 40–41; Чернов А., Головашин А. Тамбовское печатное слово: Очерки. Воронеж, 1986; Илешин Б. Литературные тропинки отчего края. М., 1986; Михайлов О.Н. Державин. М., 1977. С. 169. (Серия «Жизнь замечательных людей»); Просветов Р.Ю. Из истории местной печати // Кирсановская газета. 2003. 13 янв. = <http://www.grad-kirsanov.ru> (Град Кирсанов: [Электронный ресурс]).

² О тамбовском периоде жизни и деятельности Г.Р. Державина см.: Мещеряков Ю.В. Гавриил Романович Державин: Тамбовский период деятельности (1786–1788). Тамбов, 2006. К сожалению, в этой работе, основанной на материалах местных архивов, нет сведений об издании газеты «Тамбовские известия» и участии в ней Державина.

³ См. о нем: Дзюбанов С.Д. «Реестр, что продать» (1789–1791) как источник для реконструкции державинского быта тамбовского периода // Державин и его время: Сб. науч. ст. СПб., 2008. Вып. 5. С. 51.

⁴ См.: Семенников В.П. Дополнительные материалы для истории провинциальных типографий XVIII и начала XIX в. и для библиографии книг, в них напечатанных //

Обнаруженный нами в библиотеке РГАДА годовой комплект газеты «Тамбовские известия» за 1788 год (шифр: Газ. рус. № 753) дает возможность проанализировать ее состав и содержание. В картонном переплете XVIII века, оклеенном пестрой цветной бумагой, находятся 52 номера газеты; 6 из них были выпущены с Прибавлениями (№№ 2, 4, 12, 24, 39, 52), в которых публиковались частные объявления и сведения о приезжающих в Тамбов и выезжающих оттуда. Возможно, издание Прибавлений было связано с большим количеством скапливавшихся в типографии объявлений. Каждый номер газеты составляет 2 листа (4 страницы), Прибавления — 1 лист, размером 17 x 23 см, на желтоватосерой плотной бумаге, характерной для конца XVIII столетия, с разной степенью жирности шрифта. Всего в комплекте — 212 страниц, часть из них пронумерована, но на титульных страницах и на некоторых листах газеты нумерации нет. Структура заголовка издания такова: номер газеты, название, дата и запись «С указанного дозволения». Ни на переплете, ни на отпечатанных листах нет никаких записей и пометок. Полагаем, что комплект издания мог быть прислан в библиотеку Московского архива Коллегии иностранных дел или поступил в книгохранилище в составе какого-то личного собрания. На его кожаном корешке вытиснено: «Тамбовские известия 1788».

Газета печаталась на средства от подписки. Еще в декабре 1787 года было объявлено о предполагаемом издании «Тамбовских известий». В № 16 от 21 апреля издатели поместили напоминание подписчикам о необходимости забирать свои экземпляры газеты из типографии, а в случае отказа от их получения — сообщить о том издателям не позднее мая месяца, «дабы излишним заготовлением оных типография не была напрасно стягчаема и могла бы выдать их тем, которые их вновь требуют будут».⁵

Русский библиофил. 1913. № 7. С. 65–68; Левенштейн О.Г. Г.Р. Державин: Государственная деятельность. 1784–1796 гг. Казань, 2008. С. 88–89.

⁵ Здесь и в дальнейшем «Тамбовские известия» цитируются без указания страницы. Номер и дата цитируемого выпуска приводятся, как правило, в скобках в тексте.

Первый номер газеты вышел 1 января 1788 года. Он начинался с официального сообщения о праздновании Нового года — прошедшей литургии, иллюминации города, о состоявшихся в доме губернатора представлении драмы «Взятие острова Святой Лукии»⁶ («по случаю военного времени»), исполнении оперы «Лорета»⁷ и показе комического балета. Завершением праздничного дня, согласно сообщению «Тамбовских известий», стали маскарад, в котором приняли участие более 200 персон, и ужин. Гулянье продолжалось до 2-х часов пополуночи, к «общему удовольствию жителей города и многих приезжих из уездов».

На страницах газеты помещались стихи провинциальных авторов; возможно, их публикация связана с литературными интересами губернатора Державина. Так, в № 1 было напечатано стихотворение «любителя театра» Д. Б.**:⁸

В Париже родилась прекрасная Лорета
Из мозга славного французского творца,
На русской та язык в Москве переодета,
Восхитила на нем днесь впервые сердца
В Тамбове!.. тшанием любительницы муз
Театр являет их союз.

---

⁶ Имеется в виду драма в одном действии К.И. Мюллера фон Фридбера «Взятие острова Сент-Люции». Издано под назв. «Взятие св. Лукии, антильского американского острова» (пер. с франц. М.А. Дмитриева; СПб., 1786). Впервые представлена в Москве 9 января 1785 года. См.: Всеволодский-Гернгросс В.Н. Репертуар драматических трупп Петербурга и Москвы. 1750–1800 // История русского драматического театра: В 7 т. М., 1977. Т. 1. С. 442.

⁷ Возможно, речь идет о комедии с песнями в одном действии «Лоретта» (соч. Де Малзевилла, музыка Демеро); см. изд.: [М.], 1781.

⁸ Возможно, Дмитрий Осипович Баранов (1773–1834), поэт, действительный член второго разряда «Беседы любителей русского слова», сенатор. Лучшим его стихотворением считается «Державину на перевод Пиндара» (публ. 1802). О нем см.: Травников С.Н. Баранов Дмитрий Осипович // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1 (А–И). Л., 1988. С. 56–57.

«Любительницей муз» здесь, по-видимому, названа Екатерина Яковлевна Державина, стараниями которой в губернаторском доме был организован театр. В этом же номере были опубликованы стихи на Новый год, сочиненные неким Р. С. и переданные директором народных училищ Тамбовской губернии капитаном Жоховым.

В № 43 «Тамбовских известий» за 27 октября вновь появляется стихотворение Д. Б. — сонет, «присланный из типографии для внесения в известия»:

Низринь, Эол, Борея,
В вертеп ужасный заключи,
Зима, приди скорее,
Натуру боле не тягчи.
Печальную природу
В одежду белу наряди,
Дожди и непогоду
В дни кротки премени.
Весна уже укатилась
И лето днесь сокрылось
На время скучное от нас.
Пройди зима, весна бы возвратилась,
Цветущая ея порфира обновилась,
По ветвям зыблющим разнесся птичий глас.

В официальном разделе «Тамбовских известий» публиковались сообщения о событиях общероссийского масштаба, государственных праздниках, известия из городов губернии об открытии городских дум, прохождении воинских команд, чрезвычайных происшествиях, культурных событиях и даже рекомендации по предохранению от «гнилого воздуха и гнилой воды» (№ 8), избавлению от кашля, лечению овец от оспы (№ 16).

Событием для Тамбова стало открытие 4 сентября депутатского дворянского собрания, в чьи обязанности входило ведение родословной книги о дворянских родах Тамбовской губернии. Приветственная речь, которую по этому случаю произнес губернский предводитель статский советник А.Г. Панов, была напечатана в № 36 «Тамбовских известий». В этом же номере газеты было опубликовано объявление о том, что дворянское собрание предлагает брать займы из дворянской казны.

Подробное описание церемонии выборов новых судей Тамбовской губернии было помещено в № 51 «Тамбовских известий» от 22 декабря. Съехавшиеся в Тамбов представители губернского дворянства во главе с губернским предводителем принесли присягу «на беспристрастные выборы» в соборной Спасо-Преображенской церкви. Избранные вновь чиновники были приведены к ней в присутствии тамбовского и рязанского генерал-губернатора И.В. Гудовича 15 декабря 1788 года в соборной церкви Казанского монастыря, после чего при колокольном звоне и пушечной пальбе состоялось молебствие за здоровье императрицы и августейшего дома.

Одним из существенных моментов провинциальной жизни являлись государственные праздники. Особо торжественно Тамбов отмечал день рождения Екатерины II и тезоименитства великой княгини Александры Павловны 22 апреля 1788 года (№ 17). В 8 часов утра в соборную церковь Казанского монастыря собралось духовенство, которое провело крестный ход с колокольным звоном в округе монастыря. Затем в присутствии правителя губернии, чинов наместничества, губернского дворянства и «разного звания людей» состоялась божественная литургия, которую совершил протоирей Симеон Кирилов. По ее окончании собравшиеся слушали молебное пение за здоровье императрицы и всего августейшего дома. Такие же мероприятия прошли в Тамбове в день коронации Екатерины II и кавалерского праздника ордена св. Владимира 22 сентября. Они завершились вечерней иллюминацией города, о чем сообщалось в № 39 «Тамбовских известий», а в Прибавлении тогда было напечатано поучительное слово,

произнесенное епископом Тамбовским и Пензенским Феофилом. Еще одним праздником для города стал день тезоименитства Екатерины II 24 ноября. Как сообщала газета (№ 48 от 1 декабря), в этот день в присутствии губернатора Державина, чиновников и духовенства прошла божественная литургия в Спасо-Преображенской соборной церкви и состоялся молебен с колокольным звоном и пушечной пальбой. В доме губернатора был накрыт обеденный стол, и когда пили за высочайшее здравие, производилась пушечная пальба. Вечером у Державина были бал и ужин; весь город был иллюминирован.

Как свидетельствуют «Тамбовские известия», в XVIII веке провинциальные жители в обязательном порядке отмечали успехи русской армии и воинские дни. В № 26 за 30 июня 1788 года была помещена информация о состоявшейся 27 июня в день «воспоминовения победы под Полтавою» божественной литургии, которую отслужил архимандрит Тамбовского Богородицкого монастыря и ректор семинарии Иоанникий с местным духовенством. В № 29 от 14 июля была целиком опубликована реляция генерал-фельдмаршала князя Г.А. Потемкина-Таврического от 19 июня о победе, одержанной над турецким флотом под Очаковской крепостью; здесь же сообщалось о том, что на 23 июля назначались соответствующие торжества в Тамбове (о них подробно было написано в № 30 от 28 июля). В № 30 рассказывалось о состоявшейся 27 июля божественной литургии с коленопреклоненным благодарственным молением по случаю победы над шведским флотом и о «взятии в полон» корабля «Густав». Викториальный день взятия города Нарвы в 1704 году был отмечен в Тамбове также Божественной литургией (№ 32 от 11 августа). В октябре Тамбов молебнами и пушечной стрельбой праздновал взятие Хотина (№ 44 от 2 ноября). В № 49 от 8 декабря описывались торжества в кавалерский день ордена св. Андрея Первозванного.

Церковные праздники тоже подробно освещались в газете. Так, в № 15 от 14 апреля сообщалось о крестном ходе с колокольным звоном,

состоявшемся 9 апреля в неделю Ваий в округе Казанского монастыря. Крестный ход совершило собравшееся от всех церквей духовенство; от «присутственных мест» были «отряжены» советник Мосолов и ассессор Ястребов. В тот же день в доме Державина состоялся обеденный стол, к которому были приглашены игумен Козловского Троицкого монастыря Варлаам и протоиерей Кирилов, а вечером были собрание и ужин. В № 16 от 20 апреля рассказывалось, как 16 и 17 апреля жители Тамбова праздновали светлый день Пасхи, участвовали в богослужениях и крестном ходе.

Большими церковными торжествами был отмечен приезд в Тамбов из Грузии 24 мая грузинского преосвященного католикоса Имеретинского Максима (№ 21). На другой день местное духовенство совершило в округе Казанского монастыря крестный ход с колокольным звоном, «который при стечении многочисленного народа продолжался до здешнего Вознесенского девичьего монастыря, в коем празднован был нынешний день». В присутствии тамбовского и рязанского генерал-губернатора Гудовича, тамбовского губернатора Державина и губернских чинов архимандрит Нижеламовского монастыря и ректор Тамбовской семинарии Иоанникий с собором совершили божественную литургию, после чего проповедь произнес священник Петропавловской церкви Петр Иоаннов. При выходе из храма высшие лица губернии посетили игуменью и стариц девичьего монастыря. Католикос покинул Тамбов 26 мая 1788 года и направился в Москву, а генерал-губернатор Гудович 28 числа через Кушлинский Завод вернулся в Рязань. Еще более торжественно гражданские чины во главе с Державиным и местные жители встречали епископа Тамбовского и Пензенского Феофила, прибывшего в город 14 сентября. Как сообщалось в газете, «многочисленное народное стечение обоюбого пола, во встречу Его преосвященства на стогны и улицы градские нашедшее и в соборе при отправлении Божественной литургии бывшее, изобразило ясно, с каким живым удовольствием и радостью прияло здешнее общество своего архипастыря» (№ 37 от 15 сентября).

Как видим, все праздничные дни проходили в Тамбове по определенному церемониалу при обязательном участии духовенства, губернатора Державина (а иногда и генерал-губернатора Гудовича), местного чиновничества, знатных жителей, купечества, простых обывателей. Как правило, совершались различные богослужения, крестные ходы, которые сопровождалось колокольным звоном и — в особо торжественные дни — пушечной пальбой. Бывало, что по вечерам город иллюминировался, а в доме губернатора собиралось местное дворянство, устраивались обеды и балы.

Дом губернатора Державина, судя по информации «Тамбовских известий», являлся одним из культурных центров имперской провинции; здесь в выходные и праздничные дни собиралось местное «знатное общество», устраивались спектакли и балы. Так, из № 2 газеты (от 14 января) мы узнаем о богослужениях, состоявшихся в день Богоявления Господня 7 января 1788 года. День этот завершился светскими празднествами: вечером в доме Державина была «представлена благородным обществом» комедия Д.И. Фонвизина «Недоросль», потом был показан балет, по окончании которого состоялись бал и ужин. Как видно из сообщений, помещенных в «Тамбовских известиях», в доме губернатора каждое воскресенье проходили собрания, во время которых силами «благородного общества» давались представления. Так, 30 января были представлены драма «Агар<ь> в пустыне», снова комедия «Недоросль» и балет. Насыщены различными событиями оказались последние дни Сырной недели: в субботу 1 марта в доме Державина взрослые актеры играли трагедию «Беверлей»,⁹ а малолетние дети — детскую комедию «Невинная ворожба»;¹⁰ на следующий день представляли оперу «Мельник»¹¹ и комический балет «Собирание плодов»; потом были бал-маскарад и ужин (№ 9 от 3 марта).

---

⁹ Речь идет о «мещанской трагедии в 5 действиях» Б.-Ж. Сорена (пер. с франц. И.А. Дмитриевского; СПб., 1773), являющейся переделкой трагедии Э. Мура «The Gamester». Впервые представлена в Петербурге 11 мая 1772 года. См.: История русского драматического театра. Т. 1. С. 440.

¹⁰ Автор — французский детский писатель Арнольд Беркенъ (1749–1791).

¹¹ Речь идет об известной комической опере А.О. Аблесимова и М.М. Соколовского (музыка) «Мельник — колдун, обманщик и сват» (1779).

Особый интерес вызывают сообщения «Тамбовских известий» из уездных городов о насущных проблемах провинции и течении жизни сельских и городских обывателей. Например, читатели первого номера газеты с удовлетворением смогли прочесть информацию из Шацка о захвате «разбойнической партии», которая занималась грабежами в Шацком и Елатомском уездах, и убийстве ее атамана.

Публиковались в «Тамбовских известиях» и сообщения о чрезвычайных происшествиях, случившихся в губернии. Так, в том же № 9 от 3 марта была помещена информация о «сильной с вихрем и нарочитою стужею буре», случившейся в Тамбове 22 февраля, во время которой с «банкового каменного дома сорвало с одной стороны кровлю и отнесло более десяти сажень, многие железные листы разорвало пополам, а другие свернули в трубки; с деревянного строения в некоторых местах сорвало так же крышки, поломало трубы и вырвало окончины». В № 25 от 23 июня было помещено сообщение из Липецка о выпавшем там 15 июня граде «величиною с куриное яйцо и более», который повредил озимый хлеб, поломал деревья и побил домашних и диких птиц.

Многочисленные сообщения из разных мест губернии об уничтоженных посевах указывают на причины случившегося в 1788 году неурожая. У губернатора Державина, способствовавшего выполнению поручения главнокомандующего армией Г.А. Потемкина воронежскому купцу Гарденину о покупке и доставке провианта в армию, возникли неприятности, которые закончились судебным разбирательством в Сенате.¹² В связи с этими обстоятельствами ему пришлось срочно выехать в Москву. Супруга Державина Екатерина Яковлевна некоторое время оставалась у Варвары Васильевны Голицыной, племянницы Потемкина,¹³ в ее

---

¹² См.: Державин Г.Р. Записки. 1743–1812: Полный текст. М., 2000. С. 113–128.

¹³ См.: Болотина Н.Ю. Родственные связи князя Г.А. Потемкина и князей Голицыных // Хозяева и гости усадьбы Вяземы: Материалы III Голицынских чтений, 20–21 янв. 1996 г.: [В 2 ч.]. Большие Вяземы (Моск. обл.); Малоярославец, 1997. Ч. 1. С. 90–95.

тамбовском имени Зубриловка,¹⁴ где бывала и ранее. Подтверждением этому служит, в частности, сообщение «Тамбовских известий» о том, что из села Зубриловки в Тамбов выехала действительная статская советница Е.Я. Державина (№ 31 от 28 июля).

С первого выпуска газеты важное место в ней занимали сообщения о Тамбовском народном училище — ходе обучения в нем и экзаменах, проходивших в присутствии губернатора Державина, губернских чиновников и именитых людей. Публиковались в газете и списки отличившихся учеников. Из 52 номеров «Тамбовских известий» сообщения об училище были помещены в 8-ми выпусках (№№ 2, 5, 6, 23, 25, 47, 49, 52). Можно предположить, что одними из основных подписчиков издания были зажиточные родители обучающихся юношей, и они охотно читали в провинциальной газете об успехах своих детей. Частые публикации об училище должны были также способствовать внедрению в умы местных жителей политики верховной власти по развитию образования и способствовать созданию привлекательного образа вновь устроенного учебного заведения в глазах тамбовского общества.

Открытие главных народных училищ в 25 губерниях намечалось на 22 сентября 1786 года. Оно должно было сопровождаться торжественной церемонией. Попечением Державина в Тамбове в назначенный день было открыто главное народное училище со 106 учениками, а в шести уездных городах — малые народные училища. В 1788 году народное училище благодаря стараниям Державина получило новое помещение — «казенное здание, построенное на Астраханской улице, близ церкви Покрова Богородицы, недалеко от присутственных мест».¹⁵

В № 2 «Тамбовских известий» от 14 января 1788 года сообщалось об открытом публичном испытании учащихся губернского народного училища,

---

¹⁴ См.: Соч. Державина с объяснит. примеч. Я. Грота. СПб., 1869. Т. 5. С. 741–742. О Зубриловке см.: Городнова Л. Разрушился сей дом, засохли бор и сад: державинская песнь голицынской Зубриловке // Наше наследие. 2008. № 86. С. 8–21.

¹⁵ Цит. по: Мещеряков Ю.В. Гавриил Романович Державин: Тамбовский период деятельности (1786–1788). С. 209.

состоявшемся в течение нескольких первых дней января в присутствии губернатора, директора училища, знатных особ и купечества. Во время испытания дети показывали свои знания во всеобщей, российской и математической географии, истории, арифметике, российской грамматике, латыни, катехизисе и изъяснении Евангелия. По окончании учеником Дмитрием Ушаковым была произнесена благодарственная речь. Во второй день экзаменовались ученики второго разряда, на следующий день — самые младшие, первого разряда. Особо отмечалось, что Державин во время испытаний задавал «арифметические задачи», которые решались учениками, а особую похвалу губернатора получил ученик третьего разряда, сын провинциального секретаря Михаил Хадукин. Задавали вопросы и другие присутствующие, «дабы вывести из сомнения некоторых зрителей, полагающих, будто ученики в некоторых только статьях <...> нарочно были приготовлены» (№ 2 от 14 января). По окончании Державин сам огласил список отличившихся, который затем был опубликован в газете с указанием сословной принадлежности учащихся.

В № 23 «Тамбовских известий» сообщалось о прибытии в город коллежского советника О.П. Козодавлева, отправленного от Комиссии училищ для осмотра народного училища. По этому случаю было произведено публичное испытание учащихся, ход которого подробно описывался в газете. Сообщалось, что столичный инспектор, «усмотря как порядок в училище, так и успехи учащихся, изъяснил директору здешних училищ, что он не оставит засвидетельствовать сего с похвалою вышшей команде». В № 25 от 23 июня 1788 года был опубликован список учеников, отличившихся в науках в присутствии Козодавлева.

В № 47 «Тамбовских известий» от 24 ноября был помещен присланный из наместнического правления рескрипт Екатерины II, полученный тамбовским и рязанским генерал-губернатором Гудовичем, в котором отмечалось отличное состояние народных училищ во вверенных ему губерниях. Здесь же в газете сообщалось о благородном поступке

племянницы Г.А. Потемкина – княгини В.В. Голицыной, которая для пополнения народного училища пожертвовала «разного рода горных пород около семидесяти штук, из коих примечания достойны как редкостью, так и величиною топасовые, кальцедоновые и сердоликовые». Она прислала их своему хорошему знакомому — тамбовскому губернатору и попечителю училищ Державину, а от него ценный подарок через Приказ общественного призрения поступил в училище. В газете была высказана особая признательность госпоже Голицыной за помощь в распространении образования в Тамбовской губернии.

Информация о составе учащихся, публичных и частных экзаменах, помещенная в «Тамбовских известиях», расширяет существующие представления и позволяет более подробно изучить первые годы деятельности народного училища и ход реализации школьной реформы Екатерины II. Наряду с сообщениями о жизни народного училища в газете помещались сведения о Тамбовской семинарии.

С официальными материалами в «Тамбовских известиях» соседствовали неофициальные: например, рецепты лекарств от подагры, присланные читателями (№ 3 за 21 января), или «полезное замечание» батальонного лекаря Другова о кормлении младенцев (№ 7). Содержатель типографии в специальном примечании призвал всех желающих присылать подобные заметки для бесплатного помещения их в газете. Время от времени они публиковались. Так, в № 14 от 7 апреля помещен рецепт средства «к излечению ознобленных», полученный от губернского стряпчего князя А.Д. Мещерского; здесь же для помещиков, которые занимались разведением картофеля, приводится рецепт «врачебного крахмала», тогда как в № 39 от 29 сентября — рецепт изготовления сыра из картофеля.

Большое место в газете занимали разделы «Продажа», «Подряды» и «Объявления», в которых давались частные объявления о продаже различного имущества. В каждом номере приводились цены на основные продукты питания, а также давались сводные таблицы цен за месяц в городах

губернии. Отдельно можно выделить раздел, в котором помещались объявления о пропавших вещах. Почти в каждом номере газеты можно встретить информацию о продаже книг, изданных в Тамбовской типографии. Так, например, в № 8 от 25 февраля сообщалось о продаже книги «Торжество восшествия на престол Ея императорского величества Екатерины Второй» (цена без переплета 6 копеек). В № 50 «Тамбовских известий» было опубликовано объявление о том, что в типографии «печатаются визитные разных сортов и цветов билеты». В последнем номере газеты за 1788 год (№ 52) сообщалось о посещении епископом Тамбовским и Пензенским Феофилом «с первенствующими духовными особами» Тамбовской типографии 26 декабря. В честь этого события Державин написал стихи, которые и были здесь же напечатаны:

На память Твоего, Феофил, к нам прихода
Мы имя здесь Твое бессмертию предадим.
И должно ли молчать учителю народа?
Рассыпь нам бисер Твой, мы свет обогатим.¹⁶

Поступали в Тамбов для продажи, как свидетельствует газета, и столичные издания. Например, из № 11 от 17 марта провинциальные жители могли узнать о продаже сочинения Ж.-П. Флориана «Нума Помпилий» (Ч. 1–2; СПб., 1788), которое было переведено с французского языка близким другом Державина П.Л. Вельяминовым.¹⁷ Информация сопровождалась небольшой рецензией без подписи, однако можно предположить, что сам губернатор, будучи знатоком литературы, советовал местным жителям ознакомиться с замечательным переводом книги, которая «заслужила всеобщую похвалу в Европе». Некоторые номера газеты содержали

---

¹⁶ Ранее считалось, что это стихотворение впервые было опубликовано в «Московском журнале» (1792. Ч. VII. С. 259). См.: Соч. Державина с объяснит. примеч. Я. Грота. СПб., 1864. Т. 1. С. 213.

¹⁷ О нем см.: Степанов В.П. Вельяминов Петр Лукич // Словарь русских писателей XVIII века. Выпуск 1. А – И. Л., 1988. С. 143–144.

исключительно информационные объявления о продаже товаров, беглых крепостных, подрядах и подписке на издания (например, № 10 от 10 марта). В № 12 за 24 марта 1788 года было помещено объявление, в котором всем желающим предлагалось продать или подрядиться изготовить для дома тамбовского дворянства столы, стулья, кресла, чернильницы, шандалы, а также поставить бумагу, сургуч и дрова. Приезжавшие в город иностранные мастера охотно пользовались возможностями печати и давали объявления в газету. Так, в № 23 немец-седельник объявил жителям Тамбова, что он «всяких сортов седлы, волтрапы, уздечки делает, покои обивает, также и софы, канапи, стулья да разные каретные сундуки на аглицкой манер»; поселился приезжий мастер у своего соотечественника хлебника на Архиерейской улице.

В разделе «Продажа» в основном помещались объявления о реализации товаров, произведенных на местных заводах и фабриках, причем не только в Тамбовской губернии, но и в близлежащих уездах. О развитии торговли свидетельствуют объявления об учреждении еженедельного торга по четвергам и ежегодной ярмарки 6 августа в селе Чубарово Елатомской округи (№ 5), открытия в Тамбове 22 июня первой «ярмарки», на которую собрались местные и иногородние купцы (№ 25), а 7 июля — второй, называемой Казанской (№ 27).

В газете можно встретить и объявления о пропавших животных: «В здешнюю типографию забежала не ведомо чья косматая собачка, о которой тем, кому она принадлежит, сим извещается» (№ 4 от 28 января).

Сообщения о продаже крепостных встречаются довольно редко. Такое объявление помещено в № 13 газеты от 31 марта: «Рязанского наместничества Сапожковской округи в селе Высоком продается крестьян мужеска полу по последней ревизии 18 душ со всем их семейством и имуществом и принадлежащею к ним землею». В № 36 от 8 сентября сообщалось о том, что премьер-майор М.Д. Кусаков «продает бабу вдову 24 лет, коя белье моет и гладит порядочно, и шьет белье не дурно; цена

60 рублей». В №№ 19 и 20 специально был выделен разделы «О беглых людях», в котором были напечатаны объявления о бежавших от помещиков дворовых людях, с указанием возраста и примет беглецов.

В каждом номере газеты публиковались списки чинов первых семи классов, приезжавших и выезжавших из Тамбова и окрестных городов и сел. Сведения о населении губернского города представлены в ведомости о родившихся, сочетавшихся браком и умерших в Тамбове и губернии, помещенной в № 4 от 25 января 1788 года.

Хотя газета «Тамбовские известия» издавалась, как уже говорилось, на средства от подписки, многие подписчики не забирали номера из типографии. В связи с этим в последнем номере (№ 52) было признано, что издание газеты, предпринятое «единственно для удовольствия и пользы публики, не имело успеха» и прекращается. Но, вероятно, главной причиной прекращения издания все же стал отъезд Державина из Тамбова в конце декабря 1788 года и его отставка с поста губернатора.

Разнообразные официальные и статистические материалы «Тамбовских известий», построенных по образцу столичных газет, представляют картину жизни Тамбова и губернии екатерининского времени в течение целого года. Обнаружение этого издания позволяет восполнить большую лакуну в изучении бытовой и книжной культуры XVIII столетия. Читатели провинциальной газеты, издававшейся, несомненно, по замыслу просвещенного тамбовского губернатора Г.Р. Державина, узнавали из нее обо всех важнейших местных событиях, церковных и государственных праздниках, жизни народного училища, могли почерпнуть нужную информацию о продаваемых товарах и книгах и, кроме того, разместить здесь свое объявление. Информация из Петербурга, Москвы и заграницы в «Тамбовских известиях» не появлялась; по своему содержанию газета была сугубо провинциальной.

Державин по прибытии в Тамбов на службу не ограничился исполнением административных обязанностей — у него в доме ставились

пъесы, звучали стихи, в городе действовало главное народное училище, стала издаваться губернская газета, столь необходимая, по его мнению, в культурной жизни провинциального общества. В «Записках», перечисляя полезные дела, совершенные им на посту тамбовского губернатора, Державин пишет: «Учредил типографию, в которой печатались не токмо указы сенатские, но и прочие скорого исполнения требующие предписания губернского правления, а также и губернские ведомости о ценах хлеба, чем обуздывалось своеволие и злоупотребление провиантских комиссионеров, и о прочем к сведению обывателей нужном».¹⁸ Все им перечисленное и составляло содержание газеты. К сожалению, идея Державина об издании информационного органа печати не прижилась на Тамбовской земле, и выпуск «Тамбовских известий» ограничился только одним годом. Однако обнаруженный нами полный годовой комплект газеты представляет несомненный интерес для исследователей и заслуживает их должного внимания и пристального изучения.

---

¹⁸ Державин Г.Р. Записки. 1743–1812: Полный текст. С.122.

Г.Р. Державин

и газета его старого друга, другом быть переставшего

Подоплека литературных ссор — составная часть истории литературного быта, позволяющая исследователям понять колорит ушедших эпох. Но зачастую традиционным становится оправдание одного (как правило, более известного современникам и потомкам) участника конфликта. Подобная ситуация сложилась в оценке взаимоотношений Г.Р. Державина и О.П. Козодавлева, что объясняется, прежде всего, негативными строчками самого Державина в его «Записках». ¹ Рассмотрим, как повлияло возникшее расхождение на более поздние деловые контакты двух поэтов, министров, воспитанников восемнадцатого столетия.

В 1770–1780-е годы приятельские, если не сказать дружеские, отношения Державина и Козодавлева очевидны и порой даже судьбоносны. «Для истории русской литературы весьма ценны сведения об отношениях Козодавлева к Державину», — утверждал Е.М. Гаршин. ² О знаменательной встрече с «Пленирой» — своей первой женой Екатериной Яковлевной Бастидон Державин вспоминал так: «30-го августа 1777 г. <...> Державин смотрел из квартиры Козодавлева на обычный в этот день крестный ход и был поражен наружностью девицы, которую в первый раз встретил там». ³

Не менее известна история с признанием Державина как литератора, достойного воспеть век Екатерины II. Державин «жил тогда на Литейной в доме П.В. Неклюдова, вместе с Козодавлевым, своим сослуживцем по экспедиции о государственных доходах. Раз, в 1782 году, понадобилось ему пойти в свое бюро; случившийся тут Козодавлев, увидя рукопись, прочел из

---

¹ См.: Записки Державина (1743–1812) // Соч. Державина с объяснит. примеч. Я. Грота. СПб., 1871. Т. 6. С. 747–748.

² Гаршин Е. Один из русских Гракхов прошлого столетия // Ист. вестник. 1890. № 9. С. 627.

³ Соч. Державина с объяснит. примеч. Я. Грота. СПб., 1880. Т. 8: Биография поэта. С. 241.

нее несколько строк и, под клятвой никому постороннему не показывать, выпросил позволение дать ее прочесть тетке своей, Анне Осиповне Бобрищевой-Пушкиной, любившей поэзию и особенно стихи Державина. Вечеру того же дня поэт получил оду обратно, но через несколько дней, против всякого чаяния, услышал, что она открыто читана в доме И.И. Шувалова на обеде, в присутствии многих знатных лиц». ⁴

Нескромность Козодавлева, однако, привела к блестящим результатам. Ставшая таким образом известной «Ода к премудрой киргизкайсацкой царевне Фелице, писанная некоторым татарским мурзою, издавна поселившимся в Москве, а живущим по делам своим в Санкт-Петербурге» послужила основой для учреждения «Собеседника любителей русского слова» и упрочила положение молодого литератора. Сам Державин после высочайшего одобрения оды написал три благодарственных письма – княгине Е.Р. Дашковой, князю А.А. Безбородко и О.П. Козодавлеву. В письме к последнему сообщалось: «...ведаю всегдашнее ваше искреннее расположение, как в рассуждении меня самого, так и относительно всех моих слабых сочинений <...>. Особливо же благодарю я вас за распространенный слух, касательный до оды Фелице, по которому дошла она до сведения покровительницы муз. Вы всегда поощряли меня в поэзии и выхваляли малые мои способности, данные мне одною природою и вами только примеченные». ⁵

Дружбу двух молодых и далеко не равнозначных поэтов ⁶ признавали их современники. ⁷ Духовную близость к Державину подчеркивал и

---

⁴ Там же. С. 296.

⁵ Там же. СПб., 1869. Т. 5. С. 369.

⁶ Хотя Н.А. Добролюбов, например, признавал: «Из писателей менее известных, помещавших свои стихи в “Собеседнике”, особенного внимания заслуживает Козодавлев, по легкости своего стиха» (Добролюбов Н.А. «Собеседник любителей русского слова». Издание княгини Дашковой и Екатерины II. 1783–1784 // Добролюбов Н.А. Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1961. Т. 1. С. 251).

⁷ «Он Какое друг Крамзы, но только друг нахальной», – утверждал, в частности, А.С. Хвостов (цит. по: Кочеткова Н.Д. Отзывы о Ломоносове в «Собеседнике любителей русского слова» // Литературное творчество М.В. Ломоносова: Исследования и материалы / Под ред. П.Н. Беркова, И.З. Сермана. М.; Л., 1962. С. 278).

Козодавлев. Его «Письмо к Ломоносову. 1784 года», помещенное в «Собеседнике...», содержит строфы, признающие гениальность нового поэта и – одновременно друга:

Из новых здесь творцов, последователь твой,
Любимец Муз и друг нелицемерный мой,
Российской восхитясь премудрою царицей,
Назвав себя Мурзой, Ее назвав Фелицей,
На верх Парнаса нам путь новый проложил,
Великие дела достойно восхвалил <...>. ⁸

А певец Фелицы 17 августа 1786 года в письме к кн. Дашковой аттестовал Козодавлева как лицо из числа «блистательных умов». ⁹

В 1780-е годы близкое знакомство Державина и Козодавлева продолжилось. Так, например, в декабре 1782 года палата гражданского суда оправдала А.А. Дьякова в предъявленном ему обвинении, причем текст судебного определения во многом совпал с текстом мнения Г.Р. Державина по делу Дьякова. С.Д. Дзюбанов высказал аргументированное предположение, что Державин помог Козодавлеву, члену палаты, выстроить систему оправдательного решения суда, что говорит об их тесных отношениях в то время. ¹⁰

В 1783–1784 годах они вместе участвовали в составлении «Словаря Академии Российской». ¹¹ 25 сентября 1786 года занимавший должность тамбовского губернатора Державин сообщал заместителю И.В. Гудовичу: «...а паче, как ко мне из Петербурга директор Главного училища

---

⁸ Собеседник любителей российского слова. 1784. Ч. XIII. С. 170–171.

⁹ Соч. Державина с объяснит. примеч. Я. Грота. Т. 5. С. 539.

¹⁰ Об этом см.: Дзюбанов С.Д. «Верует в Резон, как во Единого Бога» (подлинная история тайной женитьбы Н.А. Львова) // Г.Р. Державин и его время: Сб. науч. ст. СПб., 2008. Вып. 4. С. 44–45.

¹¹ См. изд.: СПб., 1789–1794.

г. Козодавлев писал, что надобно церемонию, при открытии училища случившуюся, припечатать в газетах, то и рассудил я о всех помянутых подробностях в<аше> в<ысоко>пр<евосходительство> учинить известным с тем, ежели что вам угодно будет, то и прикажете дать знать С.-Петербургской Академии наук» (письмо об открытии в Тамбове народного училища).¹²

Служебные неудачи Державина в Петрозаводске и Тамбове не привлекли к разрыву дружеских привязанностей. 30 октября 1788 года Козодавлев обращался к бывшему тамбовскому губернатору: «Больно, весьма мне больно видеть дела ваши в дурном положении и слышать разные вести, не обещающие вам спокойного оным окончания. Жалко, что ум просвещенный и сердце честное стечением обстоятельств приведено в такое состояние, в коем бы долженствовало находиться единственно только умам коварным и сердцам злобным».¹³

В следующем десятилетии жизнь постепенно разводит приятелей в разные стороны — в переписке и воспоминаниях сквозят упреки или прямые обвинения. Дело Радищева 1790 года, с одной стороны, продемонстрировало продолжающуюся дружбу Козодавлева и Державина (хотя бы внешне). Иначе не объяснить тот факт, что Радищев из подаренных экземпляров «Путешествия», которых «роздал очень мало, да и не имел намерения моего много отдавать», отдал «один экземпляр г. Козодавлеву, ему же один для г. Державина».¹⁴ С другой стороны, именно это разбирательство предоставило повод Державину чувствовать себя чуть ли не благодетелем Козодавлева. По крайней мере, в письме к брату,

---

¹² Соч. Державина с объяснит. примеч. Я. Грота. Т. 5. С. 574.

¹³ Там же. С. 717. Грот приводит 10 писем Козодавлева к Державину (сообщение литературных новостей, просьбы за других, за себя, выражение сочувствия Державину, служебные). См.: Там же. С. 488–490, 525–526, 538, 540–541, 594, 632–633, 717, 803, 812, 813. В этом же томе есть письмо Державина Козодавлеву (благодарность за опубликование «Фелицы» и знакомство с Дашковой; см. Там же. С. 369–370); в следующем — два письма Державина Козодавлеву по геральдическим вопросам (см.: Там же. Т. 6. С. 365–366).

¹⁴ Архив князя Воронцова. М., 1872. Кн. V. С. 427.

гр. А.Р. Воронцову, кн. Дашкова писала в ноябре 1793 года: «...когда Козодавлева посадили в коммерцию, то Державин сказал при многих: “Вот какой я души человек, что я не сказал о Козодавлеве, что он участие имел в сочинении Радищева. Козодавлев против меня неблагодарен, меня злословит” <...>». ¹⁵

Другой пример уже явно показывает главную причину взаимных трений. Державин был человеком бескомпромиссным, резким и прямым; Козодавлев — добрым, великодушным, но царедворцем, со всеми вытекающими отсюда чертами. История с одой «На рождение великого князя Михаила Павловича» (1798) подробно описана в «Записках» Державина. Созданная в том числе и по совету Козодавлева, ода вызвала испуганные толки непозволительно резкими строфами «в толь смутное время, каково было Павлово»: ¹⁶

Лишь правда — над вселенной царь <...>.

Престола хищнику, тирану

Прилично устрашать рабов;

Но Богом на престол возванну

Любить их должно, как сынов. ¹⁷

И Козодавлев просто-напросто испугался — за себя, за карьеру, за семью... Он всячески уклонялся от общения с поэтом до тех пор, пока не стало известно, что император наградил Державина. Тогда бывший друг попытался поздравить отмеченного царской милостью, но получил словесную пощечину: «Поди прочь от меня, трус. Зачем ты намедни от меня

---

¹⁵ Соч. Державина с объяснит. примеч. Я. Грота. Т. 8. С. 695.

¹⁶ Там же. Т. 6. С. 747.

¹⁷ Там же. СПб., 1865. Т. 2. С. 154–155.

бегал, а теперь целуешь?»¹⁸ (в другом варианте «подлец»: «Поди прочь, подлец: для чего ты от меня вчера бегал?»¹⁹).

М.И. Сухомлинов так расценил эту ситуацию: «Приведенное обвинение, несмотря на всю свою резкость, заключает в себе и смягчающие вину обстоятельства. Сам Державин говорит, что ода написана по совету Козодавлева и что времена были тогда смутные, слухи ходили страшные, и все верили этим слухам. Следовательно, если бы ода была признана преступною, то Козодавлев явился бы участником в важном государственном преступлении! Что ж удивительного, что Козодавлев, под влиянием общей паники, боялся встречи и беседы с Державиным, за которую так легко мог подвергнуться ссылке или другому какому-либо подобному огорчению. Притом же Державин, как человек в высшей степени впечатлительный и не выносивший и тени притворства, мог наложить чересчур густые краски на картину, в те времена весьма обыкновенную, хотя в существе своем все-таки нехорошую».²⁰

Не спешит обвинять кого бы то ни было и Я.К. Грот: Козодавлев «во многих случаях был полезен Державину, напр<имер>, позднее содействовал успеху при дворе оды Фелице; но после многих лет взаимной приязни отношения между ними изменились, и поэт в своих записках представляет Козодавлева человеком бесхарактерным и малодушным, готовым отвернуться от друга при первой перемене обстоятельств. Может быть, это было отчасти и справедливо, но мы знаем также, что когда Державин был тамбовским губернатором, то Козодавлев не одобрял его образа действий; знаем, что Державин, желая угодить княгине Дашковой, отверг рекомендованного ему Козодавлевым Грибовского, что, следовательно, могли быть и другие причины охлаждения между приятелями, и, таким образом, вина в их разладе не должна быть слагаема на одного

---

¹⁸ Соч. Державина с объяснит. примеч. Я. Грота. Т. 6. С. 748.

¹⁹ Там же. СПб., 1866. Т. 3. С. 661.

²⁰ Сухомлинов М.И. История Российской академии. СПб., 1882. Вып. 6. С. 151–152.

Козодавлева». ²¹

Таким образом, приятельских отношений в 1790-е годы и позже уже не было. Но остались хорошее знание друг друга и светское умение общаться, не сближаясь. Встречи, прежде всего, были связаны со служебными вопросами. Так, в ноябре 1803 года Державин иронизирует в письме к В.В. Капнисту: «...определение Сената подписано всемогущим Строгановым, вездесущим Козодавлевым и велемудрым Неплюевым». ²² В 1808 году Козодавлев был включен в состав нового Еврейского комитета. В предыдущем, созданном в 1802 году, состоял Державин. Вполне вероятно, что могли потребоваться какие-то справки, уточнения и т. п. Сохранилась и деловая переписка начала XIX века (справедливости ради отметим, что писем меньше, чем в пору дружества, и тон иной — повторяющееся обращение «ваше высокопревосходительство» заменяет сердечность ранних строк).

Державин и Козодавлев продолжали общение и по литературным вопросам. В 1807 году С.П. Жихарев записал: «У Гаврила Романовича обедали О.П. Козодавлев и Дмитревский. Осип Петрович, кажется, добрый и приветливый человек, любит литературу и говорит обо всем очень рассудительно <...>». ²³

А позже, в 1814 году, в письме к канцлеру гр. Н.П. Румянцеву, Козодавлев вспоминал державинские строки по поводу отъезда императора из Петербурга: «Старинные стихи Державина теперь очень кстати:

Пусты дома, пусты рощи,
Пустота у нас в сердцах,
Как среди глубокой ночи
Дремлет тишина в лесах.

---

²¹ Соч. Державина с объяснит. примеч. Я. Грота. Т. 8. С. 238–239.

²² Там же. Т. 6. С. 143.

²³ Жихарев С.П. Записки 1805–1897. Дневники студента и чиновника. М., 1891. С. 274.

Так, с тобою в разлученьи,
Скорбью мы помрачены,
Лишь твои о нас раченьи
Оживленье сей страны.

Стихи хотя и не отменно хороши, но мысль справедливая и очень к нашему положению приличная.²⁴ Отметим, что цитирует стихотворение Державина «На отсутствие Ее Величества в Белоруссию» (1780) Козодавлев почти верно, совсем немного изменяя текст. И это «немного», скорее всего, вызвано цитированием строк на память.

На этой-то литературной почве, одинаково близкой и дорогой обоим, и произошло последнее сближение отстраненного от государственных дел литератора и товарища министра внутренних дел.

В 1809 году по предложению М.М. Сперанского появилось новое издание — «Северная почта, или Новая Санкт-Петербургская газета» (термин «газета» впервые выносился на всеобщее обозрение).²⁵ «Северная почта» издавалась в Петербурге Почтовым департаментом Министерства внутренних дел до 1819 года. Целью издания должно было стать «направление общественного мнения на путь истины, для отражения неправильных и вредных слухов и для предупреждения ложных толков о разных происшествиях».²⁶ Заветы Сперанского принял О.П. Козодавлев. Он осуществлял общее наблюдение за выпуском газеты и цензуру, выбор членов редакции, следил за распространением газеты, читательскими

---

²⁴ Майков П.М. Письма Екатерины II, Павла I, Людовика XVIII, Аракчеева, Карамзина и др. за 1782–1821 годы Румянцевым П.А. и Н.П. // РГИА, ф. 1646, оп. 1, № 99, л. 295 — 295 об.

²⁵ Об истории «Северной почты» см.: Сухомлинов М.И. История Российской академии. Вып. 6. С. 231–265; К истории возникновения «Северной почты» // Бюллетени «Рабочего бюро» по организации всероссийского празднования 200-летнего юбилея русской периодической печати. 1901. № 1. С. 10–14; Варадинов Н. История Министерства внутренних дел. СПб., 1858. Ч. I. С. 228–230; Предтеченский А.В. Газета «Северная почта» (1809-1819) // Анатолий Васильевич Предтеченский. Из творческого наследия. СПб., 1999. С. 132–144.

²⁶ Дубровин Н.Ф. Русская жизнь в начале XIX века. СПб., 2007. С. 296.

впечатлениями, вел редакционную переписку; ему же принадлежат многие статьи в этом издании.

«Северная почта» выходила дважды в неделю, по средам и субботам, имела постоянные отделы («Известия внутренние», «Известия иностранные»), изредка — отдел «Смесь». Отдельно печатались объявления. С 1810 года к газете стали выходить Прибавления на двух (реже — на четырех) полосах. В мирное время в Прибавлениях печатались продолжение внутренних и иностранных известий, прейскуранты на товары, вексельные курсы. В период войны добавочные полосы заполнялись в основном манифестами, рапортами военачальников, текстами журнала военных действий, сообщениями о партизанах. С 1811 года в связи с реформированием министерств с «Северной почтой» соединились «Санкт-Петербургские коммерческие ведомости», выходившие ранее при Министерстве коммерции.

Основной идеей газеты был протекционизм, широко публиковались сведения об отечественных фабриках и мануфактурах, русских товарах и магазинах, сельском хозяйстве и изобретениях. Главным принципом внутренней торговли О.П. Козодавлев считал «сколь можно менее остановок и всякого рода стеснений и сколь можно более свободы»;²⁷ этот же принцип переносил он и на всю внутреннюю политику. Так, неслучайно за десять с лишним лет в газете были помещены 142 публикации, прямо или косвенно затрагивающие темы цензуры и свободы тиснения в мире.²⁸ Свободолюбивые позиции газеты не всегда устраивали власть (самое яркое тому доказательство — пожелание Александра I прекратить выпуск «Северной почты» после смерти Козодавлева, что и было выполнено). «Как человек просвещенный, как министр-писатель, Козодавлев понимал значение

---

²⁷ Россиянин [Козодавлев О.П.]. Отрывки, касающиеся до некоторых частей государственного хозяйства. СПб., 1815. С. 20.

²⁸ Об этом см.: Сони́на Е. С. «Северная почта, или Новая Санкт-Петербургская газета» (1809–1819) о свободе печати // Печать и слово Санкт-Петербурга. Петербургские чтения–2008: В 2 ч. СПб., 2009. Ч. 1. С. 27–33.

печатного слова и видел в нем живую силу и лучшего посредника между правительством и обществом», — утверждал М.И. Сухомлинов.²⁹

Среди других тем газеты выделяется обсуждение благородных поступков русских людей (добровольное поступление в рекруты, возвращение найденных денег, благотворительность). Сообщала «Северная почта» о новостях науки, культуры, образования, печатала сообщения о любительских спектаклях, заседаниях библейских и литературных обществ, путевые очерки и объявления о новых книгах.

Насколько повлияли на публикации «Северной почты» изменившиеся отношения между Державиным и Козодавлевым? На основании сплошного просмотра газеты напрашивается вывод, что главной причиной редкого упоминания Державина на страницах газеты Козодавлева был постепенный отход поэта от участия во внешней, наиболее заметной жизни столицы.

«Северная почта» поместила 13 публикаций о Державине и «Беседе любителей русского слова» и 10 сообщений о «Беседе» и чтениях в ней (без упоминаний о Державине).³⁰ Рассмотрим эти материалы подробнее.

*Таблица 1. Сообщения «Северной почты»
о Г.Р. Державине и «Беседе любителей русского слова»*

Год	Число. №	Сообщения о Державине и «Беседе»
1809/10	13 авг.	Белосток. Публичное испытание в науках в гимназии.

²⁹ Сухомлинов М.И. История Российской академии. Вып. 6. С. 231.

³⁰ По завершении настоящей статьи нам стала известна новая работа, посвященная в том числе и «Северной почте»; см.: Панов С. Еще шишковисты и карамзинисты // Новое лит. обозрение. 2009. № 97. С. 165–173. Ее автор сообщает о постановлении «Беседы» про рекламную кампанию в прессе, приводит тексты «Вестника Европы» и «Северной почты» о заседаниях в доме Державина, сопоставляет публикации с дневником «Беседы», цитирует реакцию К.Н. Батюшкова на первые «беседные» объявления в газете Козодавлева. Ценным, но пока недостаточно аргументированным нам показался разговор об авторстве этих объявлений: первые из них составлялись, как считает С. Панов, разрядом Шишкова, затем подготовка рекламных объявлений легла на плечи разряда Державина; и т. д. Эта версия более правдоподобна, чем наша (принадлежность перу Козодавлева как минимум первого объявления), в силу большей логичности и временных затруднений министра народного просвещения. Кроме того, С. Панов воспринимает как полемический прием появление в одном номере «Северной почты» (от 2 марта 1812 года) объявлений о публичном чтении «Беседы» и о завершении Н.М. Карамзиным седьмого тома «Истории государства российского», что также немаловажно.

	№ 82.	Декламирование разных мест из сочинений, в том числе Державина.
1811	8 марта. № 19. 25 марта. № 24. 29 апр. № 34.	Учреждение «Беседы». Открытие «Беседы». Второе чтение в «Беседе».
1812	3 февр. № 10.	Шестое чтение в «Беседе».
1813	22 янв. № 7.	Десятое чтение в «Беседе».
1814	14 янв. № 4.	Четырнадцатое чтение в «Беседе».
1815	5 июня. № 45. 25 сент. № 77.	Выпуск «Собрания образцовых сочинений и переводов в стихах и прозе». Саратов. Чтение пятилетним ребенком русских стихотворений, в том числе Державина
1816	15 июля. № 57. 22 июля. № 59. 2 авг. № 62. 21 окт. № 85.	Известие о смерти Державина. Известие о похоронах Державина. Перепечатка из «Сына Отечества» некролога Державина. Казань. Траурное заседание Общества любителей отечественной словесности.
1817, 1818, 1819		Нет
Итого		13 упоминаний о Державине и «Беседе»

Чтения произведений Г.Р. Державина упоминались дважды (гимназистами в Белостоке и пятилетней дочерью саратовского помещика). Из названий сочинений в вышеупомянутых публикациях приводилась только ода «Бог». «Чтение сие продолжает она с полными чувствами, приличными выражениями, телодвижениями и с точным изображением читаемого ею сочинения; так, например, оду “Бог” читает она со всем должным величеством, басни же с приличной им забавностью», — писал саратовский гражданский губернатор о чудо-ребенке.³¹ В библиографическом сообщении о выходе «Собрания образцовых сочинений и переводов в стихах и прозе»

³¹ Из Саратова // Северная почта. 1815. 25 сент. № 77. С. 2.

фамилия Державина стоит в списке русских литераторов, чьи портреты украшают сборник.

Основная же доля прижизненных упоминаний Державина в «Северной почте» (шесть) связана с основанием «Беседы любителей русского слова». Напомним, что О.П. Козодавлев был в числе 33 почетных членов «Беседы»³² (в «Северной почте» говорилось о 34 почетных членах).

Первые сообщения о новом обществе подробны и торжественны: «Недавно учредилось здесь общество, под названием “Беседы любителей русского слова”, которое, составив для себя некоторые правила, имело счастье поднести оные государю императору чрез министра просвещения и получить от его императорского величества как утверждение существования своего, так и высочайшее благоволение за полезное намерение <...>. Собрание будет в доме г. действительного тайного советника Державина, который, по известным своим дарованиям и усердию к Российскому слову, уступает на сии дни свою залу».³³ Читатель из сообщения, помещенного на открытие номера (литературные новости очень редко удаивались такой чести), узнавал цели нового объединения, примерный порядок чтений и планы общества издавать свои труды.

Тщательный отчет (и опять на открытие номера) с первого заседания «Беседы» наводит на мысль, что автором текста, возможно, был присутствовавший на нем О.П. Козодавлев: «Сего месяца 14 дня в доме г. действительного тайного советника Державина было открытие Беседы любителей русского слова. Огромнейшая зала, нарочно для сего устроенная песнопевцем Фелицы, собрание почетнейших мужей, сидевших за пространном столом, и стечение до двухсот особ обоего пола, избраннейших людей в городе, – представляли в сем случае весьма почтенное зрелище. <...> Общество сие составляют 24 члена, теперь известны имена их:

---

³² См.: Альтшуллер М. Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. М., 2007. С. 404.

³³ Северная почта. 1811. 8 марта. № 19. С. 1.

Гг. Державин, Шишков <...>». ³⁴

Рассказ об остальных чтениях в «Беседе» постепенно сводится к кратким сообщениям, приобретая черты информационных заметок. Скупость материала, не слишком традиционная для журналистики начала XIX века (прежде всего, отсутствие громких эпитетов и восхищенных оценок), позволяет предположить, что больше Козодавлев заседания «Беседы» не посещал, а следовательно, и не мог их расписывать яркими красками. Среди произведений, исполнявшихся на заседаниях, читатели «Северной почты» встречали названия сочинений Державина «Рассуждение о лирической поэзии», «Истина», «Гимн и дифирамб в греческом вкусе», «На освящение храма Казанския Богородицы», «Аристиппова баня», «Гимн лиро-эпический на прогнание Французов из отечества», «Тление и нетление».

Отметим, что редакция пропустила такое знаковое событие в жизни и Державина, и русской литературы, как посещение им Царскосельского Лицея 8 января 1815 года. Сообщений о публичном испытании в Лицее на страницах газеты нет.

Последние материалы «Северной почты», связанные с именем Державина, посвящены его кончине. Через неделю после свершившегося в Петербурге было «получено с берегов Волхова печальное известие о кончине г. Действительного Тайного Советника Гаврила Романовича Державина, на сих днях к общему сожалению случившейся в деревне его, состоящей в Новгородской губернии. По получении обстоятельного известия о сем печальном происшествии мы не оставим оногo сообщить в свое время читателям нашим». ³⁵

Спустя неделю появилась информация о похоронах поэта:
«Г. Действительный Тайный Советник Гаврило Романович Державин скончался 8 числа сего месяца. Тело его 12 числа по Волхову на лодке привезено было в стоящий на берегу сей реки недалеко от Новагорода

---

³⁴ Там же. 1811. 25 марта. № 24. С. 1.

³⁵ Там же. 1816. 15 июля. № 57. С. 1.

Хутынъ монастырь. Там Преосвященный здешний Викарий Епископ Амвросий с почетнейшим духовенством, по совершении Божественной Литургии, совершал отпевание по покойном, который потом и погребен <был> в приделе соборной холодной церкви». ³⁶

Надо сказать, что редакция не очень спешила с некрологом. Спустя 18 дней ³⁷ после первой публикации о смерти Державина редакция признавалась, что опоздала со своим намерением, высказанным еще 15 июля: «Мы обещали сообщить обстоятельное известие о кончине Гаврилы Романовича Державина, но “Сын Отечества” предупредил нас в том прекрасным изложением, в 29 книжке журнала своего, примечательных происшествий жизни сего знаменитого писателя. Мы, однако ж, не излишним считаем заимствовать от “Сына Отечества”, к удовольствию читателей наших, по крайней мере помещенный в том журнале отрывок Рассуждения господина Мерзлякова о российской словесности». ³⁸ Виной ли

---

³⁶ Из Новгорода // Там же. 1816. 22 июля. № 59. С. 2.

³⁷ За это время вышло 4 номера «Северной почты», которая издавалась два раза в неделю.

³⁸ Там же. 1816. 2 авг. № 62. С. 1. «Приведем текст Мерзлякова полностью: “К бессмертным памятникам Екатеринина века без сомнения принадлежат песнопения Державина. Громкие победы на море и на сухом пути, покорение двух царств, унижение гордости Оттоманской Порты, столь страшной прежде для Европейских Государей, преобразование Империи, законы, гражданская свобода, великолепные торжества, просвещение, тонкий вкус — все это было сокровищем для гения Державина. Он был Гораций своей Государыни. В его творениях описывается самая домашняя жизнь и времяпрепровождение Императрицы, места, где Она гуляла в часы отдохновения, где заседала с мудрецами, дабы решить судьбу народов, где забавлялась играми Своих приближенных. Все это и теперь кажется для нас волшебным! Песни Державина будут драгоценны для Русского вместе с славою Екатерины, с славою Руманцева, Орлова, Суворова и других знаменитых людей Ее времени. Может быть, о Державине скажут некоторые то же, что сказал Квинтилиан об Овидии: *Nimius sui ingenii amator*. Кажется, он иногда слишком увлекается своим воображением. Наш Поэт, подобно Пиндару, полную рукою рассыпает сапфиры, яхонты, бриллианты там, где энергические мысли его, как чистое золото, блещут сами собою и не имеют нужды ни в каких украшениях. Державин — великий живописец. Краски его ярки и свежи, но не всегда бывают располагаемы нежною рукою, не всегда слиты, не всегда в мере; как роскошный богач, он их кидает, а не всегда располагает с заботливостью художника: таков полет гения! Впрочем, есть оды, которые могут служить образцом чистоты и правильности расположения. Характер од Державина по большей части нравоучительный; он оставил тесную стезю Ломоносова. Он хвалит, укоряет и учит. Он писал оды духовные, героические, философские, анакреонтические. Во всех его творениях встречаются многие новые, составленные им слова, которые столь прекрасны в его стихах и столь смешны у его подражателей: он ввел

в этом опоздании занятость министра внутренних дел (ибо именно ему принадлежат все наиболее заметные статьи в «Северной почте»), чрезмерная наполненность газетных полос или внутреннее нежелание Козодавлева ворошить прошлое, уже не определить. Важно, что хорошо знавший Державина Козодавлев промолчал. Больше о певце Фелицы в газете не появится ни строчки.

*Таблица II. Сообщения «Северной почты»
о «Беседе любителей русского слова» и
выпусках «Чтений в Беседе любителей русского слова»
(без упоминаний о Г.Р. Державине)*

Год	Число. №	Сообщения о «Беседе»
1809/10		Нет
1811	10 мая. № 37.	Первая книжка.
	31 мая. № 43.	Третье чтение в «Беседе», печать книжек второго чтения.
	22 июля. № 58.	Продажа второй книжки.
	30 сент. № 78.	Третья книжка.
	23 дек. № 102.	Пятое чтение в «Беседе»; содержание четвертого чтения.
1812	17 янв. № 5.	Продажа четвертой книжки.
	2 марта. № 18.	Седьмое чтение в «Беседе», выход из печати пятой книжки.
	15 мая. № 39.	Восьмое чтение в «Беседе».
1813	16 апр. № 31.	Двенадцатое чтение в «Беседе».
1814	12 дек. № 99.	Восемнадцатое чтение в «Беседе».

также много гармонических собственно русских слов, которые забыты были, или от всенародного употребления казались низки для Поэзии. Обе сии золотые руды остались собственностью Державина, от неискусства ли других Стихотворцев, или от того, что более свойственны духу Русского Барда; они дают какую-то особенную новость его творениям. Ломоносов всегда раб своего предмета; Державин управляет им по своей воле. Первый всегда равен в своем парении; другой, подобно молнии, поражает вдруг и часто скрывается от своего Читателя. Одного можно уподобить величественной реке, текущей постоянно в берегах своих; другой уподобляется водопаду, им самим описанному, между камнями стремящему ярые волны свои, всегда свободному, придающему некоторую дикость самой природе. Ломоносов в слогe более чист, более точен, бережливее, связнее; Державин цветнее, разнообразнее, роскошнее. Он возвышает дух наш и каждую минуту дает чувствовать благородство своего духа» (Там же; Сын Отечества. 1816. Ч. 31. № XXIX. С. 98–101; номер датирован 21 июля).

1815, 1816, 1817, 1818, 1819	Нет
Итого	10 упоминаний о «Беседе» и выпусках «Чтений».

В отчетах о собраниях, как правило, указывалось примерное количество присутствующих «особ обоего пола», назывались прочтенные произведения и их авторы. Сообщения о выходе книг тоже были довольно традиционны: «На сих днях к удовольствию публики вышла из печати первая книжка “Чтения Беседы любителей русского слова”. Она содержит не токмо все то, что читано было в первое общее заседание “Беседы”, но и другие примечания, достойные сочинения в стихах и в прозе. Получать сию книжку можно здесь в Санкт-Петербурге и в Москве во всех книжных лавках, а в других городах во всех почтовых экспедициях и конторах». ³⁹ Иногда информация сводилась к нескольким фразам, объединяющим как новости заседаний, так и выпусков «Чтений»: «В “Беседе любителей русского слова” было сего мая 26 числа третье публичное чтение. В непродолжительном времени выйдут две книжки второго чтения, из коих первая уже напечатана». ⁴⁰

Таким образом, «Северная почта» поместила отчеты о 12 заседаниях «Беседы любителей русского слова» (с упоминанием имени Державина и без). О девяти собраниях редакция не сообщила — девятом (1812), одиннадцатом и тринадцатом (1813), пятнадцатом, шестнадцатом и семнадцатом (1814), девятнадцатом (1815) и двух собраниях «Беседы» в 1816 году, упоминаемых В.И. Панаевым.

Читал ли Г.Р. Державин «Северную почту»? Вопрос сложный не только применительно к этой газете и этому читателю; выяснение читательского адреса всегда затруднено. Но письма поэта и его удивительное качество оставлять к произведениям комментарии помогли ответить на этот вопрос утвердительно.

³⁹ Там же. 1811. 10 мая. № 37. С. 1.

⁴⁰ Там же. 1811. 31 мая. № 43. С. 1.

16 июля 1812 года Державин писал из Новгорода В.С. Попову: «Последний бюллетень и прочие газетные известия из "Северной почты" мы знаем». ⁴¹ Следовательно, в Званке получали газету и перед началом Отечественной войны. Еще в стихотворении «Евгению. Жизнь Званская», написанном до выхода газеты Козодавлева, в 1807 году, есть такие строчки:

И для прикрас моей светлицы, —
В которой поутру, иль в вечеру, порой
Дивлюся в Вестнике, в газетах иль журналах
Россиян храбрости, как всяк из них герой,
Где есть Суворов в генералах <...> ⁴²

Возможно, Державин знакомился с «Северной почтой» с 1811 года, так как газета стала помещать отчеты о «Беседе любителей русского слова» с марта этого года. Впрочем, интерес к газете, выпускаемой Министерством внутренних дел, естественно вырос во время войны с Наполеоном. Максимальный тираж «Северной почты» — 5418 экземпляров — пришелся на 1813 год, резко подскочив по сравнению с предыдущим годом (2813 пренумерантов). ⁴³ Официальное издание читали даже те, кто в мирное время только подсмеивался над особенностями редакции и редактора. Так, в письме к кн. П.А. Вяземскому от 27 октября 1812 года А.И. Тургенев утверждал: «Ты верно читаешь все известия в “Северной почте”, и для того я тебе не посылаю их». ⁴⁴ Об ироничном отношении Вяземского к Козодавлеву широко известно. ⁴⁵ Но его газету, судя по свидетельству А.И. Тургенева, князь все же читал.

---

⁴¹ Соч. Державина с объяснит. примеч. Я. Грота. Т. 6. С. 233.

⁴² Соч. Державина с объяснит. примеч. Я. Грота. Т. 2. С. 635.

⁴³ Северная почта. 1819. 31 дек. № 105. С. 3.

⁴⁴ Остафьевский архив князей Вяземских. [Т.] I: Переписка кн. П.А. Вяземского и А.И. Тургенева. 1812–1819 / Под ред. и с примеч. В.И. Саитова. СПб., 1899. С. 8.

⁴⁵ См., например: Там же. С. 106, 132, 135, 273, 279; Прохорова И.Е. Литературно-публицистическая деятельность П.А. Вяземского «Варшавского периода»: развитие

Еще одно подтверждение чтения Державиным газеты Козодавлева встречается в письме от 3 апреля 1813 года В.В. Капнисту, написанном в Петербурге: «Не знаю, поедет ли она чрез Малороссию и Чернигов (речь идет о поездке овдовевшей великой княгини Екатерины Павловны, выехавшей на воды в Богемию. — *Е. С.*); но из “Северной почты” видно, что поехала чрез Белоруссию и была в Усвяте и 13 числа марта в Сураже». ⁴⁶ Вот на каком сообщении остановился взгляд Державина: «Ее Императорское Высочество, Государыня Великая Княгиня Екатерина Павловна со вчерашнего числа на сей день изволила иметь ночлег Витебской губернии в Серутской станции, расстоянием отсюда в 43 верстах. Сегодня же поутру в 8 часов выехав оттуда, прибыть изволила сюда пополудни в 12 часу. Обеденный стол был в помещицьем графа Зубова доме. Во втором часу пополудни Ее Высочество изволила отправиться по тракту к Суражу». ⁴⁷

Следующей заметкой стоит также использованная Державиным информация: «Вчера пополудни в пятом часу Государыня Великая Княгиня Екатерина Павловна изволила прибыть сюда в вожделенном здравии и иметь здесь ночлег; а сегодня в осьмом часу утра отправилась в дальнейший путь. Ее Императорское Высочество встречена была на границе сего повета здешним поветовым маршалом г. Любощинским, а в городе г. Городничим и прочими чиновниками». ⁴⁸

Проследив по газетным полосам маршрут следования великой княгини, можно ответить на вопрос Державина, «поедет ли она чрез Малороссию и Чернигов». Екатерина Павловна проезжала через Витебск, Могилев, Оршу, 17 марта выбрала Черниговскую дорогу. Державин и Капнист недоумевали, как можно в такое — военное — время пуститься в путь и, скорее всего, следили за всеми сообщениями «Северной почты» о великой княгине.

либерально-конституционных идей // Вестник Московского университета. 2005. Сер. 10. Журналистика. № 4. С. 87–108.

⁴⁶ Соч. Державина с объяснит. примеч. Я. Грота. Т. 6. С. 261.

⁴⁷ Из местечка Усвят, от 13 марта // Северная почта. 1813. 29 марта. № 26. С. 2–3.

⁴⁸ Из Суража, от 14 марта // Там же. С. 3.

Но ярче всего Державин — читатель «Северной почты» виден в его примечаниях к «Гимну лиро-эпическому на прогнание Французов из отечества». Гимн читался в «Беседе», о нем сообщалось в газете: «Сего генваря 13 числа, в день рождения Ее Величества, Государыни Императрицы Елизаветы Алексеевны, любители российского слова, при всеобщем ныне торжестве России над врагами Отечества, возобновили опять свои Беседы. Собрание посетителей при сем случае было многочисленное, и в оном читаны следующие сочинения: 1) Гимн лиро-эпический на прогнание Французов из отечества, соч. Г.Р. Державина <...>». ⁴⁹ Но самое удивительное, что газетные строчки подсказали Державину строчки поэтические.

Прямых отсылок к «Северной почте» в примечаниях к Гимну пять. Рассмотрим их.

*Таблица III. Примечания Г.Р. Державина
к «Гимну лиро-эпическому на прогнание Французов из отечества»
со ссылками на «Северную почту»*

Строфа, сноски Державина		Примечания Державина ⁵⁰	«Северная почта»
14/15	Не видим ли и в наши дни / Мы сих чудес в Наполеоне? / На зыблемом восседши троне, / Не возлюбил он тишины, / Но, злобу злобами умножа, / Спокойны царства востревожа, / Во храмы	Смотри Северной почты № 94, статью из Москвы о неистовстве французов.	<i>СП. 1812. 23 нояб. № 94. С. 1–3.</i> Из Москвы, от 12 ноября. По очищению сей Столицы от неистовых ее опустошителей, общее внимание здешнего Начальства обратилось прежде всего на то, чтобы очистить оную от мерзостей, коими злочестивые пришлецы наполнили сей город во время своего в нем пребывания. <...> К сведению соотчичей наших,

⁴⁹ Там же. 1813. 22 янв. № 7. С. 2

⁵⁰ Ниже в таблице «перепечатаваем <...> примечания, помещенные самим Державиным в конце Лиро-эпического гимна» (Соч. Державина с объяснит. примеч. Я. Грота. Т. 3. С. 138); постраничные ссылки на отдельные примечания нами опущены.

	<p>запустенье внес, / Святых не пощадил телес / [18]</p>		<p>сообщаем здесь следующее о состоянии, в каком найдены монастыри в сей Столице. Из числа мужеских: Заиконоспасский, Петровский и Покровский целы; Греческий и Златоустов целы же, токмо разграблены; Данилов монастырь весь цел: мощи благоверного князя Даниила оказались неврежденными от руки вражей. Симонов монастырь, Донской, Перервинский и Угретский разграблены; Новоспасский, Андрониев и Крестовоздвиженский сгорели; в Боявленском и Знаменском сгорели братские кельи. Из женских монастырей: Вознесенский разграблен, но цел, равно как и Новодевичий; Алексеевский, Зачатьевский, Никитский, Ивановский и Георгиевский сгорели; Страстной и Рождественский разграблены.</p>
15	<p>И Бог сорвал с него свой луч: / Тогда средь бурных, мрачных туч / Неистойвой своей гордыни, / И дома благодъсти / Смердя своими надписьми, / А алтари коньми / [20] Он поругал.</p>	<p>Смотри Северной почты № 78, статью из Твери.</p>	<p><i>СП. 1812. 28 сент. № 78. С. 2–3.</i> Из Твери, от 20 сент.</p> <p>Каждый выходец из Москвы подтверждает единогласно с другими, спасшимися из сей Столицы по занятии неприятелями оной, что Французы производят там непрестанные грабежи, и неистовства их превосходят всякое воображение. Варвары сии, превышающие жестокостью своею и лютостью Татар, разорявших некогда отечество наше, не уважили и в Москве святыни церковной. Многие храмы там ограблены, разорены,</p>

			выжжены, а некоторые обращены в конюшни.
25	Бежит – и видит наконец, / Что за его все злодеянья / Готовит Небо наказанья / И падает с него венец; / Что, став пред собственным уж взором / Кладбищным рать его позором, / От глада, ран и мраза мрет. / О ужас! Галл здесь Галла жрет! / [27]	Сие видно Северной почты в № 99.	<i>СП. 1812. 11 дек. № 99. С. 3–4.</i> Известия иностранные. Из Гумбиннена, от 8 дек. (выписка из партикулярного письма). В армии сей от недостатка пищи ели уже ворон, кошек, лошадей и (поверят ли тому где-либо в Европе?) трупы мертвых своих сотоварищей.
33	Но дух Петров, сквозь звездну мглу / С улыбкой вняв сию хулу, / Геройской кротости в незлобьи / Вспарил орла в подобьи, – / [44] И грянул бородинский гром.	Известно, что при Бородинском сражении, при осмотре российской армии князем Кутузовым, виден был парящий над его главою орел (Северная почта, № 71).	<i>СП. 1812. 4 сент. № 71 С. 2.</i> (Из партикулярного письма, из Главной квартиры армии, от 26 авг.) «Подробности узнаете вы из реляций, посылаемых из армии; но я расскажу вам только, что в самый первый день, когда Главнокомандующий наш ездил для осмотра местоположения, орел появился парящим над его головою: Князь Михайло Ларионович снял шляпу, и все воскликнули тогда ура!» Где Россы, подобно Римлянам, идут на бой, там нельзя не парить орлам над ними.
42	Смоленский князь, вождь дальновидный, / [48] Не зря на толк обидный, / Великий ум в себе являл, /	См. Северную почту, № 70 и 75.	<i>СП. 1812. 31 авг. № 70. С. 1.</i> <Рапорт Кутузова императору от 23 авг.> Позиция, в которой я остановился при деревне Бородине, в 12 верстах впереди Можайска, одна из наилучших,

	Без крови поражал.		<p>какую только на плоских местах найти можно. <...> Желательно, чтобы неприятель атаковал нас в сей позиции; в таком случае имею я большую надежду к победе <...>.</p> <p><i>СП. 1812. 18 сент. № 75. С. 1–3.</i> <Рапорт Кутузова императору от 4 сент.></p> <p>Осмеливаюсь всеподданнейше донести Вам, Всемилостивейший Государь, что вступление неприятеля в Москву не есть еще покорение России <...> (далее следуют планы, кто по какой дороге пойдет, и т. п. — <i>Е. С.</i>).</p>
--	--------------------	--	---

В 15-й строфе строчка «Святых не пощадил телес» вызвана ужаснувшим Державина «неистовством» французов (обратим внимание, что это данное слово в державинском примечании взято из газетного текста). Прочтя сообщение из Москвы, легко подсчитать, что из 24 монастырей остались целы — 4; целы, но разграблены — 4; разграблены — 6; сгорели — 8; сгорели частично — 2.

Если взглянуть на все примечания поэта к «Гимну лиро-эпическому...», то окажется, что источниками информации для него послужили (приводим в соответствии с частотой использования):

Апокалипсис — 11 раз;

слухи — 7 раз;

письма, известия печатные (без указания точного адреса) — 6 раз;

«Северная почта» — 5 раз;

Книга Пророка Даниила — 4 раза;

реляции (без указания источника) — 3 раза;

«Сын Отечества» — 3 раза;

манифест (без указания источника) — 1 раз.

Учитывая характер материалов, помещенных в «Северной почте», вполне вероятно, что Державин взял из газеты больше, чем указал. Например, манифесты и реляции печатались в газете Министерства внутренних дел раньше, чем где бы то ни было. Да и современники отождествляли «Северную почту» во время войны с точкой зрения правительства. Например, в письме Ф.В. Ростопчина П.А. Толстому от 24 августа 1812 года есть такое грубоватое признание: «В Петербурге довольно спокойны, судя по маранью Гурьева и Козодавлева». ⁵¹ В воспоминаниях Н.И. Греча, относящихся к 1812 году, отмечено: «Петербургские газеты и “Северная почта” сделались единственным чтением нашим» ⁵² (обратим внимание на отделение автором воспоминаний газеты Козодавлева от остальных изданий, что только подтверждает восприятие газеты как правительственного рупора). Приведем похожий пример — письмо А.И. Коновницыной мужу, командиру Третьей пехотной дивизии Первой Западной армии графу П.П. Коновницыну от 2 июля 1812 года: «Газеты у Сумародского беру и “Северную почту” читаю». ⁵³

Впрочем, можно указать державинскую ссылку без указания источника на информацию, взятую, скорее всего, именно из «Северной почты». В 31-й строфе «Гимна лиро-эпического...» поэт писал:

Вы сами видели не раз,
Как вел отец детей ко брани. ⁵⁴

В 40-й ссылке Державин уточнял, о чем речь: «Генерал Раевский выводил вперед на сражение своих детей». ⁵⁵

---

⁵¹ К чести России: Из частной переписки 1812 года / Сост. М.А. Бойцов. М., 1988. С. 70.

⁵² Греч Н.И. Записки о моей жизни. М., 2002. С. 205.

⁵³ К чести России... С. 48.

⁵⁴ Соч. Державина с объяснит. примеч. Я. Грота. Т. 3. С. 155.

⁵⁵ Там же.

В «Северной почте» значится: «Сколь ни известно общее врожденное во всех истинных сынах России пламенное усердие к Государю и отечеству, мы не можем, однако, умолчать пред публикою следующего происшествия, подтверждающего сие разительным образом. Пред одним бывшим в сию войну сражением, когда генерал-лейтенант Раевский готовился атаковать неприятеля, то, будучи уверен, сколько личный пример Начальника одушевляет подчиненных ему воинов, вышел он пред колонну не только сам, но поставил подле себя и двух юных сыновей своих и закричал: “Вперед, ребята, за Царя и за отечество! Я и дети мои, коих приношу в жертву, откроем вам путь”. Чувство геройской любви к отечеству в сем почтенном воине должно быть весьма сильно, когда оно и самый глас нежной любви родительской заставило умолкнуть».⁵⁶

На возражение, что красивую легенду в войну могла напечатать не только газета Козодавлева, приведем воспоминания К.Н. Батюшкова: «Простой ратник, я видел падение Москвы, видел войну 1812, 13 и 14 г., видел и читал газеты и современные истории. Сколько лжи! И вот тому пример в “Северной почте”». ⁵⁷ В ходе беседы между Батюшковым и Н.Н. Раевским выяснилось легендарное происхождение этого факта, подкрепленного В.А. Жуковским в «Певце во стане русских воинов» (но «Певец» был написан в сентябре — октябре 1812 года, в то время как газета сообщила об этом в июле). «Вот анекдот. Он стоит тяжелой прозы “Северной почты”: “Ребята, вперед” и проч. За истину его я ручаюсь», — добавил Батюшков, рассказав, как тяжелораненый Раевский не сразу ушел с поля боя под Лейпцигом.⁵⁸

Таким образом, если посчитать, что одна из ссылок косвенно использует материалы «Северной почты», то логичным станет

---

⁵⁶ Северная почта. 1812. 31 июля. № 61. С. 1.

⁵⁷ Батюшков К.Н. Чужое – мое сокровище (из записной книжки 1817 г.) // Батюшков К.Н. Опыты в стихах и прозе. М., 1977. С. 412.

⁵⁸ Там же. С. 416.

предположение: Державин в работе над «Гимном лиро-эпическим...» использовал материалы газеты Козодавлева шире, чем сам указал на это.

В 1883 году, готовя «Дополнительные примечания и приложения ко всему изданию сочинений Державина», Я.К. Грот не включил публикации «Северной почты» О.П. Козодавлева в «Указатель изданий, в которых были печатаемы критические статьи или заметки и биографические сведения о Державине, а также относящиеся к нему стихотворения». Три ссылки на «Северную почту» есть, но на другую «Северную почту» — газету, выходящую в Петербурге в 1862–1868 годах.⁵⁹ В этом же томе в указателе «Авторы статей о Державине» О.П. Козодавлев фигурирует как автор статьи «О причинах возвышения и падения “Собеседника”». ⁶⁰ На этом, по мнению Грота, вклад «Северной почты» (1809–1819) и ее редактора в державинскую тему исчерпывается (хотя газету он знал и изредка цитировал).

Тем не менее 13 прямых и 10 косвенных упоминаний о Державине в газете, издававшейся его бывшим приятелем, заслуживают более пристального внимания историков. Не со всем в «Северной почте» Державин мог быть согласен. Так, явно не одобрял он деятельность Козодавлева по постепенной подготовке отмены крепостного права. Вряд ли радовало Державина столь редкое упоминание своего имени в единственной на тот момент официальной газете (по сравнению с Н.М. Карамзиным, Д.И. Хвостовым и др.). Но неоспоримые доказательства чтения «Северной почты» Державиным, равно как и информирование публики о поэте на полосах газеты, свидетельствуют о продолжении (пусть уже и не вполне дружеских) отношений Державина и Козодавлева.

---

⁵⁹ См.: Соч. Державина с объяснит. примеч. Я. Грота. СПб., 1883. Т. 9. С. 482 (ссылки таковы: Северная почта. 1864. № 4; 1866. № 6; 1868. № 17).

⁶⁰ Там же. С. 493.

О хронологии заседаний литературного общества
«Беседа любителей русского слова»

Одним из недостаточно изученных вопросов, связанных с деятельностью «Беседы любителей русского слова»,¹ является хронология заседаний этого литературного общества. Основным источником сведений по данному вопросу служит известная работа В.А. Десницкого «Из истории литературных обществ начала XIX века»,² в которой опубликованы «Журналы заседаний Беседы». Эти документы позволяют установить точные даты «чтений», состоявшихся в 1811–1812 годах. В конце статьи автором сделано примечание: «“Журналов” 1813 и последующих годов в нашем распоряжении не имеется. Неизвестно, сохранились ли они и, если сохранились, где находятся. “Журналы” за 1811 и 1812 годы куплены мной в революционные годы в одном из антикварных книжных магазинов Ленинграда; кем они были принесены в магазин — неизвестно».³

Целый ряд подробностей о заседаниях «Беседы» в 1810–1812 годах содержится в материалах из архива Д.И. Хвостова, опубликованных А.В. Западным.⁴

Из этих источников явствует, что в 1810 году состоялось 3 подготовительных заседания «Беседы», а в 1811 — 5 открытых и

---

¹ Об истории «Беседы» и литературной деятельности этого общества см.: Альтшуллер М.Г. «Беседа любителей русского слова»: У истоков русского славянофильства. Изд. 2-е, доп. М., 2007; Лямина Е.Э. «Беседа любителей русского слова»: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 1995; Майофис М. Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М., 2008.

² Десницкий В.А. Из истории литературных обществ начала XIX века: 1. Журналы «Беседы любителей русского слова». 2. Из истории «Вольного общества любителей наук, словесности и художеств» // Десницкий В.А. Избранные статьи по русской литературе XVIII–XIX вв. М.; Л., 1958. С. 92–191.

³ Там же. С. 130. Современное местонахождение «Журналов»: РГБ. Ф. 439. Карт. 24. №№ 6–7.

⁴ См.: Из архива Хвостова / Публ. А.В. Заподова // Лит. архив. М.; Л., 1938. Т. I. С. 359–401.

17 подготовительных.

В 1812 году было проведено 4 открытых и 7 подготовительных заседаний, о двух из которых (23 января и 30 апреля) известно из записок Г.Р. Державина В.С. Попову.⁵

Десницкий приводит примечание секретаря «Беседы» Я.А. Галинковского к «Содержанию Журналов» за 1812 год: «Осенью сего года обыкновенных, открытых чтений в Беседе не было, по причине нашествия французов и военных обстоятельств, требовавших их изгнания».⁶

Последнее публичное заседание 1812 года, проходившее 4 мая, было девятым по счету «открытым чтением».

Десятое публичное заседание состоялось 13 января 1813 года. Эта дата названа в известии о возобновлении заседаний «Беседы», напечатанном в «Северной почте»,⁷ и в письме М.В. Милонова Н.Ф. Грамматину от 14 января 1813 года.⁸

Одиннадцатое чтение могло состояться в феврале или марте 1813 года. Думается, более вероятным временем является февраль, так как заседание открывалось чтением стихотворения С.А. Шихматова «Песнь россиянина в новый 1813 год».

Дату двенадцатого заседания мы узнаем из сообщения о нем в «Северной почте»⁹ и из письма Г.Р. Державина В.В. Капнисту от 3 апреля 1813 года: «Записку твою о неутверждении генеральных судей покажу сегодня И.И. Дмитриеву <...>. Он, думаю, будет у меня сегодня в *Беседе*. <...> Для чего ты, братец, чего-нибудь не пришлешь в Беседу нашу прочесть,

---

⁵ См.: Соч. Державина с объяснит. примеч. Я. Грота. СПб., 1871. Т. 6. С. 363. Журналы «приготовительных» заседаний, состоявшихся 19 марта и 30 апреля, не сохранились или не велись.

⁶ Десницкий В.А. Из истории литературных обществ начала XIX века... С. 130.

⁷ См.: [Б.п.]. Известия внутренние // Северная почта. 1813. 22 янв. № 7. С. 2. О публикациях в «Северной почте» материалов, связанных с «Беседой любителей русского слова», см.: Панов С. Еще шишковисты и карамзинисты // Новое лит. обозрение. 2009. № 97. С. 165–173; Сонина Е.С. Г.Р. Державин и газета его старого друга другом быть переставшего // Наст. изд. С. 00–00.

⁸ См.: Библиографические записки. 1859. Т. 2. № 10. Стб. 301–302. Сообщено В.А. Борисовым.

⁹ См.: Северная почта. 1813. 16 апр. № 31. С. 1–2.

которая всякой месяц по одному разу довольно многолюдна бывает. <...> Тороплюсь в Беседу, отправляя на почту письмо».¹⁰

Тринадцатое заседание «Беседы» состоялось 20 мая 1813 года. Об этом сообщается в заметке, напечатанной в журнале «Сын Отечества».¹¹ Программа заседания совпадает с содержанием «Чтения 13».¹²

В 1814–1815 годах состоялось еще шесть открытых заседаний «Беседы».

Дата 14-го публичного заседания становится известной из сообщения в «Северной почте»¹³ и из переписки Державина. 30 декабря 1814 года поэт писал В.В. Капнисту: «Мы было назначили Беседу 27 числа, но за жестокими морозами отложили до умеренной погоды».¹⁴ А в записке В.С. Попову от 3 января он сообщал, что «назначенное чтение публичное в Беседе любителей русского слова 27 числа минувшего декабря и отмененное по жестокой стуже, ныне вновь назначается в наступающую среду, т. е. января 7 числа в обыкновенном часу после обеда, если стужа не превзойдет выше 17 градусов».¹⁵ 22 января поэт вновь пишет Капнисту: «...теперь довольно появляются поэмы в Оссияновом вкусе, из коих одну скоро будете читать напечатанную в XIV книжке Беседы любителей словесности, читанную пред посетителями сего января 7-го числа».¹⁶

С большой долей вероятности можно предполагать, что 15-ое публичное заседание «Беседы» состоялось в феврале 1814 года. В биографии академика А.Ф. Севастьянова, составленной Б.Л. Модзалевским, сказано, что

---

¹⁰ Соч. Державина с объяснит. примеч. Я. Грота. Т. 6. С. 261–262.

¹¹ См.: О чтении в Беседе любителей русского слова // Сын Отечества. 1813. Т. 6. № 3. С. 122–123 (раздел «Смесь»).

¹² См.: Чтения в Беседе любителей русского слова. Чтение 13. СПб., 1813.

¹³ См.: [Б.п.]. Известия внутренние // Северная почта. 1814. 14 янв. № 4. С. 2.

¹⁴ Соч. Державина с объяснит. примеч. Я. Грота. Т. 6. С. 279.

¹⁵ Там же. С. 364–365.

¹⁶ Там же. С. 280. Речь идет об отрывке из пятой песни поэмы Оссиана «Темора» в переводе В.Н. Олина (см.: Чтения в Беседе любителей русского слова. Чтение 14. СПб., 1815. С. 59–66).

он был избран почетным членом «Беседы» 5 февраля 1814 года.¹⁷ Следовательно, в этот день состоялось либо «публичное», либо «приготовительное» заседание «Беседы» (вскоре вслед за ним, согласно сложившейся практике, должно было быть и публичное).

Неизвестна точная дата шестнадцатых «открытых чтений», которые могли состояться как в марте, так и в апреле 1814 года.

Семнадцатому «публичному» заседанию предшествовали два «предварительных собрания». Первое из них должно было состояться 5 мая 1814 года, о чем идет речь в письме А.Н. Оленина Г.Р. Державину от 4 мая 1814 года: «Завтра, т. е. во вторник вечером, хотелось бы мне иметь с дозволения вашего высокопревосходительства у вас в доме предварительное собрание для прочтения пиес».¹⁸

Еще одно «приготовительное собрание» состоялось в особняке Державина 12 мая 1814 года. Об этом узнаем из письма А.Н. Оленина Державину от 11 мая того же года, где сообщается: «Князь Шихматов¹⁹ приходил ко мне два раза сряду и требует, чтоб пиеса его,²⁰ которую он взял к себе поправить, была еще раз просмотрена в предварительном собрании Беседы; как член оной, ему отказать не можно, итак, позвольте мне, ваше высокопревосходительство, назначить завтра вечером для сего собрание у вас в доме, около 7-ми часов».²¹

Дата 17-го публичного заседания известна более или менее точно.

---

¹⁷ Б. М. [Модзалевский Б.Л.]. Севастьянов А.Ф. // Русский биографический словарь. СПб., 1904. Т. 24: Сабанеев — Смыслов. С. 267. Сведениями о других членах «Беседы любителей русского слова», избранных в 1813–1816 годах, мы не располагаем.

¹⁸ Соч. Державина с объяснит. примеч. Я. Грота. Т. 6. С. 290.

¹⁹ Ширинский-Шихматов Сергей Александрович, князь (1783–1837) — активный участник «Беседы любителей русского слова».

²⁰ Вероятно, «Песнь победителю и спасителю царств». Опубл.: Чтения в Беседе любителей русского слова. Чтение 17. СПб., 1815. С. 3–17 (ц. р. 18 дек. 1814 года).

²¹ Соч. Державина с объяснит. примеч. Я. Грота. Т. 6. С. 290.

20 мая 1814 года Г.Р. Державин пишет Д.А. Державиной, уехавшей в Званку 18 мая: «Беседа наша хорошо сошла с рук. Ей были довольны, и Капнист наш, кажется, восторжествовал». ²² Речь идет о «Письме г. Капниста к г. Уварову об экзаметре», опубликованном в «Чтении 17». ²³

Летом 1814 года Державин «получил формальное приглашение» быть депутатом от петербургского дворянства при встрече императора, возвращавшегося из заграничного похода. У поэта возникло намерение провести торжественное заседание «Беседы», посвященное этому событию. Он работает над речью, «предназначавшейся к произнесению в Беседе по случаю возвращения императора Александра I», ²⁴ но затем вместо речи пишет «Кантату для необыкновенного собрания Беседы любителей русского слова 1814 года, августа 31 дня». ²⁵ Каких-либо документальных или мемуарных свидетельств об этом собрании не сохранилось. Возможно, оно не состоялось.

Вторую половину сентября и весь октябрь поэт живет в Званке. Вероятно, поэтому следующее, восемнадцатое, публичное заседание, которое, судя по программе и составу участников, готовил второй разряд «Беседы», возглавляемый Державиным, и на котором слушали «Краткое изыскание о Гипербореанах и о коренном Российском стихосложении» В.В. Капниста, состоялось только 8 декабря 1814 года. Эта дата известна из публикации в «Северной почте». ²⁶

19-е публичное заседание «Беседы», последнее из тех, содержание которых нам известно, состоялось 22 февраля 1815 года. Об этом говорится в заметке, напечатанной в «Сыне Отечества»: «22 февраля проходило чтение в Беседе Любителей Русского Слова; в нем читали 1) Выписки из книги:

---

²² Там же. С. 291.

²³ [Капнист В.В.]. Письмо г. Капниста к г. Уварову об экзаметре // Чтения в Беседе любителей русского слова. Чтение 17. С. 18–42.

²⁴ Я.К. Грот опубликовал «Начало речи, предназначавшейся к произнесению в Беседе по случаю возвращения императора Александра I» (см.: Соч. Державина с объяснит. примеч. Я. Грота. СПб., 1872. Т. 7. С. 635–636).

²⁵ Впервые опубл. Г.А. Гуковским; см.: Державин Г.Р. Соч. Л., 1933. С. 378–379.

²⁶ См.: [Б.п.]. Известия внутренние // Северная почта. 1814. 12 дек. № 99. С. 2.

“Краткая и справедливая повесть о пагубных Наполеона Бонапарте помыслах” и пр. перевод *А.С. Шишкова*, 2) “Письмо к членам Беседы” от неизвестного с приложением перевода рассуждений одного жителя Померании, 3) “Счастливый Меналк”, идиллия и 4) Четвертая песнь комической поэмы “Расхищенные шубы” кн. *А.А. Шаховского*.”²⁷ Порядок читавшихся произведений в этой хронике отличается от их расположения в «Чтении 19», где «идиллия» предшествует «Письму в Беседу».²⁸ Думается, автор заметки ошибся, сказав, что читали четвертую песнь поэмы Шаховского «Расхищенные шубы», поскольку в «Чтении 19» опубликована третья, не упомянутая им песнь поэмы (ошибку мог вызвать 4-й порядковый номер читавшегося произведения, равно как и само слово «четвертая» могло являться порядковым номером). Быть может, вследствие этой возможной ошибки во всех комментариях к поэме «Расхищенные шубы» говорится, что Шаховским была написана четвертая, неопубликованная и необнаруженная, песнь поэмы.²⁹

Летом 1815 года, находясь в Званке, поэт планировал продолжение собраний «Беседы». Восхищенный переводом речи «О дружбе» Фемистия, сделанным *А.Ф. Негри*,³⁰ Державин писал последнему 26 августа: «Приму за большое одолжение ваше, ежели вы позволите прочесть сие рассуждение в Беседе любителей российского слова в моем разряде».³¹ По этой причине он оставил присланный перевод у себя.

Об открытых заседаниях, проходивших в 1815–1816 годах, известно немного. На одном из них *А.С. Шишков* выступил с «чтением»

---

²⁷ Сын Отечества. 1815. Ч. 20. № 9. С. 135.

²⁸ См.: Чтения в Беседе любителей русского слова. Чтение 19. СПб., 1815. С. 53–58; 59–60.

²⁹ См.: Ирои-комическая поэма / Ред. и примеч. *Б.В. Томашевского*; вступит. ст. *В.А. Десницкого*. Л., 1933. С. 750; Шаховской *А.А.* Комедии; Стихотворения / Вступит. ст., подгот. текста и примеч. *А.А. Гозенпуда*. Л., 1961. С. 767.

³⁰ Фемистий (ок. 317 — 388) — античный философ и ритор, комментатор Аристотеля, советник императоров *Констанция II* и *Феодосия I*. Перевод *А.Ф. Негри* пока не обнаружен.

³¹ Там же. С. 323.

«Ломоносов»,³² которое, по замыслу автора, следовало за разделами «Феофан» и «Кантемир» в его «Опыте о российских писателях». К заседанию, состоявшемуся 30 декабря, Державин написал хор в честь Александра I, тогда же напечатанный отдельным изданием.³³ О самом заседании в «Сыне отечества» сообщалось следующее: «30 декабря 1815 года проходило торжественное заседание в Беседе Любителей Российского слова, праздновавшей в сей день возвращение в Отечество Государя Императора, Августейшего своего покровителя. Собрание Членов, Посетителей и Посетительниц было самое многочисленное. Заседание открыто и заключено было хором, который пели придворные певчие. Господин Действительный Член Беседы *Г.Г. Политковский* читал: Похвальное слово Государю Императору своего сочинения и господин Действительный же Член *Ф.П. Львов* сочиненную им в приезд Миротворца Европы оду». ³⁴ Об этом чтении вспоминает и В.И. Панаев, прибывший в Петербург в августе 1815 года: «Великий пост 1816 года замечателен двумя торжественными собраниями “Беседы любителей русского слова”, происходившими, как и прежде, в доме Гаврилы Романовича. Они в полном смысле слова могли назваться блестящими. Многочисленная публика наполняла обширную, великолепно освещенную залу. В числе посетителей находились почти все государственные сановники и первенствующие генералы. Тут в первый раз видел я графа Витгенштейна,³⁵ графа Сакена,³⁶ графа Платова,³⁷ которого

---

³² См.: Шишков А.С. Ломоносов: Чтение в Беседе Любителей Российского Слова // Шишков А.С. Соч. и переводы: В 17 т. СПб., 1827. Т. 9. С. 301–368.

³³ См.: Хоры петье в торжественном собрании Беседы любителей русского слова. Декабря 30 дня 1815. Санктпетербург: В Медицинской типографии, [1815]. — 2 с. Ц. р. 29 дек. 1815 г. Хор был также опубликован в журнале «Сын Отечества» (1816. Ч. 27. № 1. С. 43–44).

³⁴ Сын Отечества. 1816. Ч. 27. № 1. С. 43. (Далее приведен текст «Торжественных хоров» Г.Р. Державина.) Ода Ф.П. Львова, «сочиненная» «в приезд Миротворца Европы», — это «На возвращение государя императора по заключении общего мира в 1815 году» (см., напр., в современном переиздании: Львов Ф.П. Часы свободы в молодости / [Изд. подгот. Е.Ю. Жаровой и М.В. Строгановым]. Тверь, 2006. С. 81–83).

³⁵ Витгенштейн Петр Христианович (1768–1842) — генерал-фельдмаршал, участник Отечественной войны 1812 года.

³⁶ Сакен Фабиан Вильгельмович, князь (1752–1837) — генерал-фельдмаршал, прославился в заграничном походе 1813–1814 годов.

маститый хозяин встретил с каким-то особенным радушием. <...> На последнюю “Беседу” ожидали Государя Императора. Но когда все заняли места свои, вошел в залу Санкт-петербургский главнокомандующий, граф Вязмитинов³⁸ и объявил Державину, что Государь, занятый полученными из-за границы важными депешами, к сожалению, приехать не может. Тогда началось чтение, и все вскоре догадались об истинной причине отсутствия Государя: член “Беседы” Политковский³⁹ произнес ему похвальное слово.⁴⁰ Не говоря уже о том, что оно было плохим подражанием Плиниев-у Траяну, – возможно ли было ожидать, чтобы тот, кто постоянно уклонялся от похвал целого света, согласился выслушать их, лицом к лицу, от доморощенного оратора, говорившего битый час». ⁴¹ О втором заседании, упомянутом Панаевым, сведений пока не найдено.

Из очерка С.Т. Аксакова «Знакомство с Державиным» (автор приехал в Петербург «в половине декабря 1815 года») становится известно о том, что 18 марта 1816 года должно было состояться «приготовительное» заседание «Беседы», а через три дня — открытое; оба заседания готовились вторым разрядом литературного общества. Аксаков сообщает такие подробности: «Предстоящее собрание долженствовало происходить под председательством самого Державина, и он последнее время был сильно тем озабочен. Ему хотелось, чтобы я прочел что-нибудь в «Беседе». Чтение пьес посторонними лицами допускалось иногда в виде исключений: так, например, Кокошкин читал свой перевод.⁴² Для Державина, разумеется, все

---

³⁷ Платов Матвей Иванович (1753–1818), граф — герой Отечественной войны 1812 года, войсковой атаман Донского казачьего войска.

³⁸ Вязмитинов (Вязьмитинов) Сергей Кузьмич, граф (1749 или 1744 — 1819) — военный и государственный деятель, главнокомандующий в Петербурге (1812–1814), затем Петербургский военный генерал-губернатор (1816–1818).

³⁹ Политковский Гаврила Герасимович (1770–1824) — крупный чиновник; активный член «Беседы любителей русского слова». См. о нем: Николаев С.И., Степанов В.П. Политковский Гаврила Герасимович // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2: К–П. СПб., 1999. С. 460–461.

⁴⁰ Текст этого сочинения пока не обнаружен.

⁴¹ Панаев В.И. Воспоминания // Вестник Европы. 1867. Сент. С. 251–252.

⁴² На семнадцатом открытом заседании «Беседы», состоявшемся 19 или 20 мая

согласились, чтобы я прочел его пьесу. Он назначил мне рассказ в несколько страниц из «Атабалибы» и стихотворение «Развалины Греции»⁴³ Аркадия Родзянки,⁴⁴ молодого человека, родственника Державина, служившего тогда подпрапорщиком в Лейб-егерском полку. Стихи Родзянки признавались написанными превосходно, сильными, гладкими, звучными. Я очень радовался, что, по крайней мере, в них могу показать свое умение читать. Стихи же Державина приводили меня в ужас. Я выучил наизусть обе пьесы и приготовился к чтению... Но судьба устроила иначе: в день предварительного, или пригласительного, собрания «Беседы» и за три дня до настоящего собрания — я скакал уже с Кавелиным в Москву. Гаврила Романыч весьма огорчился, узнав о моем внезапном намерении уехать; сначала он не верил, а потом досадовал, что я не хочу остаться трех дней, чтобы *продекламировать* его пьесу, успех которой он основывал отчасти на моем чтении. Мне самому это было очень больно; но особенные обстоятельства не позволили мне остаться, тем более что зимний путь разрушился (тогда о шоссе еще не было и помину). Мы с Кавелиным уехали из Петербурга 18-го марта, накануне славного дня взятия Парижа».⁴⁵

В 1815–1816 годах могли состояться и другие заседания. Одно из последних упоминаний о планируемых чтениях «Беседы» содержится в письме А.С. Шишкова издателем «Сына Отечества», опубликованном в мае 1816 года. Обращаясь с просьбой напечатать стихотворение «Призывание Мальвины...», написанное «одной из наших соотечественниц, путешествующих по чужим краям (А.П. Буниной. — *Н. М.*)», автор цитирует ее письмо: «...если угодно будет безделку сию прочесть в Беседе, я почту

1814 года Ф.Ф. Кокошкин читал перевод отрывка из комедии Мольера «Мизантроп», опубликованный в «Чтении 17» (СПб., 1815. С. 67–96).

⁴³ См.: Родзянка А.Г. Развалины Греции («Приветствую тебя, страна златого века...») // Дух журналов. 1816. Ч. 12. Кн. 25. С. 1191–1198.

⁴⁴ Об Аркадии Родзянке см.: Вацуру В.Э., Розин Н.П., Супрунюк О.К. Родзянко, Родзянка Аркадий Гаврилович // Русские писатели. 1800–1917: Биограф. словарь. СПб., 2007. [Т]. 5: П–С. С. 309–312; Вацуру В.Э. Пушкин и Аркадий Родзянко: (Из истории гражданской поэзии 1820-х годов) // Вацуру В.Э. Пушкинская пора. СПб., 2000. С. 57–84.

⁴⁵ Аксаков С.Т. Знакомство с Державиным // Аксаков С.Т. Собр. соч.: В 5 т. М., 1966. Т. 2. С. 323–324.

себе то за особенную честь: мне очень приятно напомнить о себе дражайшим моим соотечественникам». ⁴⁶ Далее он пишет: «Я осмеливаюсь, если не за всех, то по крайней мере за многих соотечественников ответить, что *безделка* сия (как называет ее скромность сочинительницы) была бы, как прекрасное произведение, с удовольствием прочтена в Беседе, если бы Беседы не прекратились до будущей осени». ⁴⁷

О своем намерении выступить на очередном заседании «Беседы» вспоминает также П.Ю. Львов. Перечисляя в списке своих сочинений «русскую быль» «Дедовские кресла», он добавляет: «...кои были приготовлены для чтения в Беседе, но когда судьба призвала Державина к вечности и затворила в доме его двери храма Аполлона *Гиперборейского*, когда пресеклося существование “Беседы”, оставя по себе одно токмо сожалением сопровождаемое воспоминание о сем поучительном и достохвальном собрании северных Скальдов. Тогда “Дедовские кресла” остались у сочинителя <...>». ⁴⁸

Таким образом, в деятельности «Беседы любителей русского слова» остаются еще неизвестные нам страницы. Поэтому важной задачей является поиск новых документальных источников, которые позволят более точно ответить на вопросы, связанные с хронологией, содержанием заседаний и составом участников этого литературного общества.

---

⁴⁶ Сын Отечества. Т. 30. № 20. С. 14–15.

⁴⁷ Там же. С. 15.

⁴⁸ [Б. п.]. О сочинениях Павла Юрьевича Львова, относительно к отечественному // Отечественные записки. 1826. Ч. 27. № 77. Сент. С. 432. «Дедовские кресла» были опубликованы в «Трудах Общества любителей российской словесности» (1819. Ч. 16) и отд. изданием; см.: Львов П.Ю. Дедовские кресла: Русская быль. М.: В Университетской тип., 1820.

Хронология заседаний «Беседы любителей русского слова»

1810 год

Подготовительные заседания

2 декабря («собрание предполагаемого Лицея в доме Гавриила Романовича Державина»), 4 декабря, 13 декабря.⁴⁹

1811 год

Подготовительные заседания

20 января (у А.С. Хвостова),⁵⁰ 21 февраля (общее собрание), 28 февраля (общее собрание), 4 марта (общее собрание).

Чтение 1

14 марта

Подготовлено I разрядом. Слушали: Письмо министра народного просвещения гр. А. К. Разумовского А.С. Шишкову от 17 февраля 1811 года о высочайшем утверждении «Беседы»; «Извещение» о намерениях «Беседы» с приглашением всех «трудящихся в словесности соучаствовать в ней» (читал секретарь и действительный член I разряда П.А. Кикин); *А.С. Шишков* «Речь при открытии Беседы» (читал автор); *кн. Д.П. Горчаков* «Бессмертие» (читал действительный член IV разряда Г.Г. Политковский); *И.А. Крылов* «Огородник и философ», «Гуси», «Осел и соловей» (читал автор).

---

⁴⁹ О датах и содержании этих заседаний сообщает Д.И. Хвостов; см.: Из архива Хвостова. С. 365–367.

⁵⁰ См.: Там же. С. 368.

<[Станевич Е.И.] «Размышление при гробе благодетеля: [Памяти П.А. Демидова]»; Урусова Е.С. «К творцу Кадма»; Волкова А.А. «Стихи к Беседе любителей русского слова»; Шишков А.С. «Сон. Осада крепости. (Подражание италиянскому)»; Горчаков Д.П. «Аише и Али»>. ⁵¹

Наиболее полное описание первого заседания «Беседы» дал Д.П. Северин в письме П.А. Вяземскому от 24 марта 1811 года. ⁵² А.И. Тургенев, также бывший «слушателем первой Беседы», поделился своими впечатлениями с В.А. Жуковским. ⁵³ Д.И. Хвостов в «Записках о словесности» сообщает: «Первое публичное чтение Беседы любителей Российского слова было 14 марта в присутствии двухсот избраннейших особ. Чтение сие очень всем полюбилось и попало в моду <...>». ⁵⁴ Отчет о первом заседании был напечатан в газете «Северная почта»: «Сего месяца 14 дня в доме г. Действительного Тайного Советника Державина было открытие Беседы любителей Русского слова. Огромная зала, нарочно для сего устроенная песнопевцем Фелицы, собрание почетнейших мужей, сидевших за пространным столом, и стечение до двухсот особ обоего пола, избраннейших людей в городе, — представляли в сем случае весьма почтенное зрелище <...>». ⁵⁵

Подготовительные заседания

17 марта (общее собрание), 29 марта, ⁵⁶ 10 апреля (общее собрание).

Чтение 2

22 апреля

---

⁵¹ В угловых скобках приводится перечень произведений, не прочитанных в «Беседе», но напечатанных в «Чтениях».

⁵² См.: Арзамас: Сб. в 2 кн. М., 1994. Кн. 1. С. 163.

⁵³ См.: Там же. С. 162.

⁵⁴ Из архива Хвостова. С. 369.

⁵⁵ [Б.п.]. Известия внутренние // Северная почта. 1811. 25 марта. № 24. С. 1.

⁵⁶ См.: Из архива Хвостова. С. 24.

Подготовлено II разрядом. Слушали: ⁵⁷ Г.Р. Державин «Рассуждение о лирической поэзии» (читал член-сотрудник II разряда Ф.П. Львов), ода «Истина» (читал Соколов, «один из посетителей»); ⁵⁸ И.М. Муравьев-Апостол «Краткое рассуждение о Горации», перевод 1-й Сатиры Горация (читал переводчик); Д.И. Хвостов «Письмо о пользе критики» (читал действительный член IV разряда А.А. Писарев); Ф.П. Львов «Цветок», «Ручей» (читал действительный член II разряда И.М. Муравьев-Апостол); Г.Р. Державин «Сретение Орфеево Солнца: Гимн и дифирамб в греческом вкусе» ⁵⁹ (читал Г.Г. Политковский, «сей гимн сопровождается был пением и музыкою» ⁶⁰).

<Г.Р. Державин «Оратория. Целение Саула» ⁶¹>.

Д.И. Хвостов сообщает: «...1811-го года, апреля 22 числа, было пред посетителями чтение второго разряда, и, можно сказать, весьма великолепное. Не менее трехсот человек лучших людей в городе, в котором числе множество дам, и в заключении на хорах с сопровождением лиры был пет придворными певчими гимн и дифирамб, сочинения господина Державина, музыка г-на Бортнянского. Сие все заготовлено было на случай приезда императора и фамилии, и называется Сретение солнца Орфеем <...>». ⁶²

Д.П. Северин, «уставший, слушая» второе заседание «Беседы», рассказал о нем в письме П.А. Вяземскому от 27 апреля 1811 года: «...я на сих днях был во 2-м заседании

---

⁵⁷ Порядок расположения материалов 1–9-го публичных заседаний «Беседы» соответствует их Дневникам, 10–19-го — публикациям в «Чтениях», поскольку Дневники этих заседаний не сохранились.

⁵⁸ Десницкий В.А. Из истории литературных обществ начала XIX века... С. 115. Возможно, это был действительный член III разряда П.И. Соколов, секретарь Российской академии.

⁵⁹ Помимо публикации в «Чтениях» (см.: Кн. 2. Ч. 2. СПб., 1811. С. 103–105), по-видимому, к заседанию «Беседы» появилось и отд. изд.; см.: Державин Г.Р. Сретение Орфеево Солнца: Гимн и дифирамб в греческом вкусе, препровождаемые лирою / Муз. г. Бортнянского. СПб.: В Медицинской тип., 1811.

⁶⁰ Десницкий В.А. Из истории литературных обществ начала XIX века... С. 115. С. 116.

⁶¹ См.: Альтшуллер М.Г. Оратория «Целение Саула» в системе поздней лирики Державина // XVIII век. СПб., 1999. Сб. 21. С. 268–281.

⁶² Из архива Хвостова. С. 372.

Беседы. Там слушал я: речь престарелого Пиндара нашего *о Лирической Поэзии, Гимн кротости*⁶³ и *оду к Истине*, его же; не хочу говорить о них. Потом *Перевод* в прозе 1-й Сатиры Горация Апостолом-Муравьевым, с жизнью Горация; обе пиесы понравились публике, особливо штатс- и простым дамам. Апостол хорошо проповедует, т. е. читает. Потом, что бы такое: Эпистолу гр. Хвостова о пользе критик, в которой между многими достозамечательными стихами найдешь ты и этот:

С богами говорить не должно бестолково.

Потом две идиллии, “Ручеек” и “Цветок”, Федора Львова (сочин <ителя> “Пеночки”), напечатанные в 80-х годах. В заключении пет Дифирамб: “Сретение Орфеево Солнца”, Державина, довольно, впрочем, дурное, кроме 2-й строфы, которая напоминает хорошее старика время».⁶⁴

Сообщение об этом заседании было напечатано также в «Северной почте».⁶⁵

Подготовительные заседания

28 апреля (общее собрание), 30 апреля (Хозяйственное отделение),
5 мая (заседание II разряда), 7 мая («в доме Ивана Ивановича Дмитриева»)⁶⁶
18 мая (общее собрание, «в доме графа Потемкина»)⁶⁷, 23 мая (общее собрание).

Чтение 3

26 мая

---

⁶³ Вероятно, речь идет о первой части оды Г.Р. Державина «Сретение Орфеем Солнца».

⁶⁴ Арзамас: Сб. в 2 кн. Кн. 1. С. 165–166.

⁶⁵ См.: [Б.п.]. Известия внутренние // Северная почта. 1811. 29 апр. № 34. С. [1].

⁶⁶ О датах 5 и 7 мая и содержании этих подготовительных заседаний см.: Из архива Хвостова. С. 373.

⁶⁷ См.: Там же. С. 373–374.

Подготовлено III разрядом. Слушали: *А.С. Хвостов* «О стихотворстве» (читал автор); *П.Ф. Шапоchnikов*⁶⁸ «Переложение псалма 143» (читал автор переложения); *А.П. Бунина* «Послание к Леону» (читал А.С. Шишков); *Васильев* «К Ручью, подражание Глейму, немецкому стихотворцу»⁶⁹ (читал И.М. Муравьев-Апостол); *С.С. Филатов* «О законах и словесности в России до XVIII века» (читал действительный член III разряда П.И. Соколов); *кн. А.А. Шаховской* «Предупреждение об ирои-комической поэме», ирои-комическая поэма «Расхищенные шубы. Песнь I» (читал И.М. Муравьев-Апостол); *Г.Р. Державин* «Рассказ Терамена» (перевод из трагедии Ж. Расина «Федра») ⁷⁰ (читал Соколов, «один из посетителей»). ⁷¹

<*Филатов С.С.* «Гай Муций Сцевола, или Пример любви к отечеству»; *Марин С.Н.* «Послание М<ихаилу> М<илонову>»; *Хвостов А.С.* «Мысли разных сочинителей»>.

Сообщение о заседании было напечатано в «Северной почте». ⁷²

Р.Н. Цебриков написал «рецензию» на третье чтение «Беседы», опубликованную в «Вестнике Европы». ⁷³

Д.И. Хвостов сделал критическую запись в своем дневнике: «Чтение 3-го разряда 26 мая Хвостова. О с т и х о т в о р е н и и председателя, плоско, вяло и ничего не значит. Псалмы Шапошникова, весьма обыкновенны. Письмо Буниной, слог жесткий и щеголеватый, но есть не худые стихи. Отрывок Филатова. Шутливая поэма кн. Шаховского, очень не худо». ⁷⁴

---

⁶⁸ Шапоchnikов Петр Федорович (1789 — 26.08.1812) — капитан лейб-гвардии Преображенского полка, погиб во время Бородинского сражения. Его могила с надгробием в виде колонны, увенчанной урной, находится на Бородинском поле, куда была перенесена в 1967 году из Можайска.

⁶⁹ В «Чтении 3» (СПб., 1811. С. 40–47) этот текст опубликован анонимно.

⁷⁰ См.: Демин А.О. Перевод рассказа Терамена из трагедии Ж. Расина «Федра» и оригинальное творчество Державина // XVIII век. СПб., 2008. Сб. 25. С. 158–174.

⁷¹ См.: Десницкий В.А. Из истории литературных обществ начала XIX века... С. 121.

⁷² См.: [Б.п.]. Известия внутренние // Северная почта. 1811. 31 мая. № 43. С. 1.

⁷³ См.: Р.Ц. [Цебриков Р.Н.]. Письмо к приятелю: (О третьем чтении Беседы любителей русского слова. В С. Петербурге) // Вестник Европы. 1811. Ч. 58. № 15. Авг. С. 206–220.

⁷⁴ Из архива Хвостова. С. 374.

Подготовительные заседания

1 июня (общее собрание), 6 июня (Отделение для разбора сочинений, в доме И.А. Крылова), ⁷⁵ 3 ноября (общее собрание).

Чтение 4

11 ноября

Подготовлено IV разрядом. Слушали: *И.С. Захаров* «Похвала женам» (читал Г.Г. Политковский); *А.П. Бунина* «Падение Фазтона» (читал И.А. Крылов); ⁷⁶ *П.М. Карabanов* «Великодушие. Истинное происшествие» (читал автор); *П.А. Корсаков* «Стрела» (басня, читал автор); *И.А. Крылов* «Листы и корни», «Синица» (читал автор).

<*Кн. Е.С. Урусова* «К судьбе»>.

Д.И. Хвостов оставил критический отзыв об этом чтении. ⁷⁷

Подготовительные заседания

4 декабря (общее собрание).

Чтение 5

15 декабря

Подготовлено I разрядом. Слушали: *А.С. Шишков* «Рассуждение о любви к Отечеству»; *Н.И. Гнедич* Перевод восьмой песни «Илиады»; *И.А. Крылов* «Червонец», «Орел и паук», «Ручей», «Лжец». Согласно

---

⁷⁵ О заседании Критического комитета, разбиравшего оду М.В. Ломоносова «На покорение Молдавии», см.: Там же. С. 376–377.

⁷⁶ См.: Там же. С. 383–384.

⁷⁷ См.: Там же. С. 378.

информации, почерпнутой в дневнике заседания, «потом прочтено собранию Беседы письмо г. статс-секретаря П.С. Молчанова к председателю 3-го разряда А.С. Хвостову, коим извещает о поднесении им его величеству государю императору 3-й книжки Чтения, Беседою изданной, и принятой оным с благоволением». ⁷⁸

Сообщение о заседании было напечатано в «Северной почте». ⁷⁹

Д.И. Хвостов отметил в своих записках: «16-го декабря было чтение Шишкова “Речь о любви к отечеству”. Публика ею довольна, члены Беседы были без памяти <...>». ⁸⁰

1812 год

Подготовительные заседания

15 января, 23 января.

Чтение 6

26 января

Подготовлено II разрядом. Слушали: *Г.Р. Державин* «О лирической поэзии». (Продолжение), «Ода на освящение храма Казанской Божией Матери, в Санктпетербурге (15 сентября 1810 года)»; *Н.И. Язвицкий* «Игорь Святославович, ироическая песнь» (перевод сокращен для чтения в «Беседе любителей русского слова»); *Д.И. Хвостов* «Послание к ... ..»

<*И.И. Дмитриеву*. — *Н. М.*>; *С.П. Жихарев* «К другу, в его уединение»; *Г.Р. Державин* «Аристиппова баня»; *И.М. Муравьев-Апостол* «Рассуждение о причинах, побудивших Горация написать Сатиру третью первой книги», «Перевод 3-й Сатиры Горация»; *Ф.П. Львов* «Письма к графине Н.Н.,

---

⁷⁸ Десницкий В.А. Из истории литературных обществ начала XIX века... С. 124. В Журналах заседаний Беседы за 1812 год сведения о чтецах отсутствуют.

⁷⁹ См.: [Б.п.]. Известия внутренние // Северная почта. 1811. 23 дек. № 102. С. 1.

⁸⁰ Из архива Хвостова. С. 378.

живущей в Малороссии. В октябре» (Письмо I–IV); *М.В. Милонов* «К Меценату (подражание Горацио)»; *Ф.П. Львов* «Другу моему; о счастье». В заключение заседания «читано было благодарительное письмо архимандрита Филарета за принятие его в почетные члены Беседы». ⁸¹

Сообщение о шестом заседании было напечатано в «Северной почте». ⁸²
Критические замечания об этом чтении сделал в своих записках Д.И. Хвостов. ⁸³

Подготовительные заседания

28 января, 8 февраля.

Чтение 7

23 февраля

Подготовлено III разрядом. Слушали: *П.Ю. Львов* «Избрание на царство Михаила Федоровича Романова» (читал А.С. Хвостов); ⁸⁴
П.Ф. Шапочников «Мечтания» (перевод из Шиллера); *кн. Д.П. Горчаков* «Беседа о суетности. (К А.С. Хвостову)»; *А.С. Хвостов* «О стихотворстве». (Продолжение); *кн. А.С. Шаховской* «Расхищенные шубы, ирои-комическая поэма. Песнь II».

<*Хвостов А.С.* «Мысли разных сочинителей»; *Потемкин С. П.* «И мои мечтания»; *Хвостов А.С.* «Речи, выбранные из отрывков полной истории Саллустия», ⁸⁵ «Введение к речи Лепида», ⁸⁶ «М<арка> Эмилия Лепида к Н. Р. речь противу Суллы»>.

---

⁸¹ Десницкий В.А. Из истории литературных обществ начала XIX века... С. 126.

⁸² См.: [Б.п.]. Известия внутренние // Северная почта. 1812. 3 февр. № 10. С. 1.

⁸³ Из записок Хвостова. С. 382.

⁸⁴ См.: О сочинениях Павла Юрьевича Львова. С. 431.

⁸⁵ Саллустий, Гай Крисп (86–35 до н. э.) — римский историк. До наших дней дошли фрагменты «Истории» Саллустия (пять книг, охватывающие период с 78 по 67 гг. до н. э.).

⁸⁶ Лепид, Марк Эмилий (ок. 89 — 13 г. до н. э.) — римский политический деятель.

Сообщение о седьмом заседании было напечатано в «Северной почте». ⁸⁷

Отзыв об этом чтении оставил Д.И. Хвостов. ⁸⁸

Подготовительные заседания

19 марта.

Чтение 8

23 марта

Подготовлено I разрядом. Слушали: *А.С. Шишков* «Опыт о российских писателях: Феофан Прокопович»; *кн. Е.С. Урусова* «К моему гению»; *И.А. Крылов* «Кот и повар», «Раздел». О присланных в «Беседу» сочинениях: *А.С. Стурдза* «О греческом языке и способе оному обучаться» (читал А.С. Шишков), ⁸⁹ *кн. С.А. Шихматов* «Размышление на гробах». ⁹⁰

В «Журнале заседаний “Беседы”» сказано, что на этом собрании присутствовало «гг. попечителей, членов, сотрудников и посетителей обоего пола до 300 человек». ⁹¹

Сообщение о нем было напечатано в «Северной почте». ⁹²

Об этом заседании говорится также в следующем отрывке из воспоминаний А.С. Стурдзы: «А.С. Шишков радушно принял новый труд мой: “Опыт о преподавании Российскому юношеству Греческого языка”, представил его на суд собратий и склонил их прочесть отрывки из моего опыта на первом публичном заседании. Меня, разумеется, пригласили на этот вечер, столько для меня памятный. После басен Крылова и других изящных произведений старец Шишков начал читать вслух мои пламенные страницы —

---

⁸⁷ См.: [Б.п.]. Известия внутренние // Северная почта. 1812. 2 марта. № 18. С. 1.

⁸⁸ См.: Из архива Хвостова. С. 383.

⁸⁹ См.: Опыт учебного предначертания для преподавания российскому юношеству греческого языка. Сочинение Александра Стурдзы, читанное в Беседе любителей русского слова в 1812 году. СПб., 1817.

⁹⁰ См.: Ночь на гробах. Подражание Юнгу князя Сергея Шихматова, члена Российской академии и Беседы любителей русского слова. СПб.: В тип. Ф. Дрехслера, 1812.

⁹¹ Десницкий В.А. Из истории литературных обществ начала XIX века... С. 127.

⁹² См.: [Б.п.]. Известия внутренние // Северная почта. 1812. 15 мая. № 39. С. 1.

Гнедич хвалил — все прочие аристархи почтили восемнадцатилетнего юношу своими ободряющими отзывами». ⁹³

На восьмом заседании «Беседы» побывал К.Н. Батюшков, с иронией рассказавший об этом в письме П.А. Вяземскому: «Вчера читал московскую Беседу и вчера был в питерской. Мы выслушали сгоряча: первое — рассуждение о Феофане Прокоповиче Шишкова, который нашего проповедника превозносил выше Цицерона: *Stouyez cela et buvez de l'eau*. * Потом он же читал выписку из поэмы Шихматова «Песни на гробах». Ты себе представить не можешь, что за стихи! Все набор рифм и слов. Чертовое подражание Йонгу, которому бы по совести и подражать не должно. Заседание кончилось комплиментом князю Шихматову, и все zelo восхищались». ⁹⁴

Подготовительные заседания

11 апреля, 30 апреля.

Чтение 9

4 мая

Подготовлено I разрядом. Слушали: *А.С. Шишков* «Опыт о российских писателях: Кантемир»; *Я.И. Бередников* «Гимн Богу»; *А.А. Волкова* «Чувство при наступлении весны»; *Д.И. Хвостов* «Весна 1812 года»; *кн.*

С.А. Шихматов «Совет юному моему другу»; *Бередников Я.* «К Поэзии»; *Васильевский Д.Е.* «Песнь на смерть Каменского второго».

Подготовительные заседания

24 мая.

---

⁹³ Стурдза А.С. Беседа любителей русского слова и Арзамас в царствование Александра I и мои воспоминания // Арзамас: Сб. в 2 кн. Кн. 1. С. 45–46.

* Поверьте этому и выпейте воды (*франц.*).

⁹⁴ Там же. С. 191. Письмо может быть датировано 24 марта 1812 года.

1813 год
Подготовитель
Подготовительные заседания

2 января.

Чтение 10

13 января

Слушали: *Г.Р. Державин* «Гимн лиро-эпический на прогнание французов из Отечества 1812 года»; *Ф.П. Львов* «Письмо русского уроженца к сыну его, ноября 1-го дня 1812 года»; *С.И. Висковатов* «Торжество добродетели»; *Д.А. Воронов* «Введение к Рассуждению о славе и чести», «Рассуждение о славе и чести»; *Ф.П. Львов* «Выписка из 10 письма к Графине Н.Н. (Из Архангельска)».

<*Галинковский Я.А.* «Перевод первой Виргилиевой эклоги, древним размером», «Письмо к издателям академического журнала “Сочинения и переводы”», «Первая эклога Виргилия»>.

Сообщение о возобновлении заседаний «Беседы» было напечатано в «Северной почте».⁹⁵

Чтение 11

Февраль или март

Слушали: *кн. С.А. Шихматов* «Песнь Россиянина в новый 1813 год»; *Я.А. Галинковский* «Рассмотрение Овидия»; *С.И. Висковатов* «Счастье»; *кн. Д.П. Горчаков* «Беседа об уединении. К А.С. Таранову»; *Ф.П. Львов* «Письма

---

⁹⁵ См.: [Б.п.]. Известия внутренние // Северная почта. 1813. 22 янв. № 7. С. 2.

к Графине Н.Н. (Продолжение: № 15)»; *Н.А. Нелединский-Мелецкий* «Ода на Время». (С франц. г-на Томаса); *И.А. Крылов* «Демьянова уха», «Лисица и Сурок»; *А.С. Хвостов* «Мысли разных сочинителей».

<*Потемкин С.П.* «К прошлому 1812-му и наступившему 1813-му годам», «О пользе несчастья: Парменон Харидему. Из сочинений г-на Душа»>.

Чтение 12

3 апреля

Слушали: *П.А. Корсаков* «Храм славы истинных героев»; *Д.А. Воронов* «Беседа о писателях и о критике»; *С.И. Висковатов* «Сирота»; *В.Н. Олин* «Романс. Могила Юлии»; *А.С. Козлянинов* «Ода анакреонтическая. В день рождения Надежды Л.»; ⁹⁶ *П.Ю. Львов* «Лукьян Степанович Стрешнев: Старинное русское предание» (читал Г.Г. Политковский); ⁹⁷ *С.И. Висковатов* «Кормчий».

Сообщение о заседании было напечатано в «Северной почте». ⁹⁸

Чтение 13

20 мая

Слушали: *кн. С.А. Шихматов* «На кончину генерала-фельдмаршала князя Кутузова-Смоленского»; *А.Н. Оленин* «Письмо к архимандриту

---

⁹⁶ В «Чтении 12» (СПб., 1813) этот текст напечатан анонимно (С. 54–55). Авторство установлено по изд.: Урывки времени: Собр. соч. Андрея Козлянинова. СПб.: В Тип. Н. Греча, 1820. Надежда Л. – вероятно, первая супруга Федора Петровича Львова Надежда Ильинична (урожд. Березина, 26.01.1776 — 23.03.1810). О А.С. Козлянинове, родственнике Львовых, см.: Морозова Н.П. О последнем стихотворении Г.Р. Державина // Русская литература. 2002. № 2. С. 137–169.

⁹⁷ См.: О сочинениях Павла Юрьевича Львова. С. 431.

⁹⁸ См.: [Б.п.]. Известия внутренние // Северная почта. 1813. 16 апр. № 31. С. 2.

Филарету⁹⁹ (5 января 1813 года); *архимандрит Филарет* «Ответ на письмо, которым предложено написать *рассуждение о нравственных причинах неимоверных успехов наших в настоящей войне*»; *М.Е. Лобанов* Перевод отрывка из трагедии Ж. Расина «Ифигения»; *И.А. Крылов* «Волк и Кукушка», «Заяц на ловле»; *С.С. Уваров* «Письмо к Николаю Ивановичу Гнедичу о греческом экзаметре»; *Н.И. Гнедич* «Ответ г-на Гнедича», перевод VI песни «Илиады»; *С.И. Висковатов* «Кладбище»; *И.А. Крылов* «Орел и Пчела», «Щука и Кот».

<*Беляев Т.* «Песнь Курайча Рифейских гор. Прислана с Урала»; *Державин Г.Р.* «Ода. На смерть фельдмаршала князя Смоленского, апреля в 16 день 1813 года»>.

1814 год

Чтение 14

7 января

Слушали: *Г.Р. Державин* «Продолжение о лирической поэзии»; *Д.О. Баранов* Перевод IX песни «Генриады» Вольтера; *Ф.П. Львов* «Городскому жителю», «Ответ сельскому жителю»; *Г.Р. Державин* «Тление и нетление»; *В.Н. Олин* «Темора, отрывок из пятой песни Оссиановой поэмы»; *А.А. Волкова* «Гимн Славе»; *П.А. Корсаков* «К родине».

Сообщение о заседании было напечатано в «Северной почте».¹⁰⁰

Подготовительные чтения

5 февраля (?).

---

⁹⁹ Архимандрит Филарет — в миру Дроздов. Василий Михайлович (1783–1867).

¹⁰⁰ См.: Известия внутренние // Северная почта. 1814. 14 янв. № 4. С. 2.

Чтение 15

Февраль (?)

Слушали: *С.С. Филатов* «О начале в России воинства и о знаменитых подвигах до XVIII века»; *Д.А. Воронов* «Краткое начертание о Славянах и Славянском языке», «Выписки из разных мест Священного писания»; *Ф.П. Львов* «Соседу», «Счастье жизни»; *А.А. Волкова* «Песнь благодарственная Богу при чтении Манифеста, изданного декабря 6 дня 1813».

Чтение 16

Март или апрель

Слушали: *П.А. Корсаков* «Отсутствие Световида, или Весна 1814 года на севере»; *П.Ю. Львов* «Боярин Артамон Сергеевич Матвеев: Историческое повествование» (читал Г.Г. Политковский); ¹⁰¹ *П.А. Корсаков* «Фиалка, нравственная ода»; *С.И. Висковатов* «Невинность»; *П.А. Межаков* «Сальгар и Кольма»; ¹⁰² [Б. п.] «Совесь»; *П.А. Корсаков* «Отчаяние Нерона». (Подражание г. Легуве); ¹⁰³ *Ф.П. Львов* «Г.Р. Державину. По случаю возобновления его Кабинета, ¹⁰⁴ 13 апреля 1813 года»; *И.А. Крылов* «Бочка», «Вельможа и Философ».

---

¹⁰¹ См.: О сочинениях Павла Юрьевича Львова. С 431.

¹⁰² Перевод отрывка из поэмы Оссиана (Джемс Макферсон, 1736 – 1796) «Песни Сельмы».

¹⁰³ Легуве, Габриель Мари Жан Батист (1764–1812) — французский писатель и поэт.

¹⁰⁴ Имеется в виду ремонт кабинета Г.Р. Державина в его доме на Фонтанке.

Подготовительные заседания

5 мая, 12 мая.

Чтение 17

19 или 20 мая

Подготовлено I разрядом. Слушали: *кн. С.А. Шихматов* «Песнь победителю и спасителю царств и победоносному примирителю Европы, Александру Первому <...>»; *В.В. Капнист* «Письмо к С.С. Уварову о экзаметрах»; *И.А. Крылов* «Лисица», «Клеветник и Змея»; *С.С. Уваров* «Ответ В.В. Капнисту на письмо его о экзаметре»; *Ф.Ф. Кокошкин* Перевод отрывка из комедии Мольера «Мизантроп» (читал переводчик);¹⁰⁵ *В.В. Капнист* «Подражание Горациевой Оде кн. I, од. 34»;¹⁰⁶ *И.А. Крылов* «Лань и Дервиш», «Чиж и Еж».

<*Капнист В.В.* «Горестъ», «Горестъ разлуки»; *Капнист С.В.* «Наяда Псла к Наяде Волхова»>.

Чтение (?)

31 августа (?)

Чтение 18

8 декабря

---

¹⁰⁵ См.: Аксаков С.Т. Знакомство с Державиным // Аксаков С.Т. Собр. соч.: В 5 т. М., 1966. Т. 2. С. 319.

¹⁰⁶ Впоследствии этот текст печатался под назв. «Судьба».

Слушали: *Д.И. Хвостов* «Псалом II»; *В.В. Капнист* «Краткое изыскание о Гипербореанах и о коренном Российском Стихосложении»; «Перевод Оды Горациевой к Мecenату: Книга III. Ода XVI»;¹⁰⁷ *А.М. Бакунин* «Жатва»;¹⁰⁸ *Ф.Ф. Иванов* Перевод «Портрет Аннибала: Лив<ий> кн. 21 гл. 4», «Описание Римских нравов: Салл<юстий>. Война Катил<ины> гл. IX»; *П. А. Межаков* «Элегия. (Подражание Проперцию)»,¹⁰⁹ «Коннал и Кримора»¹¹⁰; *А.Г. Родзянка* «К другу»; *Ф.П. Львов* «К птичке»; *В.Н. Олин* «Лемносские кузнецы: Кантата».

Сообщение о заседании было напечатано в «Северной почте».¹¹¹

1815 год

Чтение 19

22 февраля

Слушали: *А.С. Шишков* «Выписки из книги, называемой: Краткая и справедливая повесть о пагубных Наполеона Бонапарте помыслах и войнах его с Гишпаниею и Россиею». (Перевод с нем.);¹¹² *А.П. Бунина* «Счастливый Меналк. Идиллия»; *Переводчик Пуфа* «Письмо в Беседу»,¹¹³ «Речь некоего жителя Померании к своим единоплеменникам»; *кн. А.А. Шаховской* «Расхищенные шубы, ирои-комическая поэма. Песнь III».

---

¹⁰⁷ Впоследствии этот текст печатался под назв. «Способ к довольству».

¹⁰⁸ Об авторе этого стихотворения сообщает В.И. Панаев в своих «Воспоминаниях о Державине», напечатанных в альм. «Братчина» (1859. Ч. 1. С. 26).

¹⁰⁹ Проперций, Секст (ок. 50 — ок. 15 до н. э.) — римский поэт, автор четырех книг «Элегий».

¹¹⁰ Перевод отрывка из поэмы Оссиана «Карик-тура».

¹¹¹ См.: Известия внутренние // Северная почта. 1814. 12 дек. № 99. С. 2.

¹¹² См.: Арндт Э.М. Краткая и справедливая повесть о пагубных Наполеона Бонапарте помыслах, о войнах его с Гишпаниею и Россиею <...> / Перевел с нем. яз. А. Шишков. СПб.: Тип. В. Плавильщикова, 1814 (ц. р. 10 окт. 1814 г.).

¹¹³ В Письме содержится просьба прочесть прилагаемую к нему «Речь некоего жителя Померании к своим единоплеменникам, в одной немецкой книжке».

Чтение <№ ?>

30 декабря

Слушали: *Державин Г.Р.* «Начальный торжественный хор»;
Сообщение о заседании было напечатано в "Сыне Отечества" (1816, Ч. 27, № 1. С.
Политковский Г.Г. «Похвальное слово Государю Императору»; *Ф.П. Львов*
«Ода на приезд Миротворца Европы»; *Державин Г.Р.* «Окончательный
торжественный хор». ¹¹⁴

1816 год

Подготовительные заседания

18 марта.

Чтение <№ ?>

22 марта

Подготовлено II разрядом.

---

¹¹⁴ Автор музыки к «Торжественным хорам» в публикациях не указан.

Идеи Э. Сведенборга в поэтической рецепции Г.Р. Державина
(опыт историко-культурного комментария)*

В поэтическом наследии Г.Р. Державина начала XIX века есть небольшая лирическая зарисовка, которая незаслуженно обделена исследовательским вниманием, являясь в то же время любопытным свидетельством интеллектуальных и духовных исканий поэта в поздний период его творчества. Речь идет о стихотворении «На балет Зефир и Флора», написанном Державиным в начале 1808 года под впечатлением от постановки Ш. Дидло одноименного «анакреонтического балета в одном действии» К.А. Кавоса на сцене Эрмитажного театра. Наиболее ранняя рукописная редакция этого стихотворения появилась 31 января 1808 года,¹ а вскоре была осуществлена и его первая публикация в журнале «Драматический вестник».²

Следует заметить, что балет «Зефир и Флора», премьера которого в России состоялась в 1804 году, с большим успехом шел на русской сцене на протяжении многих десятилетий. В 1808 году в этом спектакле в роли маленькой нимфы из свиты Венеры впервые в жизни на большой сцене танцевала девятилетняя А.И. Истомина,³ поэтому вполне вероятно, что Державин как раз и присутствовал на одном из первых выступлений

---

* Автор выражает признательность Антону Олеговичу Демину за ценные замечания, высказанные в процессе работы над статьей.

¹ См.: Державин Г.Р. Анакреонтические песни. М., 1986. С. 227.

² См.: Драматический вестник. 1808. Ч. I. С. 47. Позднее стихотворение было включено Державиным в состав «Анакреонтических песен» и напечатано в 3-м томе «Сочинений Державина» (СПб., 1808. С. 201–203).

³ Об этом см.: Эльяш Н.И. Авдотья Истомина. Л., 1971. С. 27–30.

знаменитой впоследствии балерины,⁴ воспетой А.С. Пушкиным в «Евгении Онегине».

В основу балетного либретто был положен традиционный миф о любви Зефира и Флоры, хорошо известный публике в поэтической интерпретации Овидия («Фасты», 5: 193–214). Данный мифологический сюжет получил широкое развитие в искусстве Возрождения и Нового Времени: он был многократно воссоздан мастерами европейской живописи («Весна (Примавера)» С. Боттичелли, «Флора и Зефир» Я. Брейгеля-старшего «Бархатного» (совместно с П. Рубенсом), «Триумф Флоры» Н. Пуссена, «Триумф Зефира и Флоры» Д.-Б. Тьеполо, «Зефир и Флора» Дж. Амигони и др.). В XVII–XVIII веках во Франции успехом пользовались и музыкально-драматические постановки «Зефир и Флора» Ж.-Б. Люлли, «Зефир» Ж.-Ф. Рамо и др., также написанные по мотивам указанного сюжета.

Фабульная линия балетного либретто К. Кавоса складывалась из ряда сцен, изображающих перипетии любовных отношений бога западного ветра Зефира и богини цветения Флоры. Основное действие балета разворачивается в «прекрасной долине, со всех сторон окруженной лесом», где обитают нимфы, наяды, тритоны, сатиры. Именно здесь на фоне чистого ручья и цветущих кустов розы ветреный Зефир, покоренный красотой Флоры, клянется ей в вечной любви и верности, но в ее отсутствие, увлеченный «прелестями» нимф, забывает о своей клятве. И лишь благодаря содействию Амура ему вновь удастся вернуть благосклонность возлюбленной и окончательно соединиться с нею в храме Гименея, что, по замыслу автора, должно было знаменовать наступление и торжество весны на земле.⁵

---

⁴ Позже Истомина исполнила целый ряд женских партий балета, в том числе и центральную партию Флоры (см., например: Красовская В.М. История русского балета. СПб., 2008. С. 60).

⁵ См.: Зефир и Флора: Анакреонт, балет в 1 действии, соч. г-ном Дидло в СПб., а здесь поставл. г-м Глушковским, муз. соч. г-на Кавоса...: [Либретто]. М.: Тип. Н. Степанова при Императорском театре, 1829. — 8 с.

Характеризуя своеобразие постановочного решения балета, искусствовед В.М. Красовская отмечает: «Изящная легенда привлекала зрителей поэтичностью трактовки. Зефир, в короткой тунике, обнажавшей часть торса, с крыльями за плечами, слетал сверху на сцену, где в красочных группах располагались уснувшие нимфы. Они, как и Флора, были одеты в свободные легкие одежды, в движениях открывались ноги, обтянутые трико телесного цвета. Волосы нимф стягивались греческим узлом или распускались локонами и были украшены цветами. Танец, в котором нимфы то убегали от Зефира, то, увлеченные, пытались догнать ветреного красавца, строился на прихотливых переходах, на разнообразии поз».⁶

По всей видимости, Державина и заинтересовал как раз не столько идиллический сюжет балетного либретто, сколько тот визуально-пластический ряд постановки, который породил у поэта ассоциации «легких, светлых существ», в образе которых предстали на сцене персонажи античного пантеона, с обитателями горного мира (ангелы, духи), а само место действия — с райской обителью, что нашло образное воплощение в стихотворении «На балет Зефир и Флора»:

Вижу холм под облаками,
Озлащаемый лучем,
Осеняемый древами,
Ожурчаемый ключем;
Средь серебристых вод и брегу
Лебедей, детей зрю вдруг;
Вижу всю эдемску негу.⁷

---

⁶ Красовская В.М. История русского балета. С. 50.

⁷ Соч. Державина с объяснит. примеч. Я. Грота. СПб., 1869. Т. 2. С. 681. В дальнейшем все ссылки на тексты Державина приводятся в скобках в тексте по изданию: Соч. Державина с объяснит. примеч. Я. Грота. Т. 1–9. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1864–1883 (римскими цифрами том, арабскими — страница).

Композиционная особенность данного лирического опуса выражается в том, что каждая из шести его строф неизменно завершается риторическим восклицанием: «Прав ты, прав ты, Шведенбург!» (II, 681–682). Именно эта прямая отсылка в тексте к имени Эммануила Сведенборга (1688–1772) и краткий комментарий к стихотворению в «Объяснениях» (III, 722) дают основание для постановки вопроса об истоках и характере державинской рецепции идей шведского мистика и теософа. При этом приходится сделать оговорку: к сожалению, на сегодняшний день фактическая сторона данного вопроса ограничивается этими двумя источниками; никакие иные материалы, способные пролить свет на прояснение обстоятельств, связанных с интересом Державина к трудам Сведенборга, пока не обнаружены. Думается, что это стало следствием того «особого» отношения российских официальных кругов к учению шведского богослова, которое вылилось в цензурный запрет на публикацию его сочинений в конце XVIII-го и в течение XIX столетий,⁸ чему не стало помехой даже звание Почетного члена Санкт-Петербургской Академии наук, присвоенное Сведенборгу заочно в 1734 году. Причину официального неприятия его идей в России, в частности, объясняет Я.К. Грот в письме П.А. Плетневу: «Сведенборга потому не может пропустить цензура, что он на Священном писании строит систему неземного мира, не совсем согласную с догматами общего христианского учения».⁹

Между тем сведенборгианство как оригинальная религиозно-философская доктрина имела широкий круг сторонников в среде образованного русского общества и, по утверждению американской

---

⁸ Так, Д.М. Шарыпкин отмечает: «Запрет был строгим и существовал в России вплоть до революции 1905 г. Цензура не пропускала не только сочинений самого Сведенборга, но и книг и статей о нем. <...> Цензура запрещала даже полемику со Сведенборгом; так, содержащая ее книга А. Аксакова не смогла увидеть свет в России и вышла в Германии (Рационализм Сведенборга. Критическое исследование его учения о Священном писании. Александра Аксакова. Лейпциг, 1870)» (Шарыпкин Д.М. Вокруг «Пиковой дамы» // Временник Пушкинской комиссии. 1972. Л., 1974. С. 132).

⁹ Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Т. I. СПб.: Тип. Мин-ва путей сообщения, 1896. С. 54.

славистки Эрин Марц, оказывала «долгое и значительное влияние на духовную и интеллектуальную жизнь России». ¹⁰ Интерес к Сведенборгу в конце XVIII-го — XIX-м веках действительно был велик, ¹¹ попытки переводить его на русский язык предпринимались неоднократно, ¹² но публикации этих переводов были возможны только за рубежом. И в этом смысле стихотворение Державина «На балет Зефир и Флора», помимо всего прочего, вызывает интерес и как первый в русской литературе «печатный» отклик на труды шведского ясновидца.

Основу онтологической системы Сведенборга составляет так называемая теория *соответствий*. Подобно Платону, понимавшему природный мир лишь как внешнее отражение совершенного, высшего мира, «мира идей», Сведенборг считает, что любая форма земного бытия имеет соответствующий ей эквивалент в духовном мире, который, в свою очередь, является проекцией мира Божественного: «Все, что в природе имеет бытие и существует согласно Божественному порядку, есть соответствие. Божественный порядок строится Божественным благом, исходящим от Господа; он начинается в самом Господе, постепенно исходит от Него через небеса на землю и тут оканчивается в своих последних степенях». ¹³ Вся система мироздания выстраивается в четкую иерархию *степеней*, последовательность которых определяется логикой восхождения от низших (материальных) форм существования к высшим (духовным).

---

¹⁰ Марц Э. Влияние Сведенборга в России // Сведенборг Э. Новый Иерусалим и его Небесное учение: сжатое изложение основных богословских взглядов / Пер. с лат. И. Эдомского. Воронеж, 1996. С. 25.

¹¹ Об этом см.: Сакулин П.Н. Из истории русского идеализма: Князь В.Ф. Одоевский. Мыслитель. Писатель. Т. I. Ч. I. М.: М. и С. Сабашниковы, 1913. С. 395–397.

¹² По справке Э. Марц, «первые переводы из Сведенборга появились на русском языке около 1780 года, когда Н.Ф. Малышкин, судья в городе Ярославле, завершил свое переложение “Рая и Ада”; текст его так и остался в рукописи, хотя заглавие на титульном листе, выполненное типографским шрифтом, свидетельствует, что книга была предназначена для печати» (Марц Э. Влияние Сведенборга в России. С. 21).

¹³ Сведенборг Э. О Небесах, о Мире духов и об Аде. Мудрость Ангельская о Божественной Любви и Божественной Мудрости / Пер. А.Н. Аксакова. М.; СПб., 2003. С. 63–64.

Данную схему Сведенборг переносит и в область антропологических представлений. По утверждению шведского мыслителя, земной человек в своем развитии проходит три основных степени: от *натуральной*, присущей ему от рождения и характеризующейся господством плотских инстинктов, — к *рациональной*, наступающей при появлении у него разума и совести, и через нее — к *духовной*, которая открывается лишь после смерти. Состояние последней, духовной степени определяет окончательную перспективу его посмертного существования: «Как только люди после смерти являются в мир духов, так Господь с точностью распределяет их: злые тотчас присоединяются к тому адскому обществу, в котором по господствующей любви своей находились, живя еще в миру, а добрые тотчас присоединяются к тому небесному обществу, к которому принадлежали мирской жизнью своей по любви, благостыне и вере». ¹⁴ При этом посмертная участь человека рассматривается как результат его свободного волеизъявления в жизни земной, а воля, по мнению Сведенборга, — это и есть мера человеческой любви.

Казалось бы, все вышесказанное вполне согласуется с основными постулатами канонической христианской экзегетики, однако сами представления Сведенборга о Божественной сущности и Небесной иерархии существенно расходятся с ортодоксальным их толкованием, на чем шведский мыслитель принципиально настаивает в своих сочинениях, ссылаясь на собственный мистический опыт: «Христианскому миру совершенно не известно, что небеса и ад образуются *из рода человеческого* (выделено мной. — Д. Л.). Обыкновенно думают, что сначала были сотворены ангелы и что из них образовались небеса; что дьявол, или сатана, был прежде ангелом света, который за возмущение был вместе с полчищем своим низвергнут, и что таким образом образовался ад. Ангелы крайне дивились таким верованиям в христианском мире <...>. Они возрадовались сердцем, что благоугодно было Господу открыть ныне христианам многие истины о небесах и об аде и тем

---

¹⁴ Там же. С. 263.

по возможности рассеять мрак, который с каждым днем возрастает, ибо церковь пришла к концу». ¹⁵

Согласно учению Сведенборга, все в небесном (а равно и в inferнальном) мире имеет человеческую природу, которая представляет собой последнюю, высшую степень порядка, предустановленного Божественной мудростью. В этой связи земная жизнь человека предстает не только как результат постепенного восхождения от низших («природных» и «временных») форм существования к высшим («внутренним»), но и как залог окончательного «введения в мир Небесный», т.е. полного соединения с Богом. Исходя из этого, мыслитель настойчиво подчеркивает: «Никакой ангел и никакой дух не был сотворен непосредственно, но что все родились сперва человеками и таким образом были введены <...>. Человек сначала облекается в самые грубые элементы природы (*sed homo primum induit crassiora naturae*), тело его состоит из них, но смертью он совлекает их и удерживает чистейшие элементы природы, ближайšie к духовным, и эти элементы суть тогда их вместилище». ¹⁶ Таким образом, ступени духовного восхождения представляются Сведенборгу в следующем порядке: человек — дух — ангел.

Думается, что именно тезис о перспективе посмертного соединения с Богом и обретения им определенного статуса в Небесной иерархии более всего привлек Державина, который к моменту знакомства с трудами Сведенборга пребывал в напряженных размышлениях об итогах земного поприща. Следует вспомнить, что на вторую половину 1800-х годов вообще приходится рост его интереса к современной философской и богословской мысли. В этот период Державин увлеченно работает над сокращенным изложением философских систем Ф. Бэкона и И. Канта; в связи с подготовкой «Рассуждения о лирической поэзии» пристально вчитывается в

---

¹⁵ Там же. С.179.

¹⁶ Сведенборг Э. Мудрость Ангельская о Божественной Любви и Божественной Мудрости; Мудрость Ангельская о Божественном Провидении / Пер. с лат. В. Клиновского. Львов; М., 1999. С. 529.

труды И. Гердера и Дж. Брауна; в его личной библиотеке имеются сочинения Иоанна Златоуста, Флавиана, о. Амвросия (Протасова), о. Филарета (Амфитеатрова) и др.¹⁷ Наряду с этим наблюдается усиление творческой активности Державина-лирика и — в особенности — в области духовной поэзии. Глубоко переживающий «несправедливость» отставки и ищущий ее объяснения и утешения в текстах Священного Писания, поэт в период с 1804 по 1809 годы перелагает восемь псалмов, предваряя их красноречивыми заглавиями («Утешение добрым», «Надежда на Бога», «Сетование», «Воцарение правды» и т. п.), и создает ряд оригинальных стихотворений («Время», «Облако», «Гром» и др.), где лейтмотивом проходит мысль о том, что страдания праведника неизменно будут учтены и вознаграждены Господом. Вместе с тем ощущение неумолимо надвигающейся старости и мысли о близости смерти время от времени проступают в частной переписке Державина: «Долго ли то нам на сем свете помаячить?» (В.В. Капнисту от 3 янв. 1804 года; VI, 145); «...положите надежду вашу на Промысл Божий, оканчивайте свой век с подлежащею честью» (П.А. Гасвицкому от 21 янв. 1807 года; VI, 183) и т. п.

Но еще ранее поэт задается вопросом о возможности бессмертия. Так, в его лирике 1790-х годов нередко звучит мысль о том, что залог бессмертия человека — в плодах его созидательной жизнедеятельности, и хотя сама категория «бессмертия» поначалу воспринимается им метафорически, это постепенно приводит Державина к горацианской идее «поэтического бессмертия» и становится его программным творческим тезисом («Памятник», «Урна», «Тишина», «Лебедь» и др.).

Однако постепенно метафора уступает место буквальному представлению о бессмертии, близком его христианскому толкованию. Все более настойчиво звучит голос поэта, утверждающего, что подлинно добродетельная жизнь — это и есть жизнь «в Боге», которая является

---

¹⁷ См.: Морозова Н.П., Шаталина Н.Н., Егоров С.К. Материалы к описанию библиотеки Г.Р. Державина // XVIII век: Сб. 22. СПб., 2002. С. 235–287.

необходимым условием блаженного посмертного существования. Особенно отчетливо эта мысль звучит в оде «Бессмертие души» (1797) благодаря сочетанию высокого эмоционального накала лирической проповеди с вескими рациональными доводами богословского содержания. Именно сам факт наличия души («духа») толкуется поэтом как свидетельство Божественного начала в человеке, что открывает перед ним неограниченные возможности при жизни и гарантирует ее вечное продолжение после смерти:

Сей дух и в узах не боится
Тиранам правду говорить:
Чего бессмертному страшиться?
Он будет и за гробом жить.

(II, 6)

По мнению автора, Божественная природа души является источником всех нравственных устремлений человека, позволяет ему преодолевать любые жизненные невзгоды и выступает залогом бесстрашия перед лицом смерти.

И вот как раз в период напряженных размышлений о смерти и бессмертии, во многом инспирированных личными жизненными обстоятельствами, Державин знакомится с сочинениями шведского богослова, которые не просто оказываются созвучными его представлениям, но и невольно становятся существенным стимулом его религиозно-мировоззренческого оптимизма. В связи с отсутствием достоверных источников трудно сказать наверняка, через кого именно в своем окружении Державин познакомился с работами Сведенборга, через посредство каких переводов это произошло. Все это еще предстоит выяснить. Но об одном можно говорить с определенной долей уверенности: в распоряжении Державина был полный текст (вероятно, в немецком переводе) наиболее известного трактата Сведенборга «О Небесах, о Мире духов и об Аде»

(1758). Об этом свидетельствуют достаточно близкие к оригиналу авторские пометы в «Объяснениях на сочинения Державина».

Так, мотивируя восклицание «Прав ты, прав ты, Шведенбург!» (II, 681), неожиданно следующее за описанием балетного действия уже в первой строфе стихотворения «На балет Зефир и Флора», Державин поясняет: «Шведенбург в своих сочинениях описывает ангельские иерархии подобно как города, где дома и сады, в коих духи живут и забавляются» (III, 722). Этому есть прямые соответствия в сочинении Сведенборга «О Небесах...»: «Так как на небесах есть общества и ангелы живут там, как люди, то у них есть и жилища, которые также различны по состоянию жизни каждого: великолепны у тех, которые в высшем состоянии, и менее великолепны у тех, которые в низшем. <...> Это совершенно такие же дома, как и у нас на земле, но гораздо красивее; в них много различных комнат, отдельных покоев и почивален, а вокруг дворы с цветниками, садами и полями. Там, где ангелы живут вместе, целым обществом, жилища их смежны, одно возле другого, и расположены в виде города, с площадями, улицами и рынками, совершенно так, как и в наших городах».¹⁸

А в комментарии к пятому и шестому стихам третьей строфы «Душ невинных разговоры / Как гармония вокруг» (II, 682) Державин уточняет: «Он (Сведенборг. — *Д. Л.*) говорит, что ангельские разговоры слышатся как тихая гармония музыки» (III, 722), — по всей видимости, имея в виду следующие замечания шведского богослова: «Речь ангелов небесных подобна тихому течению, мягка и как бы непрерывна, <...> в речи небесных ангелов часто звучат гласные <...>. Гласные не принадлежат языку, но ими как звуками слова возвышаются для выражения различных чувств, смотря по состоянию каждого. <...> Так точно и в музыке: предмет высокий выражается звуками торжественными, а когда предмет обыкновенный, то и звуки другие; вот почему разного рода чувства могут быть выражены

---

¹⁸ Сведенборг Э. О Небесах, о Мире духов и об Аде. Мудрость Ангельская о Божественной Любви и Божественной Мудрости. С. 103, 105.

посредством музыки. В ангельской речи есть какая-то согласность (гармония, *concentus*), которую невозможно передать словами». ¹⁹

Как видно из приведенных отрывков, державинский комментарий к стихотворению «На балет Зефир и Флора» предстает как предельно лаконичные, косвенные цитаты фрагментов работы Сведенборга «О Небесах, о Мире духов и об Аде», что само по себе свидетельствует о близком знакомстве с текстом этого сочинения и повышенном интересе к идеям шведского мыслителя. Образы балетной постановки Дидло ассоциативно подтвердили почерпнутые у Сведенборга мысли поэта о том, что искусство есть земная форма *соответствия* божественно предустановленной модели совершенного бытия, которая служит человеку напоминанием о его небесной родине, в связи с чем поэт восклицает: «Ах, коль ложно это чувство, / Не творило б див искусство» (II, 682).

Но не менее важны для Державина мысли о Божественной сущности человека и о том, что его Божественная потенция будет в полной мере реализована за пределами земного круга:

Не могли б мы возвышаться
И к понятию духов,
Их блаженством утешаться
На земли, средь облаков;
Днесь их разность в том лишь с нами,
Что наш связан с телом дух:
Будем, будем мы богами!
Прав ты, прав ты, Шведенбург!

(II, 682)

Есть все основания предположить, что Державина в богословских построениях Сведенборга прежде всего привлекли антропоцентрические

---

¹⁹ Там же. С. 131–132.

акценты его учения, главный тезис которого — вочеловеченный Бог. В трактате «Мудрость Ангельская о Божественной Любви и Божественной Мудрости» шведский мыслитель пишет: «Бог есть самый Человек (ipse Homo). Ни в каком Небе нет другой идеи о Боге, кроме как о Человеке; и это потому что Небо, как в целом, так и в каждой части, пребывает в такой же форме, как Человек». ²⁰ Эти мысли, рассредоточенные в разных сочинениях Сведенборга, не могли не найти отклик в сознании русского поэта, который, по его словам, ориентируясь «на богословское православной нашей веры понятие» (III, 593), мог воспринимать сведенборгианское учение как своего рода квинтэссенцию самой сути христианства. Думается, что не без участия идей Сведенборга Державин вплотную подошел к важнейшему пункту христианской идеологии — идее Богочеловечества, со всей полнотой выраженной им в оде «Христос» (1814) и ставшей впоследствии краеугольным камнем русской религиозной философии конца XIX — начала XX веков в лице Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова и др.

---

²⁰ Там же. С. 406.

О портрете Дарьи Алексеевны Державиной
из собрания Литературного музея Пушкинского Дома

В собрании Литературного музея Пушкинского Дома хранится акварельный портрет Дарьи Алексеевны Державиной, запечатлевший хозяйку дома на Фонтанке в пожилых годах, в домашнем платье и кружевном чепце, сидящей в покойном, «дедушкином», кресле. Портрет тонко передает обаяние личности, живой взгляд и следы былой красоты. Справа внизу — подпись художника и дата: «Житневъ. 1842».

Акварель поступила в Пушкинский Дом в составе собрания К.Я. Грога в 1916 году одновременно с акварельным портретом Г.Р. Державина в халате и белом колпаке (копия неизвестного художника с работы А.А. Васильевского 1815 года) и с изображением погребального шествия с телом Г.Р. Державина по Волхову (П.А. Кожевников; 1816)

Имя Евгения Петровича Житнева ¹ (1809?1811? — 24 апреля 1860, Петербург), миниатюриста, акварелиста, литографа, сегодня упоминается нечасто. Он был почти забыт уже к началу XX века. В 1917 году в Петрограде была организована его персональная выставка. Известный художественный критик А.А. Ростиславов так анонсировал это событие: «В библиотеке Академии художеств в день освящения зала имени гр. И.И. Толстого ² была открыта выставка работ академика Е.П. Житнева (1809–1860), портретиста-миниатюриста школы К. и А. Брюлловых и

---

¹ У Е. Тевяшова и Д. Ровинского — Евгений Иванович. См.: Описание нескольких гравюр и литографий / Сост. по своему собранию Е.Н. Тевяшов. М., 2003. С. 97 (перезд. оригинала: СПб., 1903); Ровинский Д.А. Подробный словарь русских гравированных портретов. СПб., 1889. Т. IV. Стб. 668.

² Толстой Иван Иванович (1858–1916) — граф, государственный деятель, нумизмат и археолог. В 1889 году был назначен конференц-секретарем Императорской Академии художеств, а в 1893 году — ее вице-президентом. Принимал деятельное участие в

П. Соколова. Работы не равного характера. Принадлежащие частью Академии художеств, частью коллекционерам, привлекательны старинной тщательностью и добросовестностью выполнения».³

Отчет о выставке «малоизвестного художника 40-х — 50-х гг.» поместил на своих страницах «журнал красивой жизни» «Столица и усадьба»,⁴ отметивший, что ее инициатор, «культурный и тонкий любитель старины Ф.Г. Беренштам»⁵ собрал архивные сведения о художнике. Именно Федор Густавович Беренштам впервые высказал предположение о происхождении Житнева из «вольноотпущенных», прочтя старательно вымаранное слово в черновике аттестата Житнева в Академии художеств за 1835 год. Им же впервые была выстроена биография художника. В свое время, отмечает автор статьи О. Базанкур,⁶ Житнев был небезызвестен и даже популярен, но модным художником не стал: его модели — чиновничий и помещичий средний круг 1830–1840-х годов.

И сегодня биографические сведения о Е.П. Житневе довольно скудны. В 1830-е годы Академия художеств предоставила желающим более широкую возможность пользоваться своими классами. С 1831 года Житнев становится вольноприходящим учеником Академии и пенсионером Императорского общества поощрения художеств. Живописи он учился у А.Г. Венецианова: с 1831 года он значится живущим на квартире художника, но вскоре расстается со своим первым учителем.⁷ Е.Н. Петрова не исключает, что Житнев пользовался и советами О.А. Кипренского в бытность последнего в

составлении нового устава Академии и в коренном ее преобразовании. Способствовал основанию и устройству Русского музея в Петербурге.

³ Аполлон. 1917. № 6–7. С. 87.

⁴ Столица и усадьба. 1917. № 89–90. С. 10–11.

⁵ Беренштам Федор Густавович (1862–1937) — действительный член Академии художеств, архитектор, член Петербургского общества архитекторов, после революции — член правления Ленинградского общества архитекторов (1920-е), первый хранитель петергофских дворцов-музеев (1918–1924).

⁶ Базанкур-Штейнфельд (урожд. Гудкова) Ольга Георгиевна (1871 — около 1942), искусствовед, писательница.

⁷ См.: Алексеева Т.В. Художники школы Венецианова. Изд. 2-е. М., 1982. С. 196.

Петербурге в 1823–1828 годах.⁸ В письме к графу Д.Н. Шереметеву в конце 1850-х годов Житнев называет себя «учеником нашего незабвенного профессора Ореста Адамовича Кипренского», предлагая графу купить «прекрасной работы его женскую головку Солодовниковой <...> в дополнение работы его <...> в галерею свою».⁹

Одновременно с обучением живописи у Венецианова Житнев учился у А. Сандомури¹⁰ искусству литографии. Уже в 1830 году «Литературная газета» напечатала заметку художника и переводчика, почетного вольного общника Академии художеств Валериана Платоновича Лангера о новых эстампах: «Недавно отпечатаны в Литографии Г. Гельбаха,¹¹ одной из лучших в Петербурге, три рисунка, сделанные с картин Кипренского, под смотрением г. *Сандомури*, давно известного публике по прекрасным произведениям своим на камне, его учениками: Житневым и Безлюдным.

Два из сих рисунков, изображающих *Цыганку* и *бедную девочку*,¹² охотники до изящного необходимо должны, кажется, купить вместе для того, чтобы, сравнивая их между собою, с большим удовольствием чувствовать прелесть кисти Кипренского и удобнее понять, с каким искусством и гением умел сей художник выразить два совершенно противоположные характера».¹³ Они, заключает В.П. Лангер, «нарисованы прекрасно и делают честь мастерской г. Сандомури».¹⁴

---

⁸ См.: Орест Кипренский. Переписка. Документы. Свидетельства современников / Сост., текстологич. подгот., вступ. статьи и комментарии Я.В. Брука, Е.Н. Петровой. СПб., 1994. С. 712.

⁹ РГИА, ф. 1088, оп. 1, № 612, л. 51. Цит. по: Орест Кипренский. Переписка. Документы. Свидетельства современников. С. 712.

¹⁰ Сандомури Александр Иванович (1795–1833) — рисовальщик и литограф. По происхождению грек. С 1803 года учился в Академии художеств в классе исторической живописи. Окончил ее в 1822 (по другим сведениям, в 1818) году. С 1824 года работал по заказам Императорского общества поощрения художеств.

¹¹ Современный адрес: Садовая ул., д. 38.

¹² Литография Е.П. Житнева «Бедная Лиза» с оригинала О.А. Кипренского

¹³ Цит. по: Орест Кипренский. Переписка. Документы. Свидетельства современников. С. 457.

¹⁴ Цит. по: Там же. С. 458.

Впервые имя Евгения Житнева появляется в «Списке всем находившимся на Выставке Академии художеств живописным, скульптурным, архитектурным и проч<им> работам, во время открытия Академии в 1833 году». ¹⁵

В 1834 году «посторонний» Житнев был удостоен «по третнему экзамену, бывшему 14 апреля 1834 года, к получению серебряной медали». ¹⁶

В 1835 году он получил звание «неклассного» (свободного) художника.

В 1839 году «определено: художника Евгения Житнева по известным Академии отличным трудам его по части портретной, миниатюрной и акварельной живописи признать *назначенным* академиком и в свое время задать программу на звание действительного академика». ¹⁷

В наполненном «обаятельными в своей искренности и романтизме» рисунками альбоме Житнева, который был представлен на выставке 1917 года и тогда же описан О.Г. Базанкур в журнале «Столица и усадьба», ¹⁸ сохранилось восторженное четверостишие анонимного, но преданного почитателя:

Рука Ничтожного украсит ли альбом,
В котором основал свое жилище гений?
Не требуй похвалы, я бью тебе челом,
Мой Академик, мой Евгений!

26 сент. 1839 г.

Н. Ч. ¹⁹

---

¹⁵ Издано: [СПб., 183?]. См.: № 456, 457.

¹⁶ Сб. материалов для истории Императорской Санкт-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования / Изд. под ред. П.Н. Петрова. СПб., 1865. Т. 2. С. 318.

¹⁷ Там же. С. 388.

¹⁸ См.: Базанкур О. Е.П. Житнев // Столица и усадьба. 1917. № 89–90. С. 10–11.

¹⁹ Там же. С. 11.

В 1842 году на выставке Академии художеств Житневым были представлены пять портретов, в том числе актеров Александринского театра В.В. и Н.В. Самойловых.

В 1845 году назначенный в академики художник Евгений Житнев «просит о задаче ему программы на звание академика живописи миниатюрной акварельной <...>». ²⁰ Было определено: «Житневу задать программу на звание академика написать портрет Г. Доктор<a> Медицины и хирургии профессора И.В. Буяльского». ²¹

В 1852 году Житнев вновь ходатайствует о задании ему программы «на получение звания академика по живописи портретной акварельной». На этот раз ему поручается написать с натуры портрет почетного вольного общника Академии А.И. Струговщикова. ²²

Наконец, 10 июля 1856 года, рассмотрев представленные ректором Федором Антоновичем Бруни «акварельные портреты, исполненные назначенным в академики художником Евгением Житневым и во внимание к искусству и познаниям его в живописи, доказанным как представленными работами, так и другими известными Академии его трудами, равно и за образование хороших художников», совет Академии принял решение возвести Е.П. Житнева «в звание академика живописи портретной акварельной». ²³

Сегодня акварели, миниатюры, литографии Житнева хранятся в собраниях ГРМ и ГТГ, ГИМ и других музеях. ²⁴

В Литературном музее Пушкинского Дома имеется еще один акварельный портрет, подписанный «Житневъ». На нем изображена

---

²⁰ Сб. материалов для истории Императорской Санкт-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования. СПб., 1866. Т. 3. С. 33.

²¹ Там же. Миниатюрный портрет Буяльского был представлен Житневым на выставке Академии художеств в 1852 году.

²² См.: Там же. С. 199.

²³ Там же. С. 266.

²⁴ Т.В. Алексеева приводит список из 34 работ Житнева, большая часть которых, по-видимому, была передана из Музея Академии художеств в ГРМ (см.: Алексеева Т.В. Художники школы Венецианова. Изд. 2-е. С. 355–356).

неизвестная женщина в синем платье с пышными рукавами и белым глухим воротником из двойного рюша, в черном меховом боа, с гладкой прической на прямой пробор. Портрет относится к ранним поступлениям в Пушкинский Дом и может быть датирован 1830-ми годами. На обороте старинного паспарту сделана карандашом надпись: «Из Пуштинской коллекции».

Вернемся к портрету Д.А. Державиной. Каким образом был с ней связан Житнев? Как и у кого могла возникнуть идея ее портрета, написанного в год ее кончины? В лице Дарьи Алексеевны нет ни малейших признаков болезни, нет мысли о близости смерти. Это спокойное светлое лицо весьма привлекательной когда-то темноволосой женщины, с живыми глазами и легкой улыбкой, но покрытое сетью мелких морщинок. В нем очевидно явное сходство с молодым лицом на портрете В.Л. Боровиковского 1813 года. Указаний на существование какого-либо портрета, к которому восходит работа Житнева, не существует.

Однако в собрании Литературного музея Пушкинского Дома хранятся еще три портрета Д.А. Державиной, являющиеся вариантами одного изображения. Один из них, по-видимому самый ранний, подписан «Cinder 1839». Атрибутировать эту работу известному художнику А.И. Клюндеру (Клиндеру) не представляется возможным: ни подпись, ни манера исполнения не имеют ничего общего с подписью и манерой этого мастера. Дарья Алексеевна изображена на нейтральном сероватом фоне, по пояс, в сиреновом платье и белом батистовом чепце с кружевными оборками. Композиция и даже покрой платья схожи с изображением на портрете работы Житнева, однако отсутствует кресло, у портретируемой другой чепец, но, самое главное, — совершенно иное лицо: холодный взгляд, полное отсутствие морщинок на гладкой коже, однако же седые волосы, улыбка еле намечена. Овал лица более широкий, чем на портретах Боровиковского и Житнева. Акварель была приобретена Пушкинским Домом у Е.Б. Барсуковой

в 1926 году. На обороте надпись: «Дарья Александровна Державина, урожденная Львова. Жена Гавриила Романовича Державина, умерла въ 1842 году. Похоронена въ Хутынскомъ Монастырь». Ошибки писавшего, изменившего отчество и девичью фамилию изображенной, указывают на то, что он или она не были близки и даже не были знакомы с Дарьей Алексеевной или ее ближайшим окружением.

Этот же тип повторен в двух других изображениях. На акварели, подаренной Пушкинскому Дому А.Ф. Аккерманом в 1912 году (шифр: ПД–И–562), у Дарьи Алексеевны темные, тронутые сединой волосы, но взгляд более тяжелый, пристальный, губы поджаты; ее синее платье и белый чепец того же покроя, что и на портрете работы Клиндера.

Наконец, изображение на сепии, поступившей в дар от А.И. Малеина²⁵ в 1916 году (шифр: ПД–И–542), в основном схоже с портретом 1839 года.

Два последние портрета не подписаны и не датированы. Добавим, что они явно исполнены дилетантами.

Снова вернемся к портрету Д.А. Державиной. Каким образом мог быть связан с нею Е.П. Житнев? Пока выяснить это не удалось. Предложу рабочую гипотезу, сводящуюся к ряду вопросов и предположений.

31 августа 1835 года на заседании Императорской Российской академии президент А.С. Шишков внес принятое единогласно предложение об издании литографированных портретов всех членов Академии с приложением их краткого жизнеописания. В процессе дебатов Совет академии принял решение заказать портреты только покойных уже академиков. В случае если Академия не располагала портретом, решено было обратиться к родственникам.

Работы должны были выполнять три литографа — И.С. Щедровский,²⁶ М.А. Кашенцев²⁷ и А.М. Калашников²⁸ под смотрением Андрея Петровича

---

²⁵ Малеин Александр Иустинович (1869–1938) — филолог-классик, историк, член-корреспондент Петербургской Академии наук (1916), профессор.

Сапожникова.²⁹ Печатались портреты в рекомендованном Императорским обществом поощрения художеств литографском заведении Александра Мошарского, вплоть до закрытия Российской академии в 1841 году.

Единственное, никак не комментируемое в литературе исключение было сделано для Е.П. Житнева: им был исполнен портрет князя А.Б. Куракина, «притом два раза и не одинаково удачно» (1836).³⁰

В Академии на момент создания серии имелся портрет Державина работы В.Л. Боровиковского 1812 года, на котором поэт был изображен в сенаторском мундире.³¹ Однако оригиналом для литографии к изданию Российской академии послужил живописный портрет С. Тончи 1801 года.³² Она была «весьма посредственно» исполнена в 1836 году

А.М. Калашниковым. По сведениям Я.К. Грота, этот портрет до смерти Дарьи Алексеевны находился в доме Державина, после ее кончины перешел в собственность Александра Николаевича Львова, у вдовы которого Натальи

---

²⁶ Щедровский Игнатий Степанович (1815–1870/71) — рисовальщик и литограф, живописец. Работал в традициях венециановской школы. Изображал сцены русского народного городского быта. Принимал участие в издании литографированных портретов Российской академии, и рисунки его были одобрены Академическим советом.

²⁷ Кашенцев Михаил Андреевич (?–1838) — живописец, один из первых учеников Московского художественного класса, от которого был прислан в 1835 году в Петербург для «усовершенствования в портретной живописи». Воспитанник Императорского общества поощрения художеств. В 1837 году получил звание свободного художника.

²⁸ Калашников Александр Михайлович (1772/1776–?) — живописец, гравер. С 1782 по 1797 годы учился в Академии художеств. После выпуска был определен гравером в Депо карт при Главном штабе, в 1830-х — начале 1840-х годов работал по заказам Императорского общества поощрения художеств.

²⁹ См.: Модзалевский Б.Л. Литографированные портреты членов Российской академии // Сорок шесть литографированных портретов членов Императорской Российской Академии / С ист. справкой Б.Л. Модзалевского. СПб., 1911. С. 8.

Сапожник Андрей Петрович (1795–1855) — живописец-любитель. От Императорского общества поощрения художников, в котором Сапожник состоял одним из деятельнейших членов, ему был поручен надзор над пенсионерами этого учреждения. За эти заслуги в 1830 году Академия художеств признала его «почетным вольным общником».

³⁰ Модзалевский Б.Л. Литографированные портреты членов Российской академии. С. 8.

³¹ Одна копия с этого портрета была подарена поэтом в Российскую академию (перешла в Академию наук), другая — в Казанское общество любителей отечественной словесности. После смерти Д.А. Державиной оригинал перешел к Елизавете Николаевне Львовой.

³² Сегодня — в ГТГ.

Николаевны, рожденной Мордвиновой, Я.К. Грот видел его в Москве в 1860-е годы. Портрет послужил типом для множества поясных портретов Державина, писанных маслом: два таких портрета, один из которых был подписан Никифором Прасоловым и датирован 20 февраля 1809 года, Я.К. Грот видел в казанском имении Астраханка у Александра Петровича Миллера;³³ третий такой же портрет Я.К. Грот «имел в руках» от А.П. Воейкова, жившего в Тамбовской губернии.³⁴

По всей видимости, для создания литографированного портрета Г.Р. Державина все же был избран портрет, не покидавший стен дома на Фонтанке, для чего, несомненно, Академия адресовалась к вдове. Возможно, именно в это время Е.П. Житнев, оказавшись в числе исполнителей литографий, мог посетить дом вдовы поэта и в год ее смерти по памяти исполнить ее портрет.

В то же время акварель Житнева по композиции и деталям костюма столь близка к портрету, датированному 1839 годом, что нельзя исключить знакомство автора с работой неизвестного нам Клиндера или с одним из двух других портретов Д.А. Державиной того же типа.

В завещании Дарьи Алексеевны, составленном в 1839 году,³⁵ портрет Житнева, естественно, не упомянут. Не указан он и Я.К. Гротом в списке портретов Д.А. Державиной, приложенном к 9-му тому изданных им сочинений Державина.³⁶ По-видимому, акварель Житнева попала к нему позже и в 1918 году в числе других материалов была передана его сыном в Пушкинский Дом.

---

³³ См.: Соч. Державина с объяснит. примеч. Я. Грота. СПб., 1883. Т. 9. С. 560.

³⁴ Там же.

³⁵ См.: Дзюбанов С.Д. Завещанье Дарьи Алексеевны Державиной // Г.Р. Державин и его время: Сб. науч. тр. СПб., 2005. Вып. 2. С. 199–231.

³⁶ См.: Соч. Державина с объяснит. примеч. Я. Грота. Т. 9. С. 561.

Директор Императорских театров
князь Петр Иванович Тюфякин

Есть русская поговорка: кто как живет, тот так и умирает. В последние минуты жизни человек обращается душой к самому главному. В эти моменты выявляется его подлинная сущность. Главным в жизни действительного камергера, гофмейстера Высочайшего Двора, бывшего директора Императорских театров, командора ордена св. Иоанна Иерусалимского и кавалера князя Петра Ивановича Тюфякина (1769–1845), конечно же, был театр. Будучи уже в преклонном возрасте и находясь на смертном одре, князь поинтересовался, танцует ли в тот вечер в спектакле балерина Плонкет. Эти слова оказались последними в его жизни. Любовь к театру была настоящей страстью Тюфякина, которая не остывала до самой смерти князя.

Последний в своем роду, князь Петр Иванович Тюфякин не был избалован вниманием биографов. В энциклопедии Брокгауза и Ефрона нет посвященной ему статьи; статья А.М. Брянского, подготовленная для «Русского биографического словаря», так и не увидела света: ¹ современные издатели дополнительного тома «Русского биографического словаря» не посчитали нужным включить в него статью о Тюфякине. И даже в «Театральной энциклопедии» нет отдельной статьи, посвященной ему. Более или менее цельной биографией князя можно считать лишь работу П. Россиева «Последний князь Тюфякин». ² В то же время отдельные сведения о его жизни приводятся историками театра, встречаются и упоминания о Тюфякине в мемуарной литературе, среди которых наиболее значительными представляются записки Р.М. Зотова и П.А. Каратыгина.

---

¹ См.: РНБ, ф. 1324, оп. 1, № 6, л. 62–63.

² См.: Россиев П.А. Последний князь Тюфякин: (Театральный силуэт) // Ежегодник Императорских театров. 1913. № 6. С. 120–134.

Даже в современной петербургской журналистике обнаружилось упоминание о нем.³ Из современных исследований отметим работы А.А. Ковзуна,⁴ одна из которых печатается в настоящем сборнике. Настоящая публикация является попыткой свести воедино известные факты из жизни князя и пересмотреть «свежим взглядом» данные ему ранее характеристики.

Князь Петр Иванович Тюфякин принадлежал к древнему княжескому роду, отрасли князей Оболенских, восходящему к легендарному Рюрику. Предком Тюфякиных был князь Михаил Всеволодович Черниговский, потомок которого князь Василий Борисович Оболенский (20-е колено от Рюрика), живший в первой половине XVI века, имел прозвище Тюфяка. Его потомки именовались уже князьями Тюфякиными.

Отец Петра Ивановича князь Иван Петрович Тюфякин (1740–1804) был сыном нигде не служившего по болезни князя Петра Федоровича (1704–?). Карьера Ивана Петровича традиционно для дворян начиналась с военной службы,⁵ а в 1769 году, когда родился герой нашего рассказа и его единственный сын Петр Иванович, он служил прокурором в Канцелярии от строения государственных дорог. Последующая карьера Ивана Петровича была придворной: камер-юнкер с 24 ноября 1773 года, с 28 августа 1783 года действительный камергер, состоял в Москве при дворцах и садах.⁶ 2 сентября 1793 года он был произведен в тайные советники, а в 1797 году состоял при гоф-интендантском ведомстве командиром московских дворцов

---

³ См.: Иванов А. Каково житье, таково и смерть // Санкт-Петербургские ведомости. 2002. 14 сент.

⁴ См.: Ковзун А.А. 1) Неизвестный документ о воспитании юного князя П.И. Тюфякина // Рождественский сборник. Ковров, 2002. Вып. IX: Материалы конференции «История в лицах» (выдающиеся уроженцы и деятели Владимирского края). С. 11–19; 2) О материнских имениях князя П.И. Тюфякина // Стародубский сборник. Ковров, 2005. Вып. 1. С. 83–89; 3) Страница из истории дворянского быта Владимирской губернии XVIII века. Движимое имущество князя П.И. Тюфякина, полученное им от матери в 1788 году // Наст. изд. С. 00–00.

⁵ В службу вступил в 1757 году в лейб-гвардии Конный полк. В 1762 году произведен в генерал-адъютанты подполковничьего чина. 19 октября 1767 года переведен в пехотные полки в чине подполковника, а 28 апреля 1768 года назначен прокурором в Канцелярию от строений государственных дорог.

⁶ См.: РГИА, ф. 1343, оп. 46, № 809, л. 9–10.

и садов. В апреле 1797 года И.П. Тюфякин участвовал в подготовке коронации Павла I и «несколько ночей употребил на то, чтобы выдумать лучшего фасона стаканчики для освещения городских стен, башен и всего Кремля». ⁷ 30 апреля 1799 года был отставлен от службы Павлом I, но вскоре после воцарения Александра I был восстановлен, 15 сентября 1801 года произведен в действительные тайные советники, а 18 декабря 1801 года был издан указ «О поручении в ведение тайного советника Тюфякина дворцовых садов в Москве» (с жалованьем 4000 рублей в год). 23 июля 1802 года высочайшим указом ему было поручено сделать «аллеи посреди Невской перспективы» в Петербурге. ⁸ Что касается недвижимости, которой владел князь, то тут еще много неясного. Сам он в 1777 году официально заявлял: «...я собственного имения и доходов иных не имею, кроме единого по чину моего жалованья, из которого сам с великою нуждою себя едва содержать бедно могу <...>». Это его заявление едва ли соответствовало действительности, поскольку в это же время за камер-юнкером князем И.П. Тюфякиным состояли по окладным книгам 384 души в сельце Ивановском, Частые Колодези тож, Крапивенского уезда Тульской губернии, ⁹ которыми он владел совместно с племянницей Варварой Шишкиной (урожденной Тюфякиной), а также 173 души совместного владения с сестрой в с. Протасово Одоевского уезда той же губернии. ¹⁰ По данным формулярного списка 1797 года, за ним числилась 61 душа в сельце Сандырево Звенигородской округи Московской губернии.

Матерью князя Петра Ивановича была княгиня Мария Александровна Тюфякина (28 ноября 1749 — 29 января 1804), урожденная княжна Долгорукова. К 1759 году она владела совместно с двумя сестрами доставшимся от матери домом в Москве в приходе церкви великомученика Никиты в Старой Басманной Ивановского сорока. В 1787 году за ней был

---

⁷ Долгоруков И.М., князь. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни <...>. СПб., 2004. Т. 1. С. 461. (Серия «Лит. памятники»).

⁸ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. XXVII. С. 200.

⁹ См.: РГИА, ф. 558, оп. 2, № 289, л. 60.

¹⁰ См.: Там же, № 287, л. 103.

еще один дом в Москве — в Земляном Городе, в 7-й части, в приходе Иоанна Предтечи, что в Казенной, а также огромное поместье в 1494 души (при с. Лежнево с с. Смердовом с деревнями) в Суздальском уезде Владимирской губернии и, кроме того, 548 душ (при с. Трубино с деревнями) в Малоярославецком уезде Калужской губернии и 28 душ (при с. Дуденево) в Нижегородском уезде. В 1804 году за ней было утверждены 2278 десятин земли при с. Шапкино Борисоглебского уезда Тамбовской губернии, пожалованные предкам княгини еще в 1735 году.¹¹

В 1772 году Тюфякины проживали в Санкт-Петербурге в приходе церкви Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы. 20 июля малолетний князь Петр Иванович вместе с матерью был восприемником при крещении в этой церкви Гавриила, сына служителя своего отца Михаила Игнатьева.¹²

Двое из известных нам авторов указывали на дурную наследственность князя Петра Ивановича Тюфякина. Известный историк и генеалог князь П.В. Долгоруков при этом имел ввиду наследственность по мужской линии. Он даже выдвинул тезис о наследственной глупости князей Тюфякиных, особо выделяя это качество у Петра Ивановича: «...князя Тюфякины, род которых в 1845 году уже пресекался, в течение всего долгого существования этого семейства строго придерживались принципа не производить на свет людей, отличающихся умом, и отец последнего князя этой фамилии возвел сей принцип на небывалую высоту».¹³ Автор не пояснил, на основании чего он делал выводы об уме или глупости древних Тюфякиных; что же касается нашего героя князя Петра Ивановича, то, думается, что и в отношении него Долгоруков был излишне строг. Заметим, что, по-видимому, не вполне здравым рассудком, в отличие от последнего Тюфякина, обладала его троюродная сестра Варвара Владимировна Шишкина, урожденная Тюфякина. Родственник ее Павел Козлов писал московскому губернатору, что «по родству ему известны поступки Шишкиной, коих он одобрить не

---

¹¹ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. XXVIII. С. 718.

¹² См.: ЦГИА СПб., ф.19, оп. 112, № 73, л. 268.

¹³ Долгоруков П.В. Записки князя Петра Долгорукова. СПб., 2007. С. 134.

может». Ближайшие ее родственники даже обратились с просьбой в Сенат отдать имения Шишкиной «по распутному ее поведению и расточению в опеку». ¹⁴

В отличие от князя П.В. Долгорукова П.А. Россиев полагал дурной наследственность Тюфякина по линии матери, Марии Александровны, урожденной княжны Долгоруковой: «Кто ее знает, какая! То ли действительно помешанная, то ли просто распутная княгиня передала сыну в более или менее совершенной степени телесные и духовные особенности своего организма, от которых последний князь Тюфякин уже никогда не мог освободиться». ¹⁵ О проблемах поведения княгини Тюфякиной можно судить по письму Екатерины II князю М.Н. Волконскому от 4 августа 1776 года: «Сама она (княгиня Марья Тюфякина. — С. Д.) просила, не будучи в состоянии управлять своим имением, чтоб определить к оному опекунов, и сама же, вопреки того, в другом прошении изъясняет, что первое у нее было вынуждено. Войдите в содержание оных и исследуйте против того ее, княгини Тюфякиной, поведение. Ежели в самом деле найдется, что она в уме помешана и что ее поступки развращают благонравие, в таком случае, дабы тем не быть в позор и в соблазн обществу, объявите вы наше повеление сенату, чтоб от оного определены были ко управлению ея имением опекуны, которые бы всякую пользу оного предохранили, не допуская до разорения по вредным иногда прихотям распутно живущей, чтоб из доходов оного давано было ей пристойное содержание, так, как и сыну ее, остающемуся на воспитании и на руках отцовских, и чтоб она, княгиня Тюфякина, благопристойности ради сама избрала себе жить в доме у которого-либо из своих родственников». ¹⁶ К имению были назначены опекуны, которые управляли им до совершеннолетия ее сына, а в 1788 году им стал управлять князь Петр Иванович Тюфякин с помощью отца, которого избрал себе попечителем. Из письма Екатерины II следует, что последний Тюфякин

---

¹⁴ РГИА, ф.1374, оп.1, № 305, л. 435.

¹⁵ Россиев П.А. Последний князь Тюфякин... С. 120.

¹⁶ Письма Екатерины II князю М.Н. Волконскому // Зритель. 1863. № 19. С. 593.

воспитывался без матери с самых малых лет. Как же отец справлялся с воспитанием сына?

Князь Иван Петрович Тюфякин стремился дать своему сыну достойное образование. Об этом свидетельствует документ «Исчисление, сколько нужно денег в год для обучения и содержания на теперешней осмилетней возраст князя Петра Тюфякина». А денег требовалось немало:

«[1] Главному учителю, знающему хорошо французской и немецкой языки, их красноречии, всеобщую историю, географию и генеалогию, денежного жалованья и с платьем четырехста рублей — 400.

[2] Учителю русского языка, хорошего почерку, правописания и слогу, сто двадцать рублей — 120.

[3] Учителю катехизиса православных нашей веры шестьдесят рублей — 60.

[4] Учителю первоначальных оснований математики сорок восемь рублей — 48.

[5] Учителю рисования сорок восемь рублей.

[6] Учителю танцевания сто двадцать рублей — 120.

[7] Дядке иностранцу, которой сверх наблюдения его здоровья и чистоты отправлял бы должность и камердинера, сто рублей — 100».¹⁷ И так далее, в общей сложности 2334 рублей 10 копеек. Опекуны сочли эту сумму завышенной как минимум вдвое. После вмешательства императрицы был достигнут компромисс — 1500 рублей. И кто знает, может быть, участие Екатерины II именно в этом разбирательстве стало судьбоносным для попавшего тогда в ее поле зрения последнего князя Тюфякина. Позднее, когда императрица подбирала совоспитанников для своего любимого внука Александра, выбор ее остановился, помимо князя А.Н. Голицына (1773–1844), на молодом Тюфякине. Екатерина считала Александра исключительным, гениальным ребенком, и он действительно опережал в

---

¹⁷ Цит. по электронной копии статьи в недоступном для нас провинциальном издании (см.: Ковзун А.А. Неизвестный документ о воспитании юного князя П.И. Тюфякина. С. 11–19), любезно предоставленной ее автором.

развитии сверстников, поэтому, видимо, совоспитанники его были подобраны на несколько лет старше.

Итак, Тюфякин получал блестящее воспитание, одновременно развивалась его служебная карьера. Р.М. Зотов, бывший долгое время секретарем Тюфякина, писал, что князь вообще нигде не служил вплоть до 1812 года. Формулярный список князя дает, однако, совершенно иные сведения: в службу вступил в лейб-гвардии Преображенский полк сержантом 1 января 1781 года. Переведен в Семеновский полк с тем же чином 20 сентября 1789 года. Прапорщик с 1 января 1790 года, подпоручик с 1 января 1791 года, адъютант — с 1 января 1793 года. По именному указу, данному придворной конторе, пожалован камер-юнкером 10 мая 1793 года. По именному Высочайшему указу пожалован к покойной Государыне Императрице Елизавете Алексеевне в бытность ее Великою княгинею камергером 7 марта 1798 года.¹⁸ Едва ли можно заподозрить Зотова в некомпетентности. Нетрудно догадаться, что вся эта служба была только на бумаге. Тюфякину вполне достаточно было лишь находиться при Александре, чтобы числиться на службе и прирастать чинами. Такой благоприятный ход событий прервал Павел I, отлучивший Тюфякина от Александра и отправивший князя, как и другого совоспитанника наследника престола князя Голицына, в Москву. Незадолго до того, по-видимому предчувствуя, что тучи над головой сына сгущаются, княгиня Марья Тюфякина решила подарить сыну фамильное командорство ордена св. Иоанна Иерусалимского. Она сожалела о своем былом поведении «по тогдашним обстоятельствам», возможно, чувствовала свою вину перед сыном, с раннего детства лишенным материнской ласки, и надеялась, что с получением командорства Тюфякину будет легче заслужить благорасположение государя. Она выдала сыну «верующее письмо» следующего содержания:

---

¹⁸ См.: РГИА, ф. 472, оп. 33, № 4, л. 6–11.

Князь Петр Иванович!

Известно вам, что недвижимое мое имение состоит во Владимирской и Калужской губерниях, которое прежде сего, вследствие именного Высочайшего повеления, последовавшего в 1776 году августа от 4 дня к бывшему в Москве главнокомандующему господину генерал-аншефу, сенатору и кавалеру князю Михайле Никитичу Волконскому, а от него по предложению, сделанному сообразно оному Высочайшему повелению правительствующему сенату, по моим тогдашним обстоятельствам отдано было в опекуновское управление с тем, что из доходов давано было мне и вам, оставшемуся на воспитании и на руках отцовских бывшему тогда еще малолетку, пристойное содержание. Почему от правительствующего сената определяемыми опекунами и управляемо оно было с наложенным на него запрещением до возраста вашего. А потом в 1788 году, когда вам было уже 19 лет, просили вы в правительствующем сенате о благоволении управлять тем имением вам с помощью вашего отца, а моего мужа действительного камергера (что ныне тайный советник и кавалер) князя Ивана Петровича Тюфякина, избрав себе его попечителем. Правительствующий сенат соответственно просьбе вашей предписал указами того ж 1788 года августа 1 дня Владимирскому и Калужскому губернским правлениям как об отрешении бывших тогда опекунов, так и об отдаче того имения в собственное ваше с помощью отца вашего ж управление. С того времени поныне посредством распоряжения вашего доставляются мне все спокойствии и выгоднейшее во всем с изобилием содержание. А как по высочайшему Его Императорского Величества учреждению, объявленному манифестом, последовавшим 29 ноября 1798 года о постановлении державного ордена святого Иоанна Иерусалимского, всемилоостивейше дозволено «отныне и навсегда всем, кто пожелает в Российской Империи установить фамильные командорства сего ордена и относиться о том прямо к поручику великого магистра для соглашения о взаимных условиях или для соображения акта таковых фамильных заведений, которой и внесен будет на рассмотрение и утверждение к Его Императорскому Величеству Великому Магистру, то я,

пользуясь сим всемилостивейшим от Его Императорского Величества соизволением и чувствуя горячность сыновней вашей ко мне любви, желаю от искренности души моей для собственного вашего блага составить вам по основанию вышепрописанного всевысочайшего учреждения фамильное командорство из показанного недвижимого моего имения, состоящего в Калужской губернии Тарусской округи в принадлежащих к селу Трубину деревнях Фатеевой, Качаевой, Сапыревой и Налескиной, в коих по нынешней 5-й ревизии имеется мужеска полу триста душ, что может послужить знаком материнской моей к вам любви и признательности. Да и таковое мое желание о составлении фамильного вам командорства совершенно сообразно есть с Высочайшим Его Императорского Величества учреждением, ибо сей залог ни к чему иному служит, а единственно для благосостояния и пользы вашей, как вы есть у меня только один, а других детей никого не имею. А поелику на показанное мое недвижимое имение при отдаче от правительствующего сената в собственное ваше управление никакого запрещения вам не учинено, прежде сделанное ж на случай одного опекунского управления запрещение ныне по отрешении их существовать не может. Оно же, мое имение, нигде в залоге и в секвестре не состоит, и по оному никаких казенных и партикулярных взысканий не имеется, о чем и испрашивается от Калужской палаты суда и расправы о даче на имя ваше надлежащего свидетельства, которое по получении и доставлено к вам будет в самой скорости. Но в предупреждение сего дозволяю я сим вам к составлению того фамильного командорства ордена святого Иоанна Иерусалимского из показанного собственного моего недвижимого имения приступить и для соглашения о взаимных условиях или для соображения акта таковых фамильных заведений по основанию Всевысочайшего Его Императорского Величества учреждения отнестись куда следует и почему; к чему надлежать будет вместо меня подписываться, я в том вам верю, и что вы по сему учините впредь, спорить и прекословить не буду. Пребывая навсегда усердною, мать ваша

княгиня Мария Тюфякина.

Москва,
марта 27 дня 1799 года.

Сия доверенность принадлежит сыну моему, находящемуся при Его Императорском Высочестве наследнике цесаревиче и великом князе Александре Павловиче, камергеру князь Петру Ивановичу Тюфякину.¹⁹

Командором ордена Тюфякин был утвержден 4 июня 1799 года, пребывая уже в Москве. Княгиня Марья Тюфякина, учреждая фамильное командорство для сына, определила, что в случае смерти князя Петра Тюфякина бездетным командорство перейдет к лейб-гвардии Конного полка корнету Николаю Ушакову, а от него — к старшему в его роде. Эта конвенция была подтверждена Павлом I 11 апреля 1799 года. С фамильного командорства полагалось вносить в казну долю доходов, или респонсию; продажа командорственных имений воспрещалась.²⁰

Московская ссылка не была для Петра Ивановича в тягость. Он жил в родительском доме, посещал театры, балы. К этому времени относится и женитьба Тюфякина. Избранницей его стала Екатерина Осиповна Хорват (1777 — 6 марта 1802), дочь генерал-майора Осипа Ивановича Хорвата, в 1792–1794 годах воронежского, а с 1794 года екатеринославского губернатора, и родная племянница графа Платона Зубова. Воспоминание о Екатерине Осиповне Тюфякиной оставила французская художница Мари

---

¹⁹ Там же, ф. 496, оп. 3, № 1922, л. 2.

²⁰ В 1810 году российские приорства ордена были упразднены. Однако командорственные имения уничтожались постепенно. 20 ноября 1811 года последовал указ Сенату: 1. Всем командорам, фамильные командорства установившим, предоставить свободу внести в казну капитал, соразмерный доходу, поступающему в пользу ордена с командорских имений, и когда сие будет ими исполнено, тогда оные имения обратить в полные их распоряжения. 2. Командоры, кои не пожелают внести всего капитала единовременно, обязаны продолжать по смерти их взнос доходов в казну на основании правил, ныне существующих. Тюфякин не внес в казну необходимую сумму, и его командорственное имение формально продолжало оставаться таковым до смерти князя.

Элизабет Луиза Виче-Лебрен: ²¹ «Почти все молодые женщины (на балу в доме графа И.П. Салтыкова в Москве. — С. Д.) были замечательной красоты. Они большей частью были одеты в тот античный костюм, мысль о котором я подала великой княгине Елизавете Алексеевне для придворного бала: все они были в туниках из кашемира, обшитых золотой бахромою; чудесные бриллианты схватывали короткие приподнятые рукава, а прическа на всех была греческая, украшенная по большей части повязками, усыпанными бриллиантами. Эти элегантные и роскошные наряды еще более увеличивали красоту этой толпы прелестных женщин. В особенности заметила я одну из них: то была молодая особа, на которой вскоре затем женился князь Тюфякин. Ее лицо с тонкими и правильными чертами лица носило печать глубокой задумчивости. По выходе ее замуж я начала ее портрет, но в Москве мне удалось сделать лишь головку, и я увезла его в Петербург, чтобы здесь окончить, но тут вскоре узнала о смерти этой прелестной особы. Ей было едва 17 лет, я ее изобразила в виде Ирисы с развевающимся вокруг шарфом и сидящею на облаках». ²² Итак, семейный очаг князя Тюфякина погас очень рано. По словам Ф.Ф. Вигеля, Екатерина Тюфякина «сделалась жертвою несогласия климата русского с тогдашнею модною одеждою в классическом вкусе». ²³ Было ей тогда 25 лет, а не 17, как показалось госпоже Виче-Лебрен. Нам остается, к сожалению, неизвестным, любил ли князь свою жену, сокрушался ли о ее утрате. В другой брак рано овдовевший Тюфякин уже не вступал. В дальнейшем спутницами его жизни были периодически менявшиеся сожительницы из актрис.

Вскоре после восшествия на престол Александра I Тюфякин, как и Голицын, были возвращены в Петербург. В «Камер-фурьерском журнале» от 21 марта 1801 года отмечено, что в 11 часов во время шествия их императорских величеств к литургии «имели счастье быть представленными

---

²¹ Г-жа Виче-Лебрен выехала из Петербурга в Москву в октябре 1800-го, а вернулась в марте 1801 года.

²² Госпожа Виче-Лебрен в России // Древняя и новая Россия. 1876. № 12. С. 400.

²³ Там же.

господином гофмейстером графом Толстым приезжие недавно в Санкт-Петербург господа <...> камергеры: князь Тюфякин и князь Голицын, причем оные, как от Его Величества, так и от Государыни Императрицы (Его супруги) пожалованы к руке». ²⁴ Возвратясь из Москвы, Тюфякин рассчитывал, вероятно, по старой дружбе получить хорошую должность от Александра I, подобно тому как другой совоспитанник императора князь Голицын получил должность обер-прокурора синода. Однако то ли Александр, будучи невысокого мнения о деловых качествах Тюфякина, не предлагал ему должностей, то ли предлагаемые должности не соответствовали амбициям князя, но обманувшийся в своих надеждах Тюфякин уехал в Париж, где и поселился надолго, пользуясь денежным содержанием, которое отец пересылал ему из России. Он покидал французскую столицу только во время разрыва Наполеона с Россией, но и тогда не возвращался на родину, а оставался в Европе. Как проводил свой досуг Тюфякин и был ли он театралом до своего отъезда в Париж, нам остается неизвестным. Известно лишь то, что он состоял еще с 1795 года членом Петербургского Английского клуба, из которого вышел только в 1819 году. ²⁵

В Париже Тюфякин основательно познакомился с французским театром, в том числе и «изнутри». Он приобрел дружбу великого Ф.-Ж. Тальма, которой очень гордился, и впоследствии обращался к актеру с различными просьбами.

Тюфякин покинул Париж и выехал в Россию только в начале 1812 года, когда уже не только во Франции, но и в прочей Европе для русских уже не было места. Возвратившегося в Петербург «блудного» князя Александр I по старой дружбе назначил 8 апреля 1812 года вице-директором над

---

²⁴ Камер-фурьерский церемониальный журнал. Январь — июнь 1801 г. СПб., 1901. С. 316.

²⁵ См.: Завьялова Л.В. Петербургский Английский клуб. 1770–1918. СПб., 2005. С. 185.

театральными зрелищами и присутствующим в Комитете театральной дирекции.

Главным директором над театрами был тогда обер-камергер А.Л. Нарышкин, сохранявший в себе качества вельможи екатерининских времен. Он не знал, что такое неучтивость, был ласков со всеми, но при этом не терял собственного достоинства. П.А. Каратыгин и Ф.Ф. Вигель отмечали резкий контраст между Нарышкиным и Тюфякиным. По словам Вигеля, Тюфякин был «скучен, несносен, своенравен». ²⁶ Каратыгин дал ему и вовсе уничижительную характеристику: «Тюфякин напоминал собою наших удельных князей с их грубой татарщиной. Сластолюбивый невежда, нетрезвый аристократ, он ничего не понимал ни в литературе, ни в искусстве, его одалиски фигурировали и на сцене, и в закулисном мире. Его деспотизм не укрощался никаким приличием». ²⁷ В тоже время Р.М. Зотов, бывший секретарем Тюфякина, отозвался о князе вполне положительно, отмечая, впрочем, его вспыльчивость: «Он был обходительного нрава и благороднейших правил, часто очень вспыльчив, но отходчив и снисходителен». ²⁸ О вспыльчивости и даже свирепости Тюфякина дает представление следующий случай, описанный Каратыгиным: «Однажды маленький воспитанник театральной школы лет восьми или девяти нечаянно пробежал где-то позади сцены во время какого-то балета; князь выскочил из своей директорской ложи, велел позвать к себе бедного мальчугана и подбил ему глаз своей подозрительной трубкой, которая у него тогда была в руках. На счастье мальчугана, тогда еще не были в употреблении бинокли, и потому у него остался синяк только под одним глазом. И много, много было подобных выходов этого воспитанного князя, камергера двора императора Александра!...» ²⁹

---

²⁶ Вигель Ф.Ф. Записки. М., 2000. С. 367.

²⁷ Каратыгин П.А. Записки. Л., 1970. С. 94.

²⁸ Зотов Р.М. Записки // Исторический вестник. 1896. Т. 66. С. 46.

²⁹ Каратыгин П.А. Записки. С. 95.

Князь А.А. Шаховской, недоброжелатель Тюфякина, в комедию собственного сочинения «Своя семья» ввернул стишок, который все современники относили тогда к Тюфякину: «Он до обеда глуп — после обеда шут», в котором содержался и намек на то, что он во второй половине дня редко бывал трезвым. Вкус к хорошим винам и привычка употреблять во время обеда спиртное появились у Тюфякина, по-видимому, еще до его жизни в Париже. В московском доме отца был богатейший винный погреб, который удалось сохранить во время наполеоновского вторжения. Лучшие вина были перенесены в дальнюю часть погреба и заложены кирпичом. Снаружи были оставлены только несколько дюжин медаку и вендеграву. Французы (в доме Тюфякина квартировал начальник гвардии генерал Роге) выпили все вино, находившееся снаружи, но самое ценное, заложённое кирпичом, осталось в целости и сохранности.³⁰

Главным недостатком начальника Тюфякина А.Л. Нарышкина, по словам его современников, была расточительность, не знавшая границ. Он сам часто нуждался в деньгах, кругом был в долгах и не спешил их отдавать. Об этом в то время даже ходили анекдоты. Во время войны 1812 года кто-то похвалил храбрость находившегося в действующей армии сына Нарышкина, который, заняв позицию, отстоял ее от неприятеля. «Это уже наша фамильная черта, — ответил ему Нарышкин, — что займут, того не отдадут!» Как-то раз, намереваясь куда-то поехать, Нарышкин приказал слуге заложить карету, но тот понял его в привычном (то есть в кредитном) смысле и заложил карету ростовщику.³¹

Легко тратил Нарышкин и казенные деньги, принадлежавшие театральной дирекции; при его правлении она не укладывалась в суммы, выделяемые кабинетом. Отметим, что содержание императорских театров всегда было делом весьма затратным и о какой-то самокупаемости театров речи никогда не было, но удерживать расходы в рамках планируемых было

---

³⁰ См.: Зотов Р.М. Записки. С. 34.

³¹ См.: Пыляев М.И. Старый Петербург. СПб., 2008. С. 390–391.

одной из важнейших обязанностей директора (практически это никогда не удавалось). Дирекция входила в долги. Тюфякин, видя слабую сторону своего начальника, сосредоточился на хозяйственных вопросах жизни театра и на экономии средств. Взявшись за повышение доходности театров, он, деловитый и энергичный, постепенно стал завоевывать себе выдающееся положение в дирекции.

Сожительницей Тюфякина в первые годы его службы в Петербурге была певица Луиза Миллер-Бендер, в прошлом солистка Венской оперы, которую он привез с собой из Парижа. По словам Зотова, «она была очень милая особа и скромно пользовалась своим влиянием, получая по 400 руб<лей> за спектакль».³² Заметим, что 400 рублей за спектакль — это весьма высокий гонорар по тем временам. Тюфякин продолжал оказывать поддержку Миллер-Бендер и после того, как сменил свою сожительницу на первую субретку русского театра А.Е. Асенкову: гонорары Миллер-Бендер уменьшились лишь после увольнения Тюфякина. Любопытно, что в 1823 году она попыталась исполнить роль русского репертуара в опере Л. Керубини «Лодоиска», в которой выступила, не зная ни слова по-русски и затвердив роль, как попугай.³³

Ко времени начала службы Тюфякина относится чрезвычайное происшествие, которое чуть было не стоило князю жизни. Приведем его, поскольку оно также характеризует героя нашего рассказа, и в данном случае как человека весьма легкомысленного. В 1812 году ненависть к французам в народе была чрезвычайно сильна. Многие люди пострадали за то, что, сохранив закоренелую привычку говорить всегда по-французски между собою, не оставляли этого дурного обыкновения и на улице. Простой народ останавливал их, допрашивал и передавал полиции, подозревая в шпионстве всякого, кто говорил по-французски.

---

³² Зотов Р.М. Записки. С.30.

³³ См.: Губкина Н.В. Немецкий музыкальный театр в Петербурге в первой трети XIX в. СПб., 2003. С. 60, 99.

Однажды вице-директор театров князь Тюфякин, который, как набожный русский барин, всегда по праздникам ходил в Казанский собор, стоял там в воскресенье и, увидав своего знакомого, подошел к нему и заговорил по-французски. Едва ближайшие молеельщики услышали иностранные звуки, как стали переглядываться, шептаться и тесниться около беседовавших. Кто-то из благонамеренных прихожан дал знать об этом квартальному, бывшему в церкви, и тот, пробившись сквозь толпу, учтиво попросил князя Тюфякина проследовать за ним. Сперва тот этим обиделся и сказал ему свое звание и фамилию, но квартальный объявил, что имеет честь знать князя, и повторил, однако же, свою просьбу пожаловать к главнокомандующему генералу (потом графу) С.К. Вязьмитинову.³⁴ Князь Тюфякин повиновался, и несколько сот людей последовали за ним в Большую Морскую улицу, где был дом генерал-губернатора. Толпа, разумеется, беспрестанно возрастала дорогою, и все друг другу твердили, что поймали шпиона. Расположение толпы было самое враждебное и без конвоя полиции, удалявшей от князя самых жарких преследователей, дело кончилось бы, вероятно, не так миролюбиво. Путь был недалек. Пришли к Вязьмитинову, толпа осталась у ворот и довольно сильно шумела. Квартальный донес, что, узнав о волнении народа в церкви и об угрозах мнимому шпиону, он почел долгом избавить князя от неприятных сцен и попросил его следовать за ним к главнокомандующему. Генерал Вязьмитинов поблагодарил его за распоряжение, просил князя выйти из других ворот и отправиться домой (в Малую Морскую), дружески советуя ему воздержаться от французского языка не только в церкви, но и на улице. К народу же выслал полицмейстера (Чихачева) с объяснением, что приведенный человек был вовсе не шпион, а природный русский князь, после чего толпа и разошлась.³⁵

---

³⁴ С.К. Вязьмитинов (1744–1819) с 1812 года исполнял одновременно три должности — председателя Комитета министров, министра полиции и генерал-губернатора Санкт-Петербурга.

³⁵ См.: Зотов Р.М. Записки. С. 42–43.

Правой рукой Тюфякина вскоре после назначения на должность стал романист, драматург и переводчик Рафаил Михайлович Зотов (1796–1871). Именно ему князь был обязан многими успехами на театральном поприще. И как знать, если бы Тюфякин всегда следовал советам Зотова, возможно, он оставался бы при Императорских театрах значительно долее. Зотову, оставившему интересные и содержательные мемуары, мы обязаны также и тем, что знаем многие подробности из жизни князя Тюфякина.

Зотов был сыном крымского татарина,³⁶ который еще мальчиком после взятия Бахчисарая был привезен в Санкт-Петербург и отдан графу Ланскому. Михаил Зотов был крещен, получил образование в сухопутном Шляхетском корпусе, принимал участие в войнах начала XIX века. В чине полковника он прибыл в Дунайскую армию князя А.А. Прозоровского, где бесследно пропал около 1809 года. С детства Зотова опекал Павел Александрович Кожевников, принадлежавший к ближайшему родственному окружению Г.Р. Державина.³⁷ Зотов, привезенный матерью в Петербург из Псковской губернии, сначала поселился в доме Кожевникова (он имел два дома в 6-й улице от Знаменья), а затем был отдан Павлом Александровичем в гимназию на половинный пансион. К этому времени относится и небольшое воспоминание Зотова о Державине: «Он (Кожевников. — С. Д.) был родня поэту Державину, которого деревня Званка была поблизости от имения Кожевникова.³⁸ Они часто бывали друг у друга в гостях, и Державин даже переписывался с ним в стихах. Помню, что однажды, выпросив себе у Кожевникова собачку “жучку”, чтоб свести ее с своей домашнею собакою для приплода, Державин вскоре возвратил ее со стихами:

Назад шлем вашу жучку,
У ней еще ко браку

³⁶ Из крымско-татарской знати.

³⁷ Женой П.А. Кожевникова была Екатерина Петровна, урожденная Яхонтова, приходившаяся двоюродной сестрой Д.А. Державиной.

³⁸ Кожевниковым принадлежала мыза Змейско на противоположном от Званки берегу Волхова.

Мы не видали смаку.

Итак, друзья, простите...».³⁹

Уже тогда у Зотова возник интерес к театру, который поддерживал и Кожевников: «Видя страсть мою к театру, добрый мой опекун посылал меня по праздникам в спектакли, снабжая деньгами. Сперва в партер по 1 рублю, а затем мне гораздо лучше понравилось в 50-копеечных местах».⁴⁰ Так прошел год. Следующий курс обучения, закончившийся 29 июня 1810 года, оказался для Зотова несчастливим. Его благодетель Кожевников был арестован и отдан под суд.⁴¹ Он не мог уже оплачивать обучение Рафаила Михайловича в гимназии. Детей самого Кожевникова опекали Г.Р. и Д.А. Державины, а Зотова, которому был уже 15-й год, выпущенный на свободу и оставленный под подозрением Павел Александрович решил пристроить на должность. Попытка устроить Зотова к частному приставу на Сенной площади успеха не имела, и Кожевников обратился к казначею театральной дирекции Петру Ивановичу Альбрехту. Зотов был принят в дирекцию студентом 14-го класса (которым в действительности не был). Служба его в дирекции оказалась недолгой. В 1812 году Зотов поступил в ополчение. Под Полоцком он был тяжело ранен (в общей сложности ему было нанесено 10 ран, он чудом остался жив) и затем вернулся в Петербург. Вакансия его в дирекции была уже занята, но Альбрехт порекомендовал Зотова Тюфякину, который тогда не имел еще секретаря и нуждался в человеке, владеющем иностранными языками. Вице-директор принял его с испытательным сроком, и Зотов оказался одним из немногих, кто смог находить общий язык с князем на протяжении всей службы последнего, отмечая, впрочем, неуживчивость Тюфякина, не терпевшего ни малейших противоречий.

---

³⁹ Зотов Р.М. Записки // Исторический вестник. 1896. Т. 64. С. 777.

⁴⁰ Там же. Т. 65. С. 614.

⁴¹ Подробно об этой истории см.: Дзюбанов С.Д. «Старшей в родстве была Дарья Алексеевна Державина...» // Державинский сборник–2006. Петрозаводск, 2006. С. 182–185.

В первые два года службы князь Тюфякин оставался в тени, заслоняемый то Театральным комитетом, учрежденным 27 апреля 1812 года, в который входили П.С. Молчанов,⁴² граф Д.А. Гурьев и А.Л. Нарышкин, то личностью самого главного директора. Лишь после отъезда Нарышкина, сопровождавшего императрицу Елизавету Алексеевну в ее заграничном путешествии, он стал заметной фигурой и предстал во всей полноте своих достоинств и недостатков.

Усилия Тюфякина по повышению рентабельности театров стали приносить плоды, и уже 30 августа 1814 года он был пожалован за успехи кавалером ордена св. Анны 1-й степени. Довольно редкий случай, когда награжденный, не имея орденов низших степеней, сразу получил высшую 1-ю степень. Каким же образом достигал Тюфякин экономии казенных средств? В отчете за 1814 год он сообщил об увеличении сборов со спектаклей «от умножения и улучшения русской труппы». Он отметил, что можно ожидать дальнейшего роста, «ежели не будет ослаблен национальный спектакль как количеством актеров, необходимых для вседневных представлений, так и усовершенствованием и одобрением их дарований». Однако, по его мнению, нельзя было ожидать успехов, если дирекция останется ограничена положенной по штату на русскую труппу суммой в 54150 рублей, совершенно, по мнению Тюфякина, недостаточной. Однако добавочную сумму Тюфякин не просил выделить из средств Кабинета, а рассчитывал получить излишними сборами.⁴³

Лучшие актеры театров не стали получать меньше; напротив, князь Тюфякин с 3500 рублей возвысил все первые оклады до 4000 рублей.⁴⁴ Некоторые получали и гораздо большие суммы. Для получения необходимых

---

⁴² Вместо Молчанова 14 января 1816 года в состав комитета был введен статс-секретарь В.Р. Марченко; одновременно в комитет был включен и Тюфякин.

⁴³ См.: Танеев С.В. Из прошлого Императорских театров. СПб., 1885. Вып. 1: (1725–1825). С. 48–49.

⁴⁴ Тюфякин заботился не только о материальном положении лучших актеров. В 1815 году он внес в Комитет министров записку об исключении из податного сословия некоторых актеров и служителей театра. См.: Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. XXXIV. С. 918.

на это средств Тюфякин прибегнул к очевидному средству — повышению цен на билеты. Он увеличил цены на ложи и кресла: что стоило 2 рубля, дошло до 5 рублей ассигнациями. Возросшие сборы позволили ему выписать новых танцоров Антонена (впоследствии он стал звездой петербургского балета) и Л. Валанжа, а вскоре после этого — и знаменитого балетмейстера Шарля Дидло. Переговоры с Дидло о возвращении в Россию Тюфякин начал еще в 1815 году. Однако тот согласился вернуться только на очень льготных для себя условиях. Он потребовал для себя с женой по 16000 рублей ассигнациями ежегодно, по одному бенефису для него и его жены каждый год, и непременно в лучшее время года. Кроме того, он пожелал всегда иметь в своем распоряжении одну театральную карету, квартиру в доме театральной школы, казенные дрова для ее отопления и по 1500 рублей проездных на себя и на жену. 7 мая 1815 года Тюфякин писал в Комитет, учрежденный для решения дел императорских театров: «...описав все условия принятия его (Дидло. — С. Д.), представляю оное <решение> на благорассмотрение Комитета и с своей стороны честь имею объяснить: что я нахожу балетмейстера Дидло весьма полезным и нужным для императорских театров, потому что все почти лучшие балетные персонажи (актеры), ныне на сцене являющиеся, как, например: г-жи <А.С.> Новицкая, <М.Н.> Иконина, <Е.И.> Колосова и другие, — все одолжены ему своим образованием и искусством; равномерно и все лучшие балеты, на императорских театрах существующие, сочинены Дидло. Во все время управления моего дирекциею заметил я, что со времени отъезда его балеты весьма пришли в упадок, а особливо образование в школе балетной труппы расстроилось; то, дабы оно совсем не исчезло, покорнейше прошу Комитет о согласии на принятие балетмейстера Дидло паки в императорскую театральную службу на вышеписанных условиях». ⁴⁵ В этом обращении Тюфякин, безусловно, сгущал краски. В действительности творческая жизнь в петербургском балете не замедляла своего поступательного движения и уж тем более не

---

⁴⁵ РГИА, ф. 497, оп. 2121, № 1369, л. 1–2.

приходила в упадок. Однако балетмейстеры И.И. Вальберх и Огюст (Пуаро) все же не вполне могли заменить Дидло и значительно уступали ему в популярности среди публики. Комитет внял доводам Тюфякина, и летом 1816 года Дидло вернулся в Петербург. Уже 30 августа состоялась премьера поставленного им балета «Ацис и Галатея». ⁴⁶ Заметим, что Дидло обладал сложным характером, был вспыльчив, легко впадал в такую ярость, что его приходилось отливать водой, однако о каких-либо серьезных конфликтах между ним и Тюфякиным нам ничего не известно.

Заметим, что предпринимаемое Тюфякиным возвышение цен на билеты иногда давало вместо экономии и обратный эффект. Так, поднятие им цен на маскарадные билеты с 1 сентября 1816 года привело к тому, что на маскарадах вместо обычных 1000 человек стало бывать не более 50-ти. Дирекция понесла огромные убытки, и уже в ноябре того же года распоряжение о поднятии цен было отменено. ⁴⁷

Другой важной статьей экономии стали актерские пенсии. Для ускорения принятия решений по этим вопросам Тюфякин, пользуясь старой дружбой с императором, прибегал к нарушению принятой субординации. Несмотря на то что дела театральной дирекции, требовавшие высочайшего разрешения, должны были, по предписанию высочайшего же указа, рассматриваться сначала в Театральном комитете, а затем представляться в Комитет министров или на разрешение государя, Тюфякин обходил эти две инстанции и подносил свои доклады непосредственно государю. Так были высочайше утверждены 25 августа 1817 года два доклада Тюфякина о мерах к устранению практических недостатков Положения о пенсиях 1809 года. По первому докладу назначение пенсий артистам-иностранцам на одинаковых правах с русскими подданными устанавливалось лишь в том случае, если они принимали русское подданство при вступлении на службу дирекции. В противном случае они лишались права на полную пенсию и

---

⁴⁶ См.: Красовская В.М. Русский балетный театр от возникновения до середины XIX века. СПб., 2008. С. 179–180.

⁴⁷ См.: Танеев С.В. Из прошлого Императорских театров. С. 51.

получали ее по правилам для актеров-иностранцев. По второму докладу были установлены дополнительные правила к Положению о пенсиях 1809 года о пенсиях артистам — русским подданным, из которых многие при возобновлении с ними контрактов сильно увеличивали свои оклады. Были введены строгие пенсионные правила, в силу которых:

1) простая выслуга артистами установленного числа лет без отличий ревностным и похвальным поведением не давала права на пенсию;

2) пенсия назначалась артистам лишь в том случае, когда они служили два последних трехлетия до отставки без прибавки жалованья;

3) артисты по получении пенсии обязывались прослужить в дирекции еще два года на одном пенсионе, не требуя от дирекции уже никакого содержания;

4) пенсии назначались только за безотлучную службу в течение установленного числа лет;

5) артисты, штрафованные в течение службы пять раз арестом, лишались права на пенсию.

Мотивом таких соображений Тюфякин выставил экономию в расходах.

О стремлении Тюфякина использовать любую возможность для сбережения средств дирекции свидетельствует его переписка 1818 года с обер-полицмейстером генерал-майором И.С. Горголи,⁴⁸ который, ссылаясь на высочайшее повеление, требовал обустроить тротуары, прилегавшие к театру. Тюфякин наотрез отказывался это делать, мотивируя свое решение тем, что Кабинет не выделяет ему средств на эти нужды.⁴⁹

О расчетливости и предусмотрительности Тюфякина свидетельствует его переписка с А. Бетанкуром по поводу строившегося в Петербурге Большого театра. Справедливо, по-видимому, полагая, что после окончания строительства театра мелкие хозяйственные постройки, такие как сарай для декораций, навес для лошадей и пр., дирекции придется возводить уже за

---

⁴⁸ Иван Саввич Горголи (1773–1862) был обер-полицмейстером в Петербурге в 1811–1821 годах.

⁴⁹ См.: РГИА, ф. 497, оп. 1, № 1741, л. 5–15.

свой счет, Тюфякин решил озаботиться этим заблаговременно и выслал список потребных построек Бетанкуру, который передал пожелания Тюфякина архитектору А. Модюи, руководившему строительством театра.⁵⁰

Заметим, что Тюфякин, повышавший денежное содержание мэтрам, стремился сэкономить на начинающих актерах. Так, по воспоминаниям Каратыгина, для его брата Василия, дебютировавшего в роли Фингала в трагедии Озерова, «полный костюм со всеми аксессуарами отец наш сделал на свой счет», так как Тюфякин отказал дебютанту в оплате костюма.⁵¹

Еще одна финансовая хитрость Тюфякина была связана с возобновлением в Петербурге французского театра. Французский театр появился в столице уже в 1740 году, но в связи с войной 1812 года был закрыт. Однако петербуржцы не могли долго ненавидеть все французское, публика жаждала возобновления спектаклей, и уже в 1816 году остававшиеся в Петербурге артисты Л. Дюран и Ф. Мезьер⁵² предложили Тюфякину ставить несложные маленькие пьесы. Князь принял их предложение, однако в стенах императорских театров французам не находилось места. Их приютил князь Н.Б. Юсупов, предоставивший театральный зал своего особняка на Садовой улице. К труппе присоединился певец Брис с женой. Такому составу были по силам водевили и одноактные оперетты, популярность спектаклей росла, и зал уже не мог вместить всех желающих. Этим воспользовался Тюфякин, когда было закончено строительство Большого театра в Петербурге. Зная, что галломаны не испугаются никаких стеснительных условий (настолько велика была их жажда французских спектаклей), он объявил общий абонемент на французские и русские спектакли. За три французских спектакля в неделю абонирующий должен был смотреть и четыре русских. Памятный нам по советским временам способ продажи театральных билетов «с нагрузкой» на самом деле был

---

⁵⁰ См.: Там же, № 1739, л. 1–3.

⁵¹ Каратыгин П.А. Записки. С. 84.

⁵² Мезьер по совместительству преподавал французский язык в театральном училище.

изобретен князем Тюфякиным без малого два века назад. Галломаны поморщились, но приобрели абонементы. Цена ежедневного абонемента доходила до 1000 рублей и выше. Казалось бы, дело составляло одну только финансовую хитрость. Но на поверку вышло, что художественная выгода была сильнее экономической. Высшее петербургское общество, принужденное смотреть национальные спектакли, стало знакомиться с русской литературой, аристократы увидели на нашей сцене (а русская труппа тогда была значительно сильнее французской) множество первоклассных актеров. В свою очередь актеры почувствовали, что их зрители уже не только те разночинцы, которые за все им хлопают; это побуждало их облагораживать свою игру и совершенствовать мастерство.

В начале 1817 года Тюфякин поднял вопрос об учреждении итальянского театра в Петербурге, но потерпел фиаско. 10 апреля 1817 года Комитет министров выслушал это предложение, однако граф А.А. Аракчеев объявил, что государь позволяет завести итальянскую труппу, но только на собственные доходы дирекции. Тюфякин рисковать не стал, что свидетельствует об осторожности князя.⁵³

Всемерно экономя средства театральной дирекции, Тюфякин не жалел денег на постановки в русском театре произведений мировой классики. Особое внимание он уделял жанру комедии: «В короткое время по распоряжению его <были> переведены и поставлены на русской сцене многие классические пьесы (комедии — *С. Д.*), которые способствовали к образованию актеров, так как классическая комедия признана во всех европейских театрах за основание драматического искусства. Князь Тюфякин щедро платил за переводы таких пьес и поощрял русских артистов, желая возвысить отечественный театр».⁵⁴

---

⁵³ См.: Танеев С.В. Из прошлого Императорских театров. С. 52.

⁵⁴ Летопись русского театра / Сост. П. Арапов. СПб., 1861. С. 224.

В Москве театрами управлял тогда А.А. Майков, также отличавшийся бережливостью. Тюфякин его ценил, ходатайствовал за него перед государем, добился награждения Майкова крупными суммами в 12000 рублей из остаточных сумм дирекции за 1815 год и в 1000 рублей на следующий год. Майков благодарил Тюфякина:

Долгом поставляю за таковое представительство и ходатайство ваше обо мне изъявить, хотя через сии строки, живейшую души моей благодарность.

Исполненный сим неслетным чувством к особе вашей, смею удостоверить, что оно не иначе как с жизнью моею прекратится. С глубочайшим высокопочитанием и совершенною преданностию честь имею быть,

Сиятельный князь!

ваш всепокорнейший слуга
Майков.

1817. Москва.⁵⁵

Тюфякин выплачивал долги дирекции из остаточных сумм, за орденом св. Анны следовали новые награды. За устройство театра и сбережение сумм при отчетах дирекции за 1815 год 16 июня 1816 года ему была объявлена монаршая благодарность. По именному указу он был пожалован в гофмейстеры Двора его императорского величества с оставлением при прежней должности вице-директора театральных зрелищ 22 июля 1816 года. За устройство театра и сбережение сумм при отчетах за 1816 год 25 августа 1817 года Тюфякину снова была объявлена монаршая благодарность. Князь все более укреплял свои позиции и становился еще более заметной фигурой. Едва ли это радовало тогдашнего главного директора А.Л. Нарышкина, понимавшего, что его собственное положение

---

⁵⁵ РНБ, ф. 452, оп. 1, № 477, л. 1.

становится все более шатким. Но, скорее всего, вовсе не недовольство чересчур рьяным подчиненным, послужило причиной демарша, предпринятого Нарышкиным против Тюфякина в 1818 году.

Нарышкин, анализируя состояние финансов дирекции, пришел к неутешительному выводу, что его собственный отчет не может быть столь успешным, как отчет Тюфякина за период, предшествовавший приезду Нарышкина из-за границы. Нарышкин сознавал, что он не в силах этому помешать, и понимал, что это обстоятельство может иметь самые печальные последствия для его служебной карьеры. Причиной такого положения дел было (в числе прочих) то, что Тюфякин передал ему дела накануне самого тяжелого периода для театра — великого поста, когда нет никаких сборов, а есть одни расходы, а также и то, что Тюфякин в своем успешном отчете включил некоторые суммы в доходы совершенно неправоммерно. 22 января 1818 года Нарышкин обратился с письмом действительному статскому советнику Ивану Петровичу Колосову (1774–1819), присутствовавшему в Театральном комитете вместо В.Р. Марченко:

Уведомляя Ваше превосходительство о принятии мною по прежнему по званию, мною носимому, после возвращения из чужих краев Дирекции Императорских театров, нужным считаю препроводить при сем к вам, милостивый государь мой, примечания мои о положении, в каком я оную нашел.

Г. вице-директор представил мне бумаги:

1. подробную ведомость о состоянии сумм дирекции по 1 января 1818 г.;
2. таковую же об остаточных прошлого 1816 г.;
3. краткую по состоянию на 9 генваря.

1. поставляет на вид, что перед отъездом моим в чужие края по сделанному 25 мая 1816 примерному исчислению не доставало на удовлетворение расходов по 1 сентября 37692 р. 63 коп., которую сумму он во время правления сполна заплатил. Должен заметить, что доходы летнего

времени не могут быть достаточны, и перед летним временем во время великого поста театры вообще бездействуют. Сей временный дефицит был во все года. Был он и в 1817.

Не надлежало показать приходом 1818 года 4132 р. 20 коп., следующие дирекции от тайного советника Оленина за содержание типографии в 1813 году. Хотя по распоряжению губернского правления положено с Оленина их взыскать, но и поныне ни малейшей части их в дирекцию не доставлено. Деньги эти, даже когда и будут доставлены, нельзя показать экономией 1817 года.

Не решено дело с содержателем буфетов при маскарадах титулярным советником Гаусманом, по которому показывается в приходе 6400 руб., и дирекцией этих денег не получено.

2. Вторая означает употребление оставшихся за 1816 год и частично за 1815 экономических сумм, всего 57490 руб. 60 коп., предназначением по высочайшей воле государя императора, на предметы в ней поименованные. Вице-директор показывает, что не только все те суммы израсходованы, но и сверх оных передержано 15524 руб. 24 коп. Однако собственно на упомянутые предметы употреблено по 9 января сего года 46278 руб. 85 коп. Должно было остаться 11211 руб. 75 коп., но суммы этой нет в наличности, ибо она употреблена на другие издержки.

Эту сумму экономией также считать не могу.

3. Из кабинета поступило 13292 руб. на текущий январь и будущий февраль.

Эти деньги нельзя было относить на уплату 1817 г

Итак, по объясненным причинам из прихода должны быть исключены:

следующие от Оленина 4132 руб. 20 коп.;

от Гаусмана 6810 руб.;

из передержанных 15524 руб. употреблено на одежду и обувь воспитанникам 1835 руб. Эту сумму можно рас<с>читывать расходами будущего времени, а остальные 13689 руб. 25 коп. были издержаны на

предметы, на которые отпускается штатная сумма 13689 руб. 25 коп. с включением принятых из кабинета на январь и февраль 13292 руб.

В остатке должны быть из отпущенных по Высочайшему повелению 11211 руб. 75 коп.

А всего 49135 руб. 20 коп.

Из 59588 руб. 92 коп. остается только 10453 руб. Остаток этот заключается в части заготовленных дров, а 7328 руб. 09 коп., показанных налицо, должны быть из числа отпущенных из кабинета на январь и февраль. И это несмотря на то, что цены на билеты были возвышены.⁵⁶

Тюфякин не остался в долгу и обратился с письмом к императору:

Всемилоостивейший государь!

Уверенный в правосудии Вашего Императорского Величества, тем более что Вы имеете при Себе все письменные доказательства правоты моей за подписанием самого главного директора о состоянии, в каком он мне сдал дирекцию при отъезде в 1816 и принял оную 9 января 1818 года, я бы спокойно ожидал Всемилоостивейшего решения, если бы слухи, разнесшиеся в публичке о письме, поданном Вашему императорскому величеству главным директором, и различные толкования по незнанию содержания не тревожили меня с самой чувствительной стороны — со стороны моей чести. Доживя уже почти до пятидесяти лет, я имел счастье приобрести поведением своим хорошее о себе всех мнение, и для меня было бы жестоко потерять оно самым несправедливым образом. И потому осмеливаюсь всеподданнейше испрашивать себе у Вашего Императорского Величества решения, которое бы могло показать публичке мою невинность. Да и мог ли я ожидать каких-либо обвинений со стороны оберкамергера Нарышкина, когда в течение 4-летнего управления моего успел я заплатить более 148 тыс<яч> рублей долгу, когда он сам благодарил меня за

---

⁵⁶ РГИА, ф. 497, оп. 1, № 1703, л. 1–6.

хорошее состояние дирекции и дал сам за своим подписанием о сем ведомость. Мог ли я ожидать, что 12 дней спустя будет он делать на оную возражения, не сообразные ни с истинною, ни правильностью вещей? Я должен полагать, что сие произошло более от окружающих его зломыслящих людей, желающих только моего от сего места отдаления для начала опять прежних неустройств и злоупотреблений, мною прекращенных. Доказательством сему могут послужить те долги, кои с 1802 и 1804 годов⁵⁷ остались на дирекции и при заплате в 1809 долгов ея, простиравшихся до 500 тыс<яч> руб., были утаены и кои я не мог заплатить не по неимению сумм, ибо оные у меня ежегодно оставались, но в силу высочайших ваших повелений, в штате дирекции изображенных, что по уплате в 1809 году долгов никакие впредь претензии приемлемы не будут, что я уже поставил на вид г. статс-секретарю Марченко с подробным описанием должников для доведения до сведения Вашего Императорского Величества.

Поручаю себя совершенно в милостивое Вашего Императорского Величества соизволение, — и если Вы, всемилостивейший государь, почитаете, что усердие и ревность мои могут быть еще полезны при дирекции, то осмеливаюсь испросить себе Высочайшей инструкции, под руководством коей, взяв на себя ответственность благосостояния дирекции, мог бы я воздержать вред и беспорядок, могущие произойти от слабого правления и влияния людей злонамеренных. Буде же сие несходственно с волею Вашего Императорского Величества, то, служа не из выгод или честолюбия, а единственно для приобретения себе Ваших милостей, осмеливаюсь возобновить всеподданнейшую мою просьбу о увольнении меня с 15 мая сего года в чужие края на один год с сохранением моего жалованья.

С глубочайшим благоговением имею счастье назвать себя Вашего Императорского Величества Всемилоостивейшего Государя верноподданным.

---

⁵⁷ По отчету за 1803 год доход дирекции составлял 409 тыс. руб. Он складывался из 234 тыс. руб., полученных от Кабинета, и 175 тыс. руб. сборов. Фактические расходы составили 554565 руб. См.: Телякевич Н.К. Становление и развитие организационно-творческой системы российских императорских театров в первой трети XIX века. М., 2001. С. 16.

Санкт-Петербург, генваря 29 дня 1818.⁵⁸

Заметим, что доводы Нарышкина были в целом разумными, а частично даже бесспорными. Но кто вникал тогда в тонкости театральной бухгалтерии? Существенно было другое. А именно то, что, по словам Зотова, с возникновением служебных разногласий между Нарышкиным и Тюфякиным появились две «партии». И партия Тюфякина в тот момент оказалась сильнее. Спор между главным директором и вице-директором решался в таких сферах, где бухгалтерские выкладки Нарышкина были излишними мелкими деталями.

13 февраля 1818 года Александр I приказал заготовить благовольтельный рескрипт. Но уже 12 февраля Тюфякин в письме к статс-секретарю Марченко выражал надежду на положительное решение по его вопросу, напоминал об инструкции, которую надо будет обсудить и утвердить, просил удостоить покровительством «обиженного секретаря моего коллежского секретаря Зотова».⁵⁹

Благовольтельный рескрипт не заставил себя ждать:

Князь Петр Иванович!

Устройство, старанием вашим введенное в Дирекции театральных зрелищ, обращало всегда внимание мое на труды и усердие ваши. Тем приятнее ныне повторить признательность и отдать справедливость попечению вашему, когда с открытием Большого театра в С.-Петербурге дирекция, не имеющая долгов, имеет, напротив, в виду приращение доходов своих. Желая изъявить вам вящий довод доверенности моей, я особенно поручаю вам распоряжение в

---

⁵⁸ РГИА, ф. 497, оп. 1, № 1703, л. 20.

⁵⁹ Там же, л. 36–37.

полной мере хозяйственной частью дирекции, о чем в неукоснительном времени получите вы и подробную от Меня инструкцию.

Пребываю вам благосклонный!

Александр.

Москва. 14 февраля 1818 года.⁶⁰

Об испрашиваемом отпуске в чужие края речь в рескрипте не шла, да и какой отпуск мог быть в то время, когда происходило перераспределение обязанностей между главным директором и вице-директором? Что касается инструкции, обещанной в рескрипте Александром I, то она была уже составлена хитроумным Зотовым, который ухитрился изложить обязанности главного директора и вице-директора таким образом, что практически вся полнота власти в дирекции переходила к вице-директору, а главный директор становился бледной его тенью. За такой подвиг Тюфякин решил представить Зотова к ордену. Он даже обратился с этим к Нарышкину, который мог счесть такую просьбу разве что издевкой и представление писать отказался. Именно об этой «обиде» Зотову и писал Тюфякин в письме к Марченко от 12 февраля. Марченко «удостоил покровительством» Зотова, и орден св. Анны 3-ей степени был им получен, что стало настоящим торжеством Тюфякина. В письме к министру финансов Д.А. Гурьеву Марченко передал распоряжение государя по «известному письму Нарышкина»: «1. Переписку, по сему случаю возникшую, предать забвению. 2. Изложить в особой инструкции обязанности вице-директора так, чтобы все хозяйство оставалось на его попечении и ответственности».⁶¹

В предложенном для обсуждения проекте инструкции содержались следующие пункты: «Звание вице-директора театральных зрелищ обязывает

---

⁶⁰ Там же, л. 26.

⁶¹ Там же, л. 25.

его: вообще по управлению театральной дирекцией быть деятельным во всех частях помощником главному директору с тем, что без согласия его главный директор никаких распоряжений делать не должен.

О власти и правах главного директора

Главный директор зрелищ, наиболее принадлежа по званию своему к Высочайшему двору, как более по оному занят, и даже часто должен находиться в отсутствии.

Все императорские городские театры ожидают для начатия спектаклей прибытия главного директора или извещения его о неприезде своем в театр. И тогда уже, но не прежде начинается спектакль. В ожидание же его прибытия все уже должно быть совершенно готово к начатию, так, чтобы при входе его в свою ложу тотчас начиналась увертюра.

Выбор спектаклей, даваемых при высочайшем дворе, совершенно зависит от назначения главного директора, который о избранных пьесах объявляет приказание свое члену по репертуарной части».⁶²

Обращает на себя внимание, что главный директор не должен делать никаких распоряжений без согласия вице-директора, а не наоборот, а также то, что главный директор не просто может отсутствовать, а именно *должен* часто бывать в отсутствии.

Такая инструкция вызвала возражения Нарышкина, он высказал свои замечания: «1. Вице-директор, будучи помощником главного директора, обязан сообразоваться обще с ним во всех по управлению дирекцией распоряжениях.

2. Прибавки к жалованью артистам, чиновникам и служителям в ведении вице-директора, но к исполнению оных приступать не может прежде, как по предварительном сношении с главным директором.

---

⁶² Там же, л. 29.

3. Чиновники и служители состоят в зависимости вице-директора, но в случае приема оных вновь, как равно и артистов, перемещение и увольнение доводить до сведения и разрешения главного директора.

4. Репертуар представляет вице-директор, но утверждает главный.

5. Прием, выпуск из школы и назначение жалованья зависят от главного директора». ⁶³

В окончательной редакции от предложений Нарышкина не осталось почти ничего: «1. Все расходы на содержание дирекции, на покупку, постройку и заготовление всех нужных вещей, все прибавки жалованья и прочего содержания артистам, чиновникам и служителям вице-директор производит по своему усмотрению.

2. Все вообще чиновники и служители состоят в полном ведении вице-директора, так, что нужный вновь прием оных и артистов, перемещение их, увольнение на несколько дней или месяцев в отпуск и вовсе от службы равномерно и отправление артистов от здешнего театра к московскому зависят совершенно от него.

3. Контракты и условия все должны быть заключаемы вице-директором за его подписанием.

4. Репертуар вице-директор составляет с членом репертуарной части и доставляют на усмотрение главному директору.

5. Выбор спектаклей, даваемых при Высочайшем дворе, зависит от назначения главного директора, но относительно издержек он советуется с вице-директором.

6. Прием же воспитанников в школу, выпуск из оной и назначение жалованья вице-директор производит с согласия главного директора.

7. Разногласия между главным директором и вице-директором должны быть разрешаемы в Комитете по делам театрального ведения». ⁶⁴

---

⁶³ Там же, л. 31.

⁶⁴ Там же, л. 41.

Нарышкин около года потерпел такое положение дел и подал в отставку. 6 апреля 1819 года он был уволен, а Тюфякин был пожалован кавалером ордена св. равноапостольного князя Владимира 2-й степени большого креста, и по указу, данному Правительствующему Сенату, было повелено ему быть главным директором над театральными зрелищами и музыкой в обеих столицах. 17 апреля 1819 года князь Голицын уведомил Тюфякина, что все права и обязанности, предоставленные ему ранее, распространяются и в настоящем звании без особого рескрипта и без всякого изменения получавшегося им содержания.⁶⁵

В личной жизни князя в это время также произошла перемена: он расстался с веселой Миллер-Бендер, а ее место заняла молодая и талантливая исполнительница ролей кокеток и служанок А.Е. Асенкова.

В те годы в балете безраздельно господствовал Дидло, с которым у Тюфякина серьезных разногласий не было. Немецкий театр был поручен Зотову, в опере господствовали капельмейстер К.А. Кавос и режиссер М.С. Лебедев. Этими частями императорских театров Тюфякин управлял относительно «мирно». Большинство конфликтных и скандальных ситуаций, связываемых с именем Тюфякина, относились к русской драме, которой управлял тогда князь А.А. Шаховской.

Так, например, одна из лучших трагических актрис того времени Екатерина Семеновна Семенова по причине разногласий с Тюфякиным была вынуждена оставить сцену и вернулась в театр только после отставки князя. Е.С. Сандуновой, блиставшей в героических ролях, под нажимом директора пришлось передать основные роли своего репертуара Н. Семеновой и постепенно перейти на характерные и водевильные.⁶⁶

Многим современникам был памятен конфликт Тюфякина с актером Иваном Булатовым, посаженным Петром Ивановичем 9 сентября 1818 года на съезжий двор. Каратыгин полагал, что причиной конфликта был отказ

---

⁶⁵ Тюфякин получал содержание 4000 рублей в год.

⁶⁶ См.: Гозенпуд А.А. Музыкальный театр в России. Л., 1959. С. 425.

Булатова исполнять незначительную роль.⁶⁷ Однако есть и другая версия этих событий: Булатов провел за кулисы своего брата коллежского секретаря Илью Булатова⁶⁸ и вступил в пререкания с управляющим письмоводством театральной конторы К.Э. Ватацием, который приказал ему отправиться под арест, а когда тот отказался повиноваться, вызвал жандармов. По приказанию Тюфякина он был отправлен под арест в полицию, обер-полицмейстером посажен в тюрьму Управы благочиния, а затем по распоряжению генерал-губернатора графа Милорадовича переведен в смиренный дом.⁶⁹ В планы Тюфякина не входило длительное содержание Булатова под арестом. Вскоре после ареста Тюфякин предпринял попытку вернуть актера на сцену. История на этом закончилась бы, если бы не реакция Булатова. Он считал себя несправедливо наказанным и в объяснительной в дирекцию театров писал: «...через сие извещаю: доколе не обнаружится невинность моя по следствию и по суду, как законы повелевают, и доколе оскорбленная честь моя не обрящет должного воздаяния, доколе не могу вступить на сцену Императорского театра, который удостоивается присутствия Монарха и Высочайшей его фамилии».⁷⁰ Одновременно Булатов подал жалобу Санкт-Петербургскому военному губернатору графу М.А.Милорадовичу.

По приказу губернатора было проведено расследование инцидента с допросом множества свидетелей. Однако вердикт был вынесен не в пользу Булатова, который, как выяснило следствие, не только нарушил театральные правила, но и не подчинился приказанию прямого своего начальника (Ватаций тогда не только управлял письмоводством, но и исполнял обязанности отсутствующего помощника директора по репертуарной части). В то же время наказание, понесенное Булатовым, было признано вполне достаточным и никакого дополнительного взыскания на него наложено не было. История закончилась бы этим, если бы Милорадович не счел

---

⁶⁷ См.: Каратыгин П.А. Записки. С. 94.

⁶⁸ Проводить за кулисы посторонних в театре строго воспрещалось.

⁶⁹ См.: Данилов С.С. Очерки по истории русского драматического театра. М.; Л., 1948. С. 218–219.

⁷⁰ РГИА, ф. 497, оп. 1, № 1672, л. 3.

необходимым доложить о ней императору. Александр I, услышав историю в изложении губернатора, высказал неудовольствие «слабыми действиями» жандармов. Этого высказывания императора оказалось достаточно, чтобы жандармского штабс-капитана Малиновского отправить на одну неделю под арест на гауптвахту, а унтер-офицера Никиту Артемьева разжаловать в рядовые. Актеры театра прознали о наказании жандармов, но поняли его превратно, решив, что наказание последовало за незаконность, будто бы, ареста Булатова. По театру поползли слухи, о которых стало известно графу Милорадовичу. 22 ноября того же года генерал-губернатор в письме Тюфякину потребовал от него выявить зачинщиков для их примерного наказания и высылки из Петербурга. Но Тюфякин взял актеров под защиту. В ответном письме Милорадовичу от 24 ноября он сообщил, что слухи в театре возникли по досадному недоразумению. Актер А.Н.Рамазанов будто бы услышал о наказании жандармов от случайных людей (не актеров) и рассказал об этом в компании актеров. В действиях Рамазанова Тюфякин не усматривал никакого злого умысла, он также сообщил Милорадовичу, что Рамазанов характеризовался в театре всегда только с положительной стороны, и просил не применять к нему никакого наказания.⁷¹

Большой общественный резонанс имели конфликты Тюфякина с управлявшим русской драмой (в должности помощника директора по репертуарной части) князем А.А. Шаховским, ставшим жертвой собственной неуступчивости. Эти конфликты имели давнюю историю. Выдающийся драматург и театральный деятель, Шаховской возвратился в Петербург из ополчения 1812 года и вновь поступил на службу в дирекцию императорских театров, когда Тюфякин был уже вице-директором. Петр Иванович принял его сухо. Он, конечно, осознавал, что Шаховской с его талантами, знаниями и опытом работы будет очень полезен дирекции. Но он понимал также, что Шаховской, с его заслугами перед театром, захочет играть весьма видную роль в театральной администрации. Было очевидно,

---

⁷¹ См.: Там же, л. 37–38.

что двум князьям, характерам которых судьба не отпустила кротости, было не ужиться в театре, как двум медведям — в одной берлоге. Поводом для недовольства Шаховским были, по-видимому, его пристрастие к своим ученикам и беспристрастное отношение к баловням высшего начальства. Но главной причиной, вероятно, была все же актриса Е.И. Ежова. С.Т. Аксаков писал: «Имея на него большое влияние, она умела раздражать его, а в раздражении Шаховской бывал иногда несправедлив и на словах, и на деле. Всего хуже было то, что Шаховской, несмотря на свою вспыльчивость, проходившую мгновенно, не умел, не смел и не мог обуздать неизвинительных поступков этой женщины: все это падало на князя Шаховского, и, конечно, все имели полное право обвинять его».

Конфликт Тюфякина с Шаховским Зотов описал в статье, которую отослал в журнал «Сын Отечества». Разумеется, он держал сторону Тюфякина, не упустив при этом случая сатирически изобразить связь Шаховского с Ежовой. Издатель журнала Н.И. Греч показал статью Шаховскому, а тот пожаловался генерал-губернатору С.К. Вязьмитинову. Зотов был вызван к Вязьмитинову и принужден был забрать статью. Он показал ее Тюфякину, который пришел от этого в восторг и громко смеялся, когда ее читал. Несколько позднее (в 1817 году) участники конфликта князя Тюфякин и Шаховской были изображены П.А. Корсаковым на страницах издаваемого им журнала «Русский пустынный». Он представил Тюфякина и Шаховского как американцев, но современники без труда узнавали в директоре Филадельфийского театра Тюфякина, в американском драматурге Шаховского, а в американцах — жителей Петербурга. Тюфякину Корсаков посвятил два фрагмента: «1. Управление Филадельфийского театра поручено одному из знатнейших членов республики, который, как помнится мне, бывал и в Санкт-Петербурге, где, может быть, и ты его видал. Никто из его предшественников не приносил такой существенной во всех отношениях пользы театру, никто не делал столько добра своим подчиненным, и ни о ком, может быть, столь много худого не говорили, как о нем. Причина тому

ясна: добр для добрых и страшен для бездельников; первые его любят от всего сердца, вторые ругают и боятся, а как число вторых везде, кажется, превосходит первых, то и крики их заглушают похвалы друзей добра и истины.

2. Ты говоришь мне в письме твоём: управление театра (филадельфийского) поручено одному из знатнейших членов республики... Никто из его предшественников не приносил такой существенной во всех отношениях пользы театру, никто не делал столько добра своим подчиненным и пр. и пр. и пр. Как же теперь согласить все тобою сказанное с другим известием, полученным мною вместе с письмом твоим от одного вашего брата американца, который уверяет меня в противном? Он говорит мне, что директор вашего театра ни о чем не думает, кроме сборов, что он смеется над публикой, не любит ободрять национальных талантов и до того вспыльчив, что в минуту своей горячности позабывает все прежние заслуги подчиненных?»⁷²

Шаховского П.А. Корсаков изобразил следующим образом: «Другой правитель театра... Но что говорить об нем? Он слишком известный театральный писатель, чтоб слух об нем не достиг уже и в ваше полушарие! Комик, трагик, сочинитель опер, водевилей и поэм. Вся литература под жезлом его правительства, театр едва может вмещать его произведения, публика едва не наизусть знает его пьесы, он прославил язык свой, обогатил кассу театра, типографию и книгопродавцев и — о неблагодарное отечество! — сам едва богаче Лазаря. Но потомство будет справедливо, оно воздвигнет ему монумент, которого ни буйные ветры, ни грозные бури (свирепствующие в театрах) сокрушить не в силах: оракул, страх и надежда всех прочих писателей. Горе тому, кто осмелится без советов его написать хотя строчку: он будет осмеян, обруган его приверженцами, одно только то может быть хорошо, что напишет их властитель — или они под его руководством».⁷³

---

⁷² Русский пустынный. 1817. № 19. С. 101–102, 106.

⁷³ Там же. С. 102–103.

В 1818 году конфликт между Шаховским и Тюфякиным достиг апогея. Между ними произошла публичная ссора. Стоя на сцене, они «осыпали друг друга довольно площадными ругательствами». ⁷⁴ Следствием этой ссоры явилось увольнение Шаховского из театра. Никто за него не заступился, даже имевший некоторый вес при дворе бывший директор Нарышкин не замолвил за него слово.

Вместо Шаховского был назначен приехавший из Москвы Ф.Ф. Кокошкин. Он был рекомендован княгиней Голицыной, жившей в Гороховой улице, на углу Морской. Дополнительной рекомендацией послужило, видимо, и то, что Кокошкин терпеть не мог Шаховской («Этот Кокоскин, этот накрахмаленный галстук!»). Дружба Кокошкина и Тюфякина оказалась непродолжительной. Они поссорились, и Кокошкин подал в отставку. Вместо него определился правитель канцелярии генерал-губернатора Вязьмитинова статский советник Александр Гаврилович Волков. Недолго прослужил и Волков. И он не мог выдержать тяжелого характера Тюфякина, который более всего не любил, когда ему противоречили.

В 1819 году Тюфякин посетил с ревизией московские театры и остался очень доволен тем, как вел свои дела управляющий А.А. Майков. Объявляя благодарность всем чиновникам и артистам московских театров 19 августа 1819 года, Тюфякин сказал: «Приятно мне было во время 19-дневного моего здесь пребывания усмотреть, как в присутствии моем и обзоре дел конторы Московского театра, так равномерно и при пробах и представлениях, в коих я находился, что все распоряжения по всем отраслям и частям Московского театра производятся в надлежащем устройстве и в том виде благообразности, какой я мог ожидать от общего соревнования (так. — С. Д.) к благу и пользе службы». ⁷⁵

---

⁷⁴ Зотов Р.М. Записки // Исторический вестник. 1896. Т. 66. С. 33.

⁷⁵ Россиев П.А. Последний князь Тюфякин... С. 127.

В Петербурге руководимые Тюфякиным театры работали очень интенсивно: с 14 апреля 1819-го по 10 февраля 1820 годов здесь были вновь поставлены и возобновлены 168 пьес (комедий, драм, опер, водевилей), 6 балетов и 4 дивертисмента.⁷⁶ Он предпринимал шаги и для укрепления предпринимал шаги и для укрепления французской труппы, которую его стараниями пополнили певица Женни Филлис,⁷⁷ героиня Денис-Туссен, тенор Жено и сопрано Данжевиль. Принятые артисты усилили труппу, но не в достаточной степени. Тюфякин счел, что нельзя полагаться только на парижских агентов, и решил сам набрать труппу в Париже. Впрочем, нельзя исключить, что это дело было просто удобным предложением для Тюфякина, человека богатого и независимого, которому надоело управление театрами и который стремился в горячо любимый им Париж. Так или иначе, но, вызвав себе на замену из Москвы А.А. Майкова, Тюфякин уехал в Париж в июле 1821 года. Дата его отъезда известна нам из письма князя от 2 июля того же года К.Ю.Булгакову:

Милостивый государь мой, Константин Яковлевич!

Прежде всего спешу принести вашему превосходительству чувствительнейшую мою благодарность за присылку мне маршрута до Берлина. А теперь вновь обращаюсь к вам, вследствие вашего обещания, с покорнейшею моею просьбою доставить мне надлежащий от вас вид, дабы нигде по России не имел я остановки в лошадях. Думая отправиться в будущий вторник 5 июля, я равномерно прошу ваше превосходительство приказать отпустить и отсюда до первой станции почтовых лошадей, я же дам знать в почтамте, в котором часу они должны быть.

Не забыв при том и моего обещания, вам данного, я прилагаю при сем записку, по которой, ваше превосходительство, и в трудное зимнюю время

---

⁷⁶ См.: Телякевич Н.К. Становление и развитие организационно-творческой системы российских императорских театров в первой трети XIX века. С. 14.

⁷⁷ Дочь прославленной Филлис Андрие.

можете получать ложу, давая знать только означенному в записке чиновнику о своем желании накануне.⁷⁸

Приехав из Москвы, Майков явился к своему старому приятелю князю Шаховскому, и они стали сообща управлять театрами. Майков был заинтересован в том, чтобы все недостатки и неисправности театрального хозяйства были выявлены сразу: по прошествии времени недостатки могли приписать его плохому управлению. Разумеется, Шаховской, имевший с Тюфякиным свои счета, поддерживал Майкова в этом деле. Князю Тюфякину пересылались доклады через Зотова, который сразу же начал предостерегать директора, что длительное пребывание его в Париже грозит ему неприятными неожиданностями. «Но, как поющий тетерев, довольный своим токованьем, ничего не видит и не слышит вокруг себя, так и князь Тюфякин, — сообщает его биограф, — вдохнув парижского воздуха, закрыл глаза на все, что зарождалось в петербургских туманах и своим жалом было направлено против него».⁷⁹

Уже вскоре после вступления Майкова в должность состоялось экстренное высочайшее повеление, объявленное 14 июля, о немедленном исправлении Царскосельского театра, который оказался запущенным, особенно со стороны освещения и машин.⁸⁰ Дальнейшая кампания по выявлению недостатков в театральном ведомстве, вероятно, не имела бы серьезных последствий для Тюфякина, если бы не участие в ней генерал-губернатора графа М.А. Милорадовича. Слабость графа «к изящному праху» привела его в совместную гостиную Шаховского и Ежовой, где собирались актрисы, танцовщицы, воспитанницы театрального училища. Милорадович очень скоро стал неременным участником вечерних собраний у Ежовой и покровителем танцовщицы Е.А. Телешовой (1804–1857), которая доводилась Ежовой сродни. Этим не замедлили воспользоваться Шаховской и Майков.

⁷⁸ РГБ, ф. 41, карт. 139, № 16, л. 3.

⁷⁹ Россиев П.А. Последний князь Тюфякин... С. 131.

⁸⁰ См.: Танеев С.В. Из прошлого Императорских театров. С. 56.

Они рисовали графу мрачную картину тюфякинского управления театрами. Изображался полный развал. Казалось, что никогда дело не находилось в столь удручающем состоянии, как теперь. Шаховской и Майков обращали особое внимание графа на театральное училище, которое, по-видимому, действительно было самым слабым звеном в хозяйстве Тюфякина. Оно никогда не было любимым детищем князя, посещал он театральное училище «раз в год, во время танцевальных экзаменов». ⁸¹ К тому же это было место (вспомним инструкцию, составленную Зотовым), где долее всего сохранялось влияние прежнего директора Нарышкина. Милорадович не замедлил довести полученную им от Майкова и Шаховского информацию до сведения государя. Александр I повелел графу Милорадовичу и князю П.М. Волконскому, пользовавшемуся особым доверием императора, провести внезапную ревизию театрального училища. Как сообщает биограф Тюфякина, «оба они прибыли на другое утро в 8 часов утра в театральную школу. Там никто не ожидал подобного посещения. Дети только что встали, в дортуарах царствовал величайший беспорядок; простыни, одеяла были грязные, старые, в заплатках; белье на детях тоже, комнаты не чищены, не метены: везде пыль, грязь, духота. Завтрак детей был самый бедный. Отправились на кухню, где готовили обед для школы. Там тоже все было грязно, а запасов недостаточно для продовольствия ста человек...». ⁸²

24 октября 1821 года Правительствующему Сенату был дан указ: «Действительному статскому советнику Майкову всемилостивейше повелеваем быть в должности директора над театральными зрелищами и музыкою, а гофмейстера князя Тюфякина увольняем вовсе от управления театрами». ⁸³

Тюфякин оставил при отъезде 100000 рублей в кассе дирекции. Но недоброжелатели обвиняли его в том, что по штату недостает 39 артистов, нет немецкой оперы. Ему ставили в вину и ветхость Малого театра, который

---

⁸¹ Каратыгин П.А. Записки. С. 68.

⁸² Россиев П.А. Последний князь Тюфякин... С. 132.

⁸³ Там же.

стоял на месте будущего Александринского, и то, что в театральной школе были воспитанники старше 25 лет, тогда как уже в 20 они должны были выпускаться. Даже в прачечных беспорядках оказался виноват князь Тюфякин. Он не пытался оправдываться, махнул рукой на петербургских интриганов и только крепче привязался к Парижу, на этот раз уже навсегда.

Парижский дом Тюфякина был открыт для туземцев и для заезжих земляков без той осторожной щепетильности, которая так свойственна, например, англичанам. Круг его знакомых был широк и пестр: от сценических деятелей до вершителей судеб Европы. В этом кругу Тюфякин чувствовал себя, как в родной стихии, годы протекали приятно, не давая повода скучать по России. С некоторыми соотечественниками князь состоял в переписке. Сохранилось его письмо С.Ф. Щедрина от 13 сентября 1828 года, в котором Тюфякин, проживавший тогда на бульваре Монмартр в доме № 10, просил написать для него вид Неаполитанского залива и сообщал, что рекомендовал художника г-ну Ротшильду.⁸⁴

В Париже князь являлся всюду с мадемуазель Ирмой, актрисой одного из парижских театров. Мелкие парижские журналы вышучивали его, Тюфякин жаловался по судам, требовал прекращения «травли» и никогда не получал удовлетворения. Но такие неприятности не ослабили его привязанности к Парижу. Он очень встревожился, когда вышел приказ императора Николая I, чтобы все русские выехали из Франции. Тюфякин обратился за помощью к русскому посланнику в Париже К.Поццо-ди-Борго, ссылаясь на болезнь, препятствующую выезду. Некоторое время спустя на обеде у Поццо-ди-Борго князь нашел под салфеткой для прибора государево разрешение бессрочно оставаться в Париже. В формулярном списке Тюфякина появилась запись: «По высочайшему повелению во уважение болезненных припадков дозволено ему оставаться бессрочно во Франции или

---

⁸⁴ ГИМ, ф. 457, № 29, л. 130.

иметь пребывание в чужих краях там, где он найдет сие нужным, для поправления расстроенного своего здоровья». ⁸⁵

Тюфякин был отставлен от должности, но не от службы вообще и числился в отпуске для поправки здоровья. Жалованья он никакого не получал, но жил безбедно на 100000 рублей пожизненного дохода, получаемых им от князя В.В. Долгорукова взамен проданных Тюфякиным всех его российских имений (купчая была совершена во 2-м департаменте Санкт-Петербургской палаты гражданского суда 7 сентября 1834 года). ⁸⁶ Родительский дом в Москве на стрелке четырех улиц (двух частей Мясницкой, Лубянского и Златоустенского переулков) князь продал еще в 1830 году М.П. Погодину за 31000 рублей, что было значительно ниже его реальной цены. Окончательная отставка Тюфякина состоялась в 1841 году:

Указ Правительствующему Сенату

Гофмейстера Двора Нашего князя Тюфякина Всемилостивейше увольняем вовсе от службы.

Николай.

В Санкт-Петербурге, 4 апреля 1841. ⁸⁷

---

⁸⁵ РГИА, ф. 472, оп. 33, № 4, л. 11.

⁸⁶ В числе прочих Тюфякин продал Долгорукову и свое командорственное имение, что воспрещалось законом. После смерти Тюфякина Иван Николаевич Ушаков, к которому должно было перейти командорственное имение, обратился в суд, который постановил: уничтожить продажу имения Долгорукову и отдать его штаб-ротмистру Ивану Ушакову по предъявлении доказательств, что он сын того самого Ушакова, который упоминается в конвенции 1799 года, и что Тюфякин действительно не оставил потомства. Иван Николаевич представил доказательства и был введен во владение. Он умер в 1872 году и по духовной завещал имение брату Владимиру Николаевичу. Однако в праве владения ему было отказано, так как 24 ноября 1872 года уже было признано право на имение за отставным подпоручиком Василием Ушаковым, поскольку имение рассматривалось как командорственное. Московская судебная палата окончательное решение от 5 марта 1876 года вынесла в пользу Владимира Ушакова (см.: Археологический процесс // Современные известия. 1876. 18 марта).

⁸⁷ РГИА, ф. 472, оп. 33, № 69, л. 2.

Перепархивая от удовольствия к наслаждению и от наслаждения к удовольствию,⁸⁸ Тюфякин дожил в Париже до преклонных лет. Последним днем жизни князя было 20 февраля 1845 года. Он страдал и был очень слаб. Друзья и знакомые приходили навестить угасающего старика. В числе прочих был директор оперы Луи Дезире Верон, посетивший Тюфякина перед самой кончиной. Напрягая остаток сил, князь с трудом выговорил, глядя на Верона: «А Плонкет...⁸⁹ Танцует ли она сегодня?» Это были его предсмертные слова.

Последний князь Тюфякин был похоронен на Монмартрском кладбище в Париже. Могила его сохранилась.

---

⁸⁸ Жизнь князя Тюфякина в те годы описана в романе в письмах П.П.Вяземского (1820–1888) «Письма и записки Оммер де Гель» (см. переизд.: М., 1990).

⁸⁹ По-видимому, подразумевается балерина Аделина Планкетт.

Страница из истории дворянского быта
Владимирской губернии XVIII века.
Движимое имущество князя П.И. Тюфякина,
полученное им от матери в 1788 году

Одной из важных составляющих литературных текстов XVIII века является присутствующий в них бытовой фон, или «вещный мир». Необходимость его изучения для адекватного понимания этих текстов, в том числе и произведений Г.Р. Державина, не вызывает сомнений.

Настоящая публикация является скромным вкладом в дело включения рассеянных по архивам описей дворянских усадеб в научный оборот.¹

В фонде № 253 (Ковровская дворянская опека) ГАВО находится описание имущества княгини Марии Александровны Тюфякиной (урожд. Долгорукой; 1749–1804), матери князя Петра Ивановича Тюфякина (1769–1845).²

Князь П.И. Тюфякин, сын князя Ивана Петровича Тюфякина (1740–1804) и княжны М.А. Долгорукой (1749–1804), был последним представителем рода князей Тюфякиных.³ Он начал службу в Семеновском полку, в 1793 году был назначен камер-юнкером двора великого князя Александра Павловича, через пять лет пожалован в камергеры, а в 1799 году уволен со службы и сослан Павлом I в Москву. В 1812 году стал вице-директором и присутствующим в Конторе театральной дирекции Императорских театров. В 1816 году был пожалован в гофмейстеры, а в 1819-м — назначен директором Императорских

---

¹ Тематически она продолжает сообщения, сделанные на конференциях прошлых лет (см.: Ковзун А.А. 1) Неизвестный документ о воспитании юного князя П.И. Тюфякина // Рождественский сборник. Ковров, 2002. Вып. IX: Материалы конференции «История в лицах» (выдающиеся уроженцы и деятели Владимирского края). С. 11–19; 2) О материнских имениях князя П.И. Тюфякина // Стародубский сборник. Ковров, 2005. Вып. 1. С. 83–89).

² Пользуемся случаем выразить признательность М.О. Мельцину за предоставление сведений о годах жизни М.А. Тюфякиной и А.М. Долгоруковой.

³ См.: Дворянские роды Российской империи. СПб., 1993. Т. 1: Князья. С. 187.

театров. Благодаря, в частности, его энергичной работе театры достигли своего расцвета. В 1821 году в результате интриг князь Тюфякин был уволен со службы и, обидевшись, уехал за границу, где и прожил до самой смерти. В 1841 году он был уволен от должности действительного камергера в звании гофмейстера и командора Мальтийского ордена. Жил в Париже напротив одного из театров, держал дом, где устраивал роскошные приемы. О популярности князя свидетельствует то, что он был предметом «постоянных печатных насмешек в мелких парижских журналах», хотя все парижане стремились попасть на его балы. Был женат на фрейлине Екатерина Осиповне Хорват (1777–1802), по матери приходившейся племянницей князю Плутону Зубову.⁴ Французы помнят о князе Тюфякине и берегут его могилу на Монмартрском кладбище в Париже (18-й округ Парижа, западнее площади Пигаль и Монмартрского холма). Над его могилой установлен обелиск, расположена она левее неоготической часовни, воздвигнутой над могилой княгини М. Солтыковой, урожденной Потоцкой.⁵

Имя П.И. Тюфякина косвенно связано не только с Золотым, но и с Серебряным веком русской культуры. Князь Тюфякин жил не в ковровских имениях своей матери (во Владимирской губернии), а в старинном родовом имении — сельце Петровском, ныне вошедшем в черту города Алексина, южнее

---

⁴ Подробнее см.: Русские портреты XVIII и XIX веков: Издание великого князя Николая Михайловича Романова. М., 2000. Т. 3. С. 179–182.

⁵ На этом кладбище похоронены, среди прочих, деятели литературы и искусства, так или иначе связанные с Россией, с ее культурой и историей. Отметим захоронения генерал-лейтенанта инженерных войск на русской службе Ж. Д. Базена (Bazaine, J. D.; 1786–1838), а также генерала от инфантерии, военного теоретика и историка барона А.-А. де Жомини (Jomini, A.H., baron, de; 1779–1869), бывшего на русской службе с 1813 по 1843 годы, адъютанта императора Александра I (1813), командующего русской армией в войне с турками (1828), создателя Военной академии в России (1832). В 1953 году на Монмартрское кладбище стараниями Сержа Лифаря был перенесен и ныне покоится там прах гениального танцовщика Вацлава Нижинского (1890–1950). Во время перезахоронения священник А.М. Карре сказал: «Он воссоединился с Богом своего Искусства, с Создателем всего сущего, давшего некоторым существам способность — вплоть до гениальности — выражать танцем ритмы, гармонии мира, а также, в радости или страдании, чувства людей и их возбужденные или угасшие страсти» (Ponfilly R., de. Guide des Russes en France. P., 1990. P. 229–230).

Тарусы. И этот дом, сменив на протяжении XIX века нескольких владельцев, перед революцией стал сдаваться под дачи, где и проводили лето многие деятели культуры и искусства того времени.⁶

В 1788 году князь Тюфякин вступил в управление движимым и недвижимым имуществом своей больной матери Марии Александровны, которое ранее находилось в опеке. О последнем факте довольно подробно сказано в описи, составленной в 1788 году на основании описи 1776 года, отражающей характерные черты быта княгини на рубеже третьей и четвертой четвертей XVIII века. Именно имущество матери, владелицы 1756 душ крестьян,⁷ позволило князю 25 лет безбедно жить в Париже (отец, судя по документам, никаких доходов, кроме офицерского довольствия, не имел).

Следует отметить, что это одна из наиболее подробных усадебных описей Владимирской губернии XVIII века, хранящихся в ГАВО. Данный документ является ценным историческим источником, позволяющим изучать различные стороны материальной (и не только материальной) культуры того времени. Он может представлять интерес для филологов-лингвистов, историков быта,

---

⁶ В 1913 году летом там жили и работали композитор А.Н. Скрябин и поэт Ю.К. Балтрушайтис с семьями. Скрябин писал там свою десятую сонату (op. 70) и поэму «Vers la flamme» (op. 72), а также начал работу над текстом «Предварительного действия». К ним в гости приезжали музыкальный критик и композитор Л.Л. Сабанеев, актер и пианист-любитель А.А. Подгаецкий, художники Н.В. Шперлинг и Н.П. Ульянов. Летом 1914 года в усадьбе поселились для отдыха и работы и встретили начало Первой мировой войны поэты Балтрушайтис, Вяч. Иванов и Б.Л. Пастернак, переведивший там пьесу «Разбитый кувшин» Г. фон Клейста, а также художник Николай Ульянов и писатель и искусствовед Павел Муратов. Рядом, в Тарусе, К.Д. Бальмонт переводил «Сакунталу» Калидасы (этом спектаклем 12 декабря 1914 года открылся Камерный театр в Москве). Жизнь в Петровском оставила глубокие следы в душе Б.Л. Пастернака, этому времени он посвятил по отдельной главе в обеих своих автобиографиях — «Охранной грамоте» (1931) и очерке «Люди и положения» (1956, публ. 1967). Впечатления от Петровского во время объявления войны легли в основу его «Трех глав из повести». Вяч. Иванов посвятил этой усадьбе два цикла — «На Оке перед войной» и «Петровское на Оке». Первые три стихотворения первого цикла были написаны там же, а четвертое — уже в Риме, в 1937 году, и впервые опубликовано в 1957 году в журнале «Oxford Slavonic Papers». Впервые оба цикла в полном виде были напечатаны в оксфордском сборнике стихов Вячеслава Иванова «Свет вечерний» (1962).

⁷ По состоянию на 1776 год. См.: ГАВО, ф. 253, оп. 1, № 359, л.12.

искусства и культуры, не говоря уже о специалистах по краеведению. Дополнительная ценность этой описи может обнаружиться при сравнении ее с другими описями усадеб XVIII столетия (например, с теми, что время от времени публикуются в ежегоднике «Памятники культуры. Новые открытия»⁸), ибо это будет способствовать выявлению общего и особенного и, тем самым, специфики усадьбы.

Опись хорошо структурирована и составлена в соответствии с бытовавшими в то время нормами. Начинается она с перечисления икон, а завершается перечнем документов домашнего архива княгини. После записей об иконах следует список ювелирных украшений, а затем — серебряной посуды и одежды. Отдельно отмечены унаследованные княгиней Тюфякиной вещи Аграфены (Агриппины) Михайловны Долгоруковой (1711 или 1712 — 1775). Далее указаны мебель, простая посуда, включая хрусталь, и вещи, находящиеся при конюшне.

В перечне икон можно наблюдать следующее их распределение. Образ Спаса — 1, образов Богородицы — 14, образ архангела Михаила — 1, образов святых — 10. Большим разнообразием отличается иконография Богородицы: это Богоматерь Тихвинская, Ахтырская (2 образа), Живоносный Источник, «Страшная»,⁹ Умягчение злых сердец, Смоленская, Всем скорбящим,¹⁰ Казанская, Взыскание погибших, «Яже помогает женам дети родити», Рудневская, Утоли мои печали, Каплуновская, а также икона Рождество пресвятой Богородицы. Из святых княгиня почитала Николая Чудотворца, Димитрия Ростовского (4 образа), Иоанна Воина, Порфирия, преподобную Марию, Георгия, Нифонта, а также печерских святых. Из 24 икон одна в медном

---

⁸ См., например: Байбутова Р.М. Богатый дворянский дом 40-х годов XVIII века: Внутреннее устройство, убранство, вещи (на примере домов братьев Кантемиров) // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1994. М., 1996. С. 409–444. Публикуются описи 1747 и 1749 годов, делается попытка реконструкции основных черт быта.

⁹ То есть Страшная.

¹⁰ То есть Всех скорбящих Радость.

окладе, пять без окладов, две без указания на наличие или отсутствие окладов, остальные, то есть большинство, в серебре — как правило, позолоченном. У трех икон в окладах, ризах и венцах имелись драгоценные камни. Кроме живописных икон у княгини были иконы резные, литые из серебра (образки), одна икона финифтяная (то есть эмалевая).

Помимо икон в этом разделе упомянуты золотой и серебряный кресты с мошами, а также убрус на образ Спасителя, низанный жемчугом по розовому атласу.

Очень богатым представляется список ювелирных украшений, которыми владела княгиня (59 позиций описи). Их стоимость колеблется от 50 копеек до 1400 рублей. Репертуар драгоценных камней отражает моду и личные пристрастия княгини. Это бриллианты, изумруды, яхонты, горный хрусталь, неопределенные камни красного, розового и голубого цвета. Отметим перламутр и жемчуг. Последний традиционно подразделялся на собственно жемчуг (русский северный, речной) и на бурмицкие зерна (жемчуг южных морей). В количественном отношении на первом месте стоят изделия с бриллиантами, за ними следуют изделия из бриллиантов в сочетании с другими камнями (яхонтами, изумрудами), далее идет горный хрусталь (как имитация бриллиантов) и жемчуг. Упоминаемый в описи «перстень антик» является, скорее всего, модной камеей в античном стиле. Данью моде и сентиментализму является и перстень с волосами. Более традиционным материалом являются финифть и бисер. В ювелирных украшениях княгини наблюдается употребление различных сочетаний камней: это бриллианты с изумрудами, бриллианты с яхонтами, жемчуг с камнями. Княгиня обладала ювелирными изделиями различного предназначения. Это были вещи для вечернего туалета, в которых можно было быть представленной ко двору: кольцо из 101 бриллианта, бриллиантовые же перо, роза, звездочка, серьги, крестик. Более обыденными украшениями являлись кольца и перстни. К бытовым можно отнести

различного рода коробочки, нюхательницу, крючки, петли, пуговицы, замки, гребни, булавки. Более индивидуальный характер носили загадочные «фигуры» и жемчужный складень. Суммарная стоимость этих ювелирных украшений по ценам того времени составила 5022 рублей 45 копеек.

Что касается серебряной посуды княгини, то общий вес ее составил 1 пуд 10 фунтов 23 золотника, то есть 20 килограммов 630 граммов. Это (кроме супницы) различные блюда, лотки, подносы, ложки, а также кофейник, чайник, молочник, укуслик, сахарницы, два двойных шандала.

Перечисленное далее в описи платье было с начала опекуинства отдано самой княгине опекунами, а затем, скорее всего по ветхости, ею употреблено следующим образом: частью перешито, частью отдано дворовым девушкам, частью в церковь села Трубино на ризы. Последнее употребление говорит о бережливости и практичном подходе владелицы. Оно являлось вполне обычным делом, о чем свидетельствуют дошедшие до нашего времени церковные предметы из разных собраний. Из имеющихся «на лицо» в описи упомянуты лишь шуба, ковер и золотые петли, остальные вещи изношены и/или отданы. Репертуар тканей таков: бархат, штоф, гродетур («гарнитур»), парча, глазет, атлас, тафта.

Далее в описи следует полученная княгиней в 1786 году часть унаследованного имущества княжны А.М. Долгоруковой. Кроме икон и столовой посуды, в том числе серебряной и медной, в числе этого имущества также имеются одежда и ткани. Из одежды перечислены юбка, епанечка, сорочки, шугай. Из тканей значатся тафта, «перюснеевая» ткань, атлас, бархат, ситец, полотно, набойка и пестрядь. Примечательны три последних вида ткани, как наиболее дешевые и свойственные, скорее, крестьянскому быту.¹¹ У

---

¹¹ В стихотворении «Евгению. Жизнь Званская» Державин описывает свою светлицу, «в которой к госпоже, для похвалы гостей, / Приносят разные полотна, сукна, ткани, / Узорны образцы салфеток, скатертей, / Ковров, и кружев, и вязаний». Сопоставление данных видов тканей, производившихся в имении Державина, с означенными в описях Званки (см.:

А.М. Долгоруковой набойки (скорее всего, масляной, а не кубовой) было 17 аршин, а также три сделанные из нее занавески. «Пестряди затрапезной» имелось 11 аршин, а холстов — 140.

После перечня имущества, полученного от Долгоруковой, следует опись мебели, посуды, экипажей и различных мелких предметов хозяйственного назначения.

Из мебели княгиня имела 3 комода, 2 зеркала, 3 стола, 1 кресло. В списке посуды подробно перечислены тарелки, блюда, чашки, рюмки и пр. Посуда керамическая, медная, фарфоровая, хрустальная, железная. Интересно наличие английской керамики (скорее всего, фаянса). Посуда для приготовления пищи — медная и железная. На стол подавалась английская керамическая посуда, серебро и хрусталь. Для хранения домашних заготовок в погребе находились деревянные емкости (кадки, бочки и пр.).

Опись конюшни показывает, что у княгини были лошади (4), кареты (2), дрожки (1), телега (1), дровни (3).

Заключает опись список письменных документов — купчих и прочих бумаг домашнего архива княгини. В документах упоминаются населенные пункты — села Трубино, Лежнево, Дуднево и Бор. Из лиц упоминаются сама княгиня М.А. Тюфякина, а также капитанша Аграфена Немцова, помещица Анна Петровна Афонасьева, майор Ерышкин, прапорщик Макаровский и его жена Матрена, капральша Мошинцова, прапорщица Федосья Титова, жена и сестра копииста Брянцова, Кисленский, вдова Мясоедова, поручик Радищев, солдат

Морозова Е. В. «Все имущество» села Званка в 1827 году (описи и реестры) // Г.Р. Державин и его время: Сб. науч. ст. СПб., 2009. Вып. 5. С. 90–113; Дзюбанов С.Д. «Реестр, что продать» (1789–1791) как источник для реконструкции державинского быта тамбовского периода // Там же. С. 49–66; Морозова Н.П. Из истории державинского быта (к вопросу о перечне предметов, отправленных из оренбургского имения Державиных в Петербург в 1791 году) // Там же. С. 67–79) и княгини Тюфякиной как раз и показывает степень их семиотической выделенности, которую более или менее точно можно будет определить лишь в контексте большого числа прочих описей того времени.

Лушихин, подпоручик Тихменев, секунд-майор Ржевский, купец Селогубов, регистратор Мальгин, курьер Степанов, подпоручик Темешов, поручик Кашинцов, титулярный советник Львов, надворная советница Плюскова, подпоручик Манеевский, полковник Раевский, подпоручик Радищев, батырщик Иванов, князь Александр Михайлович Долгоруков, князь Иван Петрович Тюфякин, князь Щербатов, бурмистр Павел Матвеев, бурмистр Волков, бурмистр Дьяконов, опекуны Иван Молчанов и Петр Плюсков, князь Петр Иванович Тюфякин.

Обращает на себя внимание отсутствие в домашнем быту княгини музыкальных инструментов, нот и книг, а также предметов изобразительного искусства.

Публикуемая по подлинной рукописи ¹² часть описи воспроизводится с сохранением орфоэпических, орфографических и синтаксических норм XVIII столетия. Для удобства пользователей перед каждой позицией описи в угловых скобках дан их порядковый номер.

Опись, что отдано

**бывшими над именем Двора ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА
Господина действительного камергера князь Ивана Петровича Тюфякина,
супруги ево княгини Марьи Александровны опекунами:
статским советником Молчановым и надворным советником Плюсковым,
по насланному из ковровской дворянской опеки указу,
сыну оной княгини Тюфякиной лейб-гвардии сержанту
князь Петру князь Иванову сыну Тюфякину**

---

¹² См.: ГАВО, ф. 253, оп. 1, № 359, л. 129 — 143 об. (л. 146 — 160 об. ст. паг.). Во время работы автора с делом архивные работники удалили пустые листы и соответственно изменили пагинацию.

**движимаго оной матери ево имени,
и что им принято с оценкою,
о том значит под сим**

Образов божиих, окладных и не окладных.

А ИМЯННО.

№

<1> 1. Нерукотвореннаго Спаса в окладе серебряном вызолоченном, венец такой же, привез¹³ малинькой образ с мощами, с жемчугом и с камнями, весь серебряной вызолочен, у венца привешено два червонца.

<2> 2. Пресвятая Богородицы Тихвенския, оклад и риза серебряныя вызолочены, венцы с камнями, привес серга жемчужная.

<3> 3. Пресвятая Богородицы Ахтырския, риза и венец серебряные вызолочены, венец с камнями.

<4> 4. Образ малинькой пресвятая Богородицы Живоносныи Источник, риза и венец серебряныя и вызолочены.

<5> 5. Образ Николая Чудотворца, риза и венец серебряныя вызолоченные, привес две серги жемчужныя.

<6> 6. Образ Димитрия митрополита Ростовскаго чудотворца, риза и венец серебряные вызолочены.

<7> 7. Образ малинькой Страшныя (так! — *А. К.*) Богородицы, оклад и венец серебряные вызолоченные.

<8> 8. Образ малинькой архангела Михаила, оклад и венец серебряные вызолочены.

<9> 9. Образ малинькой пресвятая Богородицы Умягчение злых сердец, риза серебряная ковкая вызолочена.

---

¹³ Так в источнике. Подразумевается: привес.

- <10> 10. Складни серебряные малинькие пресвятыя Богородицы Смоленския в оправе серебряной.
- <11> 11. Образ малинькой Иоанна Войственника, риза серебряная вызолочена, в футляре серебряном решетчетом, к нему затворы серебрянныя ж.
- <12> 12. Складни малинькия красного дерева в медной оправе, в середине образ пресвятыя Богородицы всем скорбящим, по правую сторону образ Казанския пресвятыя Богородицы, по левую сторону преподобных печерских.
- <13> 13. Образ малинькой святого Порфирия, риза серебряная вызолочена.
- <14> 14. Образ Дмитрия Ростовскаго малинькой весь серебряной, половина дски разломлена и потеряна.
- <15> 15. Образ малинькой пресвятыя Богородицы Взыскание погибших без окладу.
- <16> 16. Образ Дмитрия Ростовскаго без окладу.
- <17> 17. Образ пресвятыя Богородицы, яже помогает женам дети родити без окладу.
- <18> 18. Образ преподобныя Марии без окладу.
- <19> 19. Образ Рождества пресвятыя Богородицы без окладу.
- <20> 20. Образ малинькой круглой Георгия резной деревянной.
- <21> 21. Крест серебряной с мощами.
- <22> 22. Крест золотой с мощами малинькой.
- <23> 23. Образ малинькой финифтянной в оправе серебряной Дмитрия Ростовскаго.
- <24> 24. Образ малинькой пресвятыя Богородицы Рудневской круглинькой на серебре.
- <25> 25. Образ круглинькой малинькой, на одной стороне пресвятыя Богородицы утолмыя (так! — *А. К.*) печали, а на другой стороне преподобный Нифонт.

<26> 26. Образ малинькой круглинькой, с одной стороны Ахтырския Богородицы, а с другой пресвятыя Богородицы Каплуновской.

<27> 27. Убрус низаной жемчужной по отласу розовому на Спасителей образ.

Бралиантовых вещей, жемчугу и прочаго

по оценке рубли копейки ¹⁴

А ИМЯННО.

<28> 1. Перо бралиантовое, к нему бантик составляет из четырех штук: из дву больших, из дву малиньких, в одной малой штуке дву камешков нет, шалнеры изломаны. — В тысячу триста рублей 1300 =

<29> 2. Розен от дафина бралиантовой. — Триста рублей 300 =

<30> 3. Звездочка бралиантовая. — Восемдесять рублей — 80 =

<31> 4. Серги бралиантовые с бантами и с подвесками, шалнеры испорчены — В тысячу сто рублей. — 1100 =

<32> 5. Крестик бралиантовой. — В тридцеть рублей — 30 =

<33> 6. Кольцо бралиантовое. — В дватцеть пять рублей — 25 =

<34> 7. Три нитки бралиантовых, в них камней счетом сто один, к ним сердечко бралиантовое. — Тысяча четыреста рублей. — 1400 =

<35> 8. Серги изумрудныя с подвесками и с манинькими бралиантками. — В дватцеть рублей. — 20 =

<36> 9. Серги перламутровыя оправлены в серебре. — Рубль пядесят копеек 1=50

<37> 10. Складень яхонтовой в оправе золотой, в нем пятнадцать штук. — Сорок рублей. — 40 =

---

¹⁴ Справа в рукописи отчерчены две графы, куда колонками внесены цифровые обозначения стоимости вещей, а в некоторых случаях — еще две графы для обозначения размерности материалов. В наст. публикации данная информация отделена от основного текста описи знаком «тире» (—).

<38> 11. Перстень изумрудной зеленой осыпан бралиантами. — Сто пятьдесят рублей — 150 =

<39> 12. Перстень бралиантовой грушою, и в середине с малинками яхонтами. — Сто рублей — 100 =

<40> 13. Перстень яхонтовой красной осыпан мелкими бралиантами и яхонтами. — Двадцать пять рублей — 25 =

<41> 14. Перстень антик, осыпан мелкими бралиантами. — Двадцать пять рублей — 25 =

<42> 15. Перстень золотой с грушою изумрудною зеленой и с двумя малинькими бралиантиками, и с надписью на кольце. — Рубль — 1 =

<43> 16. Перстень золотой с волосами и с вензелем. — Три рубли — 3 =

<44> 17. Перстень золотой с краснинкою грушкой и с двумя малинками бралиантиками и с надписью на кольце. — Три рубли — 3 =

<45> 18. Перстень золотой с финифтью, с большим изумрудным зеленым камнем и с двумя малинькими яхонтовыми камешками. — Два рубли — 2 =

<46> 19. Перстень золотой в оправе серебряной с розовым камешком, по борту многиг камешков нет. — Двадцать пять рублей — 25 =

<47> 20. Перстень золотой яхонтовой и с манинькими бралиантиками. — Десять рублей. — 10 =

<48> 21. Перстень золотой без камня с одною фольгою. — Тритцетъ копеек = 30

<49> 22. Перстень золотой в серебряной оправе без камней. — Пятдесят копеек = 50

<50> 23. Два кольца золотых обручалных и с надписью. — Семь рублей — 7 =

<51> 24. Три колечка золотых сделаны изгибами, одно переломлено. — Рубль — 1 =

<52> 25. Сердечко золотое с бантиком и с двумя цепочками, одна цепочка порвана. — Рубль двадцать пять копеек. — 1 = 25

- <53> 26. Голубь серебряной вызолочен с розами и с финифтью. — Два рубли с полтиною — 2 = 50
- <54> 27. Голубь серебряной с бантиком и с хрустальными. — Двадцать пять копеек = 25
- <55> 28. Бек¹⁵ хрустальной в серебряной оправе. — Рубль — 1 =
- <56> 29. Два крючка хрустальные в серебряной оправе. — Пятдесят копеек = 50
- <57> 30. Две петельки хрустальные в серебряной оправе. — Пятдесят копеек = 50
- <58> 31. Нюхальница серебряная вызолочена. — Два рубли 2 =
- <59> 32. Медаль золотая, величиной в рублевик. — Тритцетъ рублей 30 =
- <60> 33. Часы золотые, на часовой доске в один ряд осыпано бралаиантиками, к ним цепочка золотая с ключиком и одною малинькою фигуркой, петелка одна поломана, да к ним же футляр зеленой хазовой. — Семдесят рублей 70 =
- <61> 34. Коробочка серебряная чеканная вызолочена круглая с крышкою. — Четыре рубли — 4 =
- <62> 35. Коробочка круглая решетчатая с крышкою поменьше. — Рубль пятдесят копеек 1 = 50
- <63> 36. Коробочка серебряная решетчатая круглая с крышкою надломленною. — Рубль 1 =
- <64> 37. Сурмильница старинная жемчужная с разными камешками, с обеих сторон несколько камней нет. — Десять рублей — 10 =
- <65> 38. Готовальня серебряная изломанная решетчатая с голубым бисером. — Рубль — 1 =
- <66> 39. Готовальня лаковая с оправою серебряною изломана, в ней пять штук изломанных. — Пятдесят копеек — = 50
- <67> 40. Крест золотой с четырьмя камешками. — Десять рублей — 10 =

---

¹⁵ Скорее всего, острый наконечник или крючок (от франц. bec).

- <68> 41. Каменьев яхонтовых красных шесть в оправе серебряной вызолоченной. — Три рубли — 3 =
- <69> 42. Два камешка: один зеленой, а другой голубой. — Восемь рублей — 8 =
- <70> 43. Шесть бурмицких зерен худых. — Двадцать копеек — = 20
- <71> 44. Разных камешков двадцать четыре. — Двадцать пять копеек — = 25
- <72> 45. Подвеска серебряная с финифтью, в середине синей камень, а кругом белья камешки. — Шесть рублей — 6 =
- <73> 46. Пуговиц разных каменных и серебряных старинных малиньких сорок три. — Десять рублей — 10 =
- <74> 47. Две пуговицы большие с финифтью и с камешками, двух камешков нет. — Пять рублей — 5 =
- <75> 48. Фигура финифтенная в ней камешков малиньких восемь, аверху большова камня нет. — Пять рублей — 5 =
- <76> 49. Фигура серебряная вызолочена с финифтью, малиньких камешков в ней семь красных. — Шездесят копеек. — = 60
- <77> 50. Фигура круглая с розами серебряная вызолочена. — Рубль 1 =
- <78> 51. Три фигурки золотых от склаважу без камешков. — Десять копеек = 10
- <79> 52. Замок браслетовой серебряной с хрустальями. — Десять копеек — = 10
- <80> 53. Четыре пуговицы хрустальных, из них две в серебряной оправе. — Двадцать копеек. = 20
- <81> 54. Гребень серебряной шиньонной. — Пятдесят копеек. = 50
- <82> 55. Перешник золотой. — Двадцать рублей 20 =
- <83> 56. Складень жемчужной, у онаго складня бант о пяти петельках, жемчугу много распущено и потеряно. — Пятдесят рублей — 50 =
- <84> 57. Серги жемчужныя с подвесками и с бантиками в серебряной оправе, у одной серги оборки нет. — Двадцать рублей — 20 =
- <85> 58. Булавок жамчужных с бурмицкими зернами шесть. — Двадцать рублей 20 =

<86> 59. Булавок жемчужных серебряных малиньких шесть, у одной булавки жемчугу многова нет. — Десять рублей — 10 =

Серебряной посуды и прочаго серебра.

А ИМЯННО.

<87> — Чаша суповая с крышкою одна, в ней весу —” — 6 фунт:

53 золот<ника>. ¹⁶

<88> — Лоток под жаркое один, в нем весу —” — 2 — 84 золо<тника>:

<89> — Блюд круглых граненых четьре, в них весу —” — 7 —

90 золо<тников>:

<90> — Квадратов граненых четьре, в них весу —” — 6 — 62 золо<тника>:

<91> — Поднос большой один, в нем весу —” — 3 — 24 золо<тника>:

<92> — Шенданов двойных два, в них весу —” — 5 — 48 золо<тников>:

<93> — Лахань, весу —” — 3 — 88 золо<тников>:

<94> — Кофейник, в нем весу —” — 1 — 95 золо<тников>:

<95> — Чайник, в нем весу —” — 1 — 30 золо<тников>:

<96> — Молошник —” — 1 — —

<97> — Укусусник, горчишница с ложичкой, в них весу —” — 1 —

7 золо<тников>:

<98> — Две сахарницы, в них весу —” — 89 золо<тников>:

<99> — Ложек новых шесть, в них весу —” — 1 фун<т>: — 2 золо<тника>:

<100> — Череньев ножевых и вилочных дюжина, в них весу — 2 —

72 золо<тника>:

<101> — Два подноса, в них весу — 84 золо<тника>:

<102> — Три солонки, в них весу — 30 1/2 золо<тника>:

<103> — Ложек старых восемь, весу — 1 фун<т>: 20 золо<тников>:

---

¹⁶ Здесь и далее первая цифра означает фунты, вторая — золотники. В тексте слово «фунт» написано над первой цифрой.

<104> — Чайных ложек семь, весу —”— 20 золо<тников>:

<105> — Лошка суповая, весу —”— 35 золо<тников>:

<106> — Две соусные лошки, в них весу —”— 49 золо<тников>:

Всего серебра весом один пуд десять фунтов двадцать три золотника —”—

1 пуд: 10 фу<нтов>: 23 золо<тника>:

<107> да особливо еще чашка чеканная с крышкой, весом ¹⁷

Платья разнаго.

А ИМЯННО.

оное платье и белье, как еще с начала

опекунства отдано было для

употребления самой княгине Марье

Александровне, то в продолжение всего

времени опекунства

по ныне ею ж самой отдано:

Рабронтов.

<108> 1. Бархатной темноалой, выложен соболями на одной поле и на рукавах.

— Оной рабронт в церкву в село Трубино на ризы.

<109> 2. Штофной пестрой с полосами, выкладка с синельными блондами с бахромкой и с цветочками. — Тож отдан в церкву.

<110> 3. Гранитуровой пекень <?> белой с цветочками, выкладка из золотой сетки и с цветочками, к нему от робы рукава и лацкен такой же материи с золотою сеткою. — Отдан ею ж девушкам ее Матрене и Анне.

<111> 4. Парчавой серебряной с цветочками. — В церкву в село ж Трубино.

<112> 5. Гаргурановой полосатой новой и с юбкою. — Переменено другим.

---

¹⁷ Далее пропуск.

<113> 6. Руское платье гранитуровое розовое с серебряною сеткою, к нему рукава из серебряной сетки, а юбка газетовая белая выложена соболями. — Перешито в сертук.

<114> 7. Отласу полосатаго белаго с голубым кусок, мерою восемнадцать аршин. — Отдано девушке Анне.

<115> 8. Тафты двулишниковой кусок, мерою двадцать три аршина, еще кусок полтора аршина. — Употреблена на платье.

<116> 9. Ковер шелковой шитой. — Есть на лице.

<117> 10. Петлиц золотых семь пар, в том числе три пары больших и четыре малиньких. — Есть.

<118> 11. Шуба вендерка порчава стеганая на вате серебряная с нашивками золотыми. — Есть.

Белья.

<119> 1. Скатертей комчатных немецких две. — Есть.

<120> 2. Салфеток комчатных три дюжины и четыре салфетки. — Есть.

<121> 3. Скатертей ткацких десять. — Есть.

<122> 4. Салфеток ткацких четыре дюжины. От употребления ныне ветхи. — Есть.

Принятых из государстве юстиц коллегии по оценке разных вещей

в <1>786-м году, следуемых на часть княгине Марье Александровне Тюфякиной после княжны Аграфены Михайловны Долгоруковой.¹⁸

№

А ИМЯННО.

<123> 1. Образ Казанския Богородицы, оклад и риза серебряная вызолочена с жемчугом, в оценке пятнадцать рублей. — 15

<124> 2. Семь образов разных без окладу и без оценки.

---

¹⁸ Справа начинаются графы: рубли, копейки, фунты, золотники, аршины, вершки.

- <125> 3. Тафты волнистой кусок двадцать пять аршин с половиною, восемнадцать рублей двадцать копеек. — 18. 20 — — 25 1/2 —
- <126> 4. Юбка с кофтою тафтяные клетчатые в десять рублей. — 10 — — — — —
- <127> 5. Епанечка перюснеевая на меху в один рубль. — 1 — — — — —
- <128> 6. Зеленого отласу в два рубли, два аршина пять вершков. — 2 — — — — 2.
5
- <129> 7. Бархату рытаго в три рубли один аршин шесть вершков. — 3 — — — —
1. 6.
- <130> 8. Пестреди затрапезной в три рубли двенадцать копеек одиннадцать аршин. — 3. 12. — — 11 —
- <131> 9. Семь холстов, <ценою>¹⁹ ценою семь рублей сто сорок аршин. — 7 — — — — 140 —
- <132> 10. Четыре сорочки полотняные, в четыре рубли двадцать четыре копейки. — 4. 24. — — — — —
- <133> 11. Салфеток три куска, в них сорок две салфетки. — 4. — — — — —
- <134> 12. Пряжи сорок талек в два рубли. — 2 — — — — —
- <135> 13. На муштук прибор медной вызолоченной, в три рубли. — 3 — — — — —
- <136> 14. Набойки красной в один рубль семьдесят копеек семнадцать аршин. — 1 70 — — 17 —
- <137> 15. Шугай ситцовой в один рубль. — 1 — — — — —
- <138> 16. Три зановески набойчатые в пятьдесят копеек. — 50 — — — — —
- <139> 17. Чайник китайской меди в два рубли. — 2 — — — — —
- <140> 18. Чашка деревянная с серебром в один рубль. — 1 — — — — —
- <141> 19. Две чашки яшмовые в два рубли. —

---

¹⁹ Так в рукописи.

<142> 20. Шесть чашек граненых оправленных серебром, в один рубль пятьдесят копеек. 1. 50 — — — —

<143> 21. Две чашки цветные в пятьдесят копеек. — 50 — — — —

<144> 22. Кувшинчик белой цветной в один рубль. — 1 — — — —

<145> 23. Кувшинчик желтой в двадцать пять копеек. — 25 — — — —

<146> 24. Чашечка с блюдечком чайная с золотыми цветочками в десять копеек. — 10 — — — —

<147> 25. Чашка ореховая резная в пятьдесят копеек. — 50 — — — —

<148> 26. Чашечка черная яшмовая продолговатая с серебром в один рубль. — 1 — — — —

<149> 27. Лягушка в двадцать пять копеек. — 25 — — — —

<150> 28. Серебра девять ложек столовых, весом один фунт пятьдесят семь золотников. — 1. 57 — — — —

<151>. Соусная ложка сорок один золотник. — — — — 41 — —

<152>. Солонка, в ней весу семьдесят три золотника. — — — — 73 — —

<153>. Восемь столовых приборов, весу два фунта шестьдесят золотников. — — — 2. 60 — —

По оценке на восемьдесят три рубли семьдесят пять копеек. — 83. 75 — — — —

<154> 29. Оловянной посуды: две чашки суповые, двенадцать блюд, одна передача на двенадцать рублей двадцать пять копеек. — 12. 25. — — — —

Всего оной посуды пуд тридцать фунтов.

Имеющейся при доме ее сиятельства всякой мебели, посуды, экипажей и прочаго.

А ИМЯННО.

<155>. Камод красного дерева один ветхой.

- <156>. Два камода ветхие красного дерева.
<157>. Зеркало в серебряных рамах разбито.
<158>. Зеркало листовое из камода.
<159>. Стол большой с полами простова дерева.
<160>. Танбурной стонок красного дерева.
<161>. Стонок штучной полукруглой ветхой.
<162>. Одне креслы красного дерева.
<163>. Малинькой ящичек штучной, внутри обито бархатом и всякие в нем фигуры.

Разной старой посуды столоваго прибора.

- <164>. Ножей десять пар ветхие.
<165>. Тарелок англинских глубоких три.
<166>. Мелких восемь.
<167>. Круглое блюдо одно.
<168>. Солонка глиненная одна.
<169>. Сахарница одна.
<170>. Две чашки белые глиненные ветхие.
<171>. Шенданов медных семь, из коих один ветхой.
<172>. Щипцы железные.

Хрустальной посуды.

- <173>. Рюмок пивных семь.
<174>. Водочных малиньких четыре.
<175>. Ардинарная рюмка одна.
<176>. Два стакана.
<177>. Збитница.
<178>. Укусник.

Чайного прибора.

- <179>. Черной чайник большой медной.

- <180>. Малой чайник черной ветхой медной же.
- <181>. Кофейник медной ветхой один.
- <182>. Сливочных кострюлек две без крышек: одна по больше, а другая по мене.
- <183>. Чайных фарфоровых синих чашек две.
- <184>. Чайник белой английской глиняной ветхой один.
- <185>. Три подноса: два жестяных а третей большой красного дерева.

Вновь купленной английской глиняной посуды.

- <186>. Суповая чашка с крышкою одна.
- <187>. Для холодного чашка с крышкою одна.
- <188>. Два соусника с крышками.
- <189>. Два лотка больших продолговатых.
- <190>. Два лотка средних.
- <191>. Два блюда круглых больших.
- <192>. Два блюда средних круглых.
- <193>. Два не большия салатника.
- <194>. Тарелок глубоких две дюжины.
- <195>. Мелких две дюжины.
- <196>. Чашек чайных фарфоровых синих полдюжины.
- <197>. Белой чайник глиняной английской.
- <198>. Кофейник медной турецкой да щипцы стальные.

Хрустальной посуды.

- <199>. Сахарница одна.
- <200>. Перешница одна.
- <201>. Горчишница одна.
- <202>. Две солонки.
- <203>. Шесть рюмок ординарных.
- <204>. Шесть стаканов.

<205>. Полсотни бутылок ардинарных.

<206>. Англинских столовых ножей дюжина.

При кухне медной поваренной посуды.

<207>. Котел большой один, несколько ветх.

<208>. Котлик не большой английской.

<209>. Кастрюль с крышками девять ветхие.

<210>. Формачек средних и малиньких десять.

<211>. Шумовка чумичка, а во всем оном весом два пуда восемнадцать фунтов.

<212>. Ковшик железной.

<213>. Две сковороды ветхие.

<214>. Вафлинная доска.

<215>. Таган, сошки и вертел железные.

В погребѣ деревянной посуды.

<216>. Получан.

<217>. Кадок больших и средних девять.

<218>. Бочек и боченков семь.

<219>. Воронка деревянная, что квас сливают.

<220>. Ендова медная.

<221>. Две воронки жестяныя.

При конюшне.

<222>. Четыре лошади вороные.

<223>. Карета большая четверместная, обита диким сукном английская на ресорах с бронзой и под ней зимней ход, на уходе зимние цепи потеряны.

<224>. Карета малинькая двуместная, обита диким трипом.

<225>. Хомутов новых четыре, четыре узды, четыре недоустка, двои возжи плетеные, седло и с потником.

<226>. Шесть хомутов старых ветхие, двои возжи, седло ветхое.

<227>. Разъездныя дрошки обиты кожею с местечком.

<228>. Роспусковых колес кованых два стана, из них одно колесо утрачено.

<229>. Телега без колес с осями новая.

<230>. Роспуски без колес с осями.

<231>. Трое дровень ветхие.

<232>. Гирь чугунных восемь пуд тридцать фунтов.

<233>. Коромысло железное с досками.

Письменных дел: как то подлинных купчих и прочих разных бумаг.

№

А ИМЯННО.

<234> 1. Подлинный росписание отдельные на село Трубино, что на часть княгине Марье Александровне досталось.

<235–239> 2. Пять купчих писанныя. 1^я <1>765ГО года от капитанши Аграфены Немцовой. 2^я <1>766ГО года от костромской помещицы вдовы Анны Петровой дочери Афонасьевой. 3^я <1>771ГО года от майора Ерышкина. 4^я <1>758ГО года прапорщика Макарскаго от жены ево Матрены, да от капральши Мощинцовой. 5^я <1>771ГО года прапорщицы Федосьи Титовой.

<240> 3. Из Трубина разных рапортов и разных домовых всяких черных бумаг, писанных на 61^М листе.

<241> 4. Из Лежнева разных рапортов писанных на 16^{ТИ} листах.

<242> 5. Копия с дела копииста Брянцова жены и сестры за проданное имение от Кисленскаго, княгине Тюфякиной, на 4^Х листах.

<243> 6. Копия с промемории из костромской межевой канцелярии в вотчинную коллегию на 6 листах.

<244> 7. В селе Лежневе по производившимся о пустошах спорам и о представлении об оном, на 9^{ТИ} листах.

<245–260> 8. Подлинных купчих разных, писанных на имя княгини Марьи Александровны шеснаццать.

<245> 1я. 1780ГО года от вдовы Мясоедовой.

<246> 2. <1>779 года от порутчика Радищева.

<247> 3. <1>779 года от солдата Лущикина.

<248> 4. <1>778 года от подпорутчика Тихменева.

<249> 5. <1>778 года от секунд-майора Ржевского.

<250> 6. <1>775 года от купца Селогубова.

<251> 7. <1>773 года от регистратора Малыгина.

<252> 8. <1>772 года от курьера Степанова.

<253> 9. <1>785 года от подпорутчика Темешова.

<254> 10. <1>779 года от порутчика Кашинцова.

<255> 11. <1>779 года от титулярнаго советника Львова.

<256> 12. <1>782 года от надворной советницы Плюсковой.

<257> 13. <1>783 года от подпорутчика Манеевскаго.

<258> 14. <1>783 года от полковника Раевского.

<259> 15. <1>784 года от подпорутчика Радищева.

<260> 16. <1>759 года <от> типографии батырщика²⁰ Иванова.

<261> 9. Разные плаченные княгинины счета и опекунския резолюции о тех выдачах на 14 листах писанных.

<262> 10. Два патента князь Александр Михайловича Долгорукова.

<263> 11. Тетрадь записная посылаемым приказам в Трубино и село Лежнево на 4^х листах.

<264> 127 Из села Трубина разных рапортов на 22^х листах.

<265> 13. Указ правительствующаго Сената, и письмо князь Ивана Петровича, с приложением ведомости о требовании на содержание сына ево, на 4^х листах.

---

²⁰ *Батырщик* — типографский работник, делающий оттиски с набора.

- <266> 14. Ревизская скаска села Лежнева с деревнями.
- <267> 15. Росходы собственные княгини Марьи Александровны, на 50^{ТИ} листах.
- <268> 16. Разных черных прошений, на 4^Х листах, с купчей копия на 1^М листе, трубинских рапортов на 15^{ТИ} листах, с рекрутских квитанций копии на 3^Х листах.
- <269> 17. Лежневских рапортов на 133^Х листах.
- <270> 18. Лежневских же рапортов на 20^{ТИ} листах.
- <271> 19. Домовья разныя записки и черныя дела на 134^Х листах.
- <272> 20. Приказы черныя, посылаемыя в Лежнево и Трубино, на 40 листах.
- <273> 21. По межевым делам доношения и справки на 26^{ТИ} листах.
- <274> 22. Копия раздельная ведомости села Трубина с деревнями на 5^{ТИ} листах.
- <275> 23. Разные копии с челобитен и доношения же на 38 листах.
- <276> 24. Ревизская скаска села Дуденева и выписка из вотчинной коллегии на 32^Х листах.
- <277> 25. Ведомость о покупных пустошах села Лежнева на 4^Х листах.
- <278> 26. Росписание полюбовное о пустошах села Лежнева на 33^Х листах.
- <279> 27. Разные по делам с указов копии и с одной инструкции копия ж, на 41^М листе.
- <280> 28. Письмы и челобитныя черныя по разным делам. На 63^Х листах.
- <281> 29. Копии с челобитен князя Щербатова о селе Трубине. На 67 листах.
- <282> 30. Выписка приходным и расходным книгам села Лежнева с деревнями на 116^{ТИ} листах.
- <283> 31. Приходныя и расходныя книги разных годов. На 228 листах.
- <284> 32. Дело о покупной пустоши села Лежнева крестьянами на 14^{ТИ} листах.
- <285> 33. Книга размежевание земли в <1>773^М году на 23^Х листах.

- <286> 34. Лежневские рапорты разных годов на 47^{МИ} листах.
- <287> 35. Лежневских квитанциев на 15^{ТИ} листах.
- <288> 36. Копия с ревизской скаски села Трубина и села Бору с деревнями на 48^{МИ} листах.
- <289> 37. Разныя ведомости, и справки и рапорты лежневския разных годов. На 371^М листах.
- <290> 38. Отписки села Лежнева. На 34 листах.
- <291> 39. С указов и с разных дел копии прошедших годов. На 28^И листах.
- <292> 40. Рапорты села Лежнева и села Трубина разных годов. На 325^И листах.
- <293> 41. Лежневския рапорты и прошения от крестьян разных годов. На 337 листах.
- <294> 42. Разныя черныя записки домашния. На 280^И листах.
- <295> 43. Лежневския и трубинския рапорты и ведомости. На 52^Х листах.
- <296> 44. С сообщениев копии о лопатнике и с выписей копии на 10^{ТИ} листах.
- <297> 45. Книг в переплете присылаемых из вотчин окладных приходных и расходных счетов 53.
- <298> 46. Две книги в переплете для записки посылаемых в вотчины приказов и квитанциев.
- <299> 47. Копии с трех планов вотчинных меженых, и еще план на загородной дом и с билетом о строении.
- <300> 48. Долговые разные счета и два контракта, один французов, а другой кузнецов, и еще счет села Трубина крестьян бурмистра Павла Матвеева.
- <301> 49. Рапорты из села Трубина от бурмистров Волкова и Дьяконова на 32^Х листах.
- <302> 50. Рапорты ж из Трубина бурмистра Волкова ж на 3^Х листах.

<303> 51. Письма, кои вступили в бытность опекунства, и ведомость о людях на 24^х листах.

<304> 52. В переплете одна белая книга.

<305> 53. Сведение, данное ныне за подписанием опекунов Молчанова и Плюскова князь Петру Ивановичу Тюфякину о недвижимом матери его имени, о дворовых людях и о прочем, что при прежних опекунах по описи принято было и ныне есть на лице на 6^{ти} листах.²¹

---

²¹ На Л.129 — 144 об. находится трудночитаемая скрепа, свидетельствующая о том, что опекуны статский советник Иван Молчанов и надворный советник Пётр Плюсков передали, а князь П.И. Тюфякин получил указанное имущество.

Эпиграф в творчестве Н.М. Карамзина *

«В последние годы эпиграфы вошли в моду, — писал Д. Дидро в своей «Энциклопедии», где применительно к литературе давал такое определение этому понятию: — Эпиграф — слово, изречение, либо в прозе, либо в стихах, взятое обычно из какого-нибудь известного писателя и которое авторы ставят на фронтисписе своего произведения, чтобы заявить о его назначении <...>». ¹

В таком же значении это слово, тоже применительно к литературе, приведено в «Полном французском и российском лексиконе» (1786) ² и «Новом словотолкователе» (1806) Н. Яновского. ³

Одним из первых русских авторов, разделивших увлечение европейской литературы эпиграфом, стал Н.М. Карамзин.

Своему программному стихотворению «Поэзия» (1787–1791) он предположил эпиграф из «Мессиады» («Der Messias», 1748–1773; т. 1, ст. 237–238) Ф.Г. Клопштока (Klopstock, Friedrich Gottlieb; 1724–1803): «Die Lieder der göttlichen Harfenspieler schallen mit Macht, wie beseelend. *Klopstok*». ⁴ Главной идеей стихотворения является идея божественного происхождения поэзии, высшее назначение которой — петь Творца. Она восходит к литературным воззрениям московских масонов. Приводимый автором перечень «избранных певцов», близкий позициям предромантической эстетики, оказывается полемичным по отношению ко взглядам его наставников. Это придает оттенок полемичности и

* Благодарю за помощь в работе над переводами Н.Л. Дмитриеву.

¹ Diderote D. Encyclopédie ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Lausanne; Berne, 1778–1782. Т. 12. Р. 664.

² См.: Полной Французской и Российской лексикон, с последняго издания Лексикона французской Академии на Российской язык переведенный собранием ученых людей: В 2 т. СПб., 1786. Т. I: А–К. С. 428. Это толкование повторяется и во втором издании «Лексикона» (см.; СПб., 1798. Т. I. С. 611).

³ Яновский Н. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. СПб., 1806. Ч. 3. Стб. 1283–1284. В других отечественных словарях XVIII-го — начала XIX веков это понятие отсутствует.

⁴ Московский журнал. 1803. Ч. 7. С. 263. Перевод (по изд.: Карамзин Н.М. Полн. собр. стихотворений / Вступит. ст. и примеч. Ю.М. Лотмана. М.; Л., 1966. С. 58): «Песни божественных арфистов звучат как одухотворенные. *Клопшток*» (нем.).

отношениям эпитафия и текста. Однако в целом эпитафия созвучна основной мысли стихотворения.

В 1793 году Карамзин лишился своего ближайшего друга — А.А. Петрова. Горечь утраты он выразил в статье «Цветок на гроб моего Агатона»,⁵ с эпитафией из почитавшегося друзьями Шекспира (Shakespeare, William; 1564–1616), за чтением сочинений которого они «просиживали половину зимних ночей»:⁶

His life was gentle; and the elements
So mix'd in him, that Nature might stand up
And say to all the world: *This was a man!*
*Shakespeare*⁷

Это финальные слова Антония из трагедии «Юлий Цезарь» («Julius Caesar», 1599; акт 5, сц. 5, ст. 73–75), характеризующие Брута. Прозаический перевод данных строк, выполненный самим Карамзиным, выглядит так: «Жизнь его была толь изящна и свойства духа его были толь благородны, что натура могла бы выступить и сказать всему миру: “*Вот был Муж!*”».⁸

Эти слова созвучны тексту статьи Карамзина: «...он не был ни богат, ни знатен — *он был человек* (курсив мой. — *И. К.*), благородный по душе своей — украшенный одними достоинствами <...>»,⁹ в его душе «вся Природа, как в чистом ручейке, созерцалась». ¹⁰ Природа, очеловеченная в эпитафии, становится соучастником событий, выступает в качестве утешительницы несчастно-

---

⁵ Агатон (V в. до н. э.) — древнегреческий трагик, друг Платона и Эврипида.

⁶ Карамзин [Н.М.]. Соч.: В 8 т. М., 1803–1804. Т. 7. С. 5.

⁷ Там же. С. 1.

⁸ Юлий Цезарь, трагедия Виллиама Шекспира. М., 1787. С. 136 (перевод издан анонимно). Ср. позднейший стихотворный пер. М. Зенкевича: «Прекрасна жизнь его, и все стихии / Так в нем соединились, что природа / Могла б сказать: *Он человеком был!*» (цит. по: Шекспир У. Юлий Цезарь. М., 1998. С. 279).

⁹ Карамзин [Н.М.]. Соч.: В 8 т. Т. 7. С. 1.

¹⁰ Там же. С. 12.

го автора: ¹¹ «...видя радостное обновление Природы, буду воображать тебя обновленного в таинственных жилищах вечности, <...> где непременная весна царствует и алеют цветы неувядаемые <...>». ¹² Строки из великого Шекспира — дань памяти другу-переводчику, «за самый священный долг» почитает Карамзин рассказать «всякому нежному сердцу» о своем «совоспитаннике» и брате. ¹³ Эта элегия в прозе, как ее часто называют, была помещена в первой книжке альманаха «Аглая», где Карамзин опубликовал и статью «Нечто о науках, искусствах и просвещении», в которой опровергнуто мнение Ж.-Ж. Руссо о вреде наук.

Карамзин был первым русским писателем, который, вслед за Ж.-Ж. Руссо (Rousseau, Jean-Jacques; 1712–1778), предпослал эпиграф критической статье, трактату. Статья Руссо «Рассуждение о науках и искусствах» («Discours sur les arts et les sciences», 1749–1750) с эпиграфом из латинского автора — Овидия «Barbarus his ego sum, quia non intelligor illis. Ovid<ius>» ¹⁴ призывала избавиться «от наук и пагубных искусств наших отцов» ¹⁵ и вернуться в «неведение и бедность — единственным благам, которые могут сделать нас счастливыми». ¹⁶ Трактат вызвал множество разноречивых мнений. В 1793 году Карамзин написал статью «Нечто о науках, искусствах и просвещении», в которой полемизировал с Руссо. ¹⁷ Ему чужды воззрения французского писателя, он не согла-

---

¹¹ Этот мотив является характерным для сентименталистского направления. Подробнее см.: Кочеткова Н.Д. Русский сентиментализм (Н.М. Карамзин и его окружение) // Русский романтизм. Л., 1978. С. 28–32.

¹² Карамзин [Н.М.]. Соч.: В 8 т. Т. 7. С. 19.

¹³ Там же. С. 2; 2; 18.

¹⁴ Руссо Ж.-Ж. Трактаты / Под ред. А.З. Манфреда. М., 1969. С. 9. Перевод: «Я здесь кажусь варваром, ибо никто меня не понимает. Овид<ий> (*лат.*). Источник: Тристии, кн. V, элегия X, ст. 37.

Эпиграф отражал душевное состояние автора, его растерянность, беспомощность и одновременно уверенность в правильности своих суждений и поступков. Эпиграф занимает прочное место в сочинениях Руссо. Его трактаты «Рассуждение о науках и искусствах» (1750), «Рассуждение о происхождении и основах неравенства между людьми» (1754), «Об общественном договоре» (1762) открываются исключительно латинскими эпиграфами (из Овидия, Горация, Аристотеля, Вергилия).

¹⁵ Там же. С. 30.

¹⁶ Там же.

¹⁷ См.: Лотман Ю.М. Эволюция мировоззрения Карамзина // Н.М. Карамзин: pro et contra / Сост., вступит. ст. Л.А. Сапченко. СПб., 2006. С. 759–760.

сен с его категоричными заключениями. Он, веря в плодотворное влияние наук, обращается в эпитафе за поддержкой к Ж.-Ф. де Сен-Ламберу (Saint-Lambert, Jean-François, de; 1716–1803): «Que les Muses, les arts et la philosophie passent d'un peuple á l'autre et consolent la vie! *St. Lambert*». ¹⁸ Слова эпитафы взяты из поэмы «Времена года» («Les saisons», 1769), из последней ее части «Зима» («L'hiver»). Статью можно назвать гимном человеку и его успехам в науках, искусствах и просвещении, которое благодетельно для каждого. Карамзин, споря с Руссо, тем не менее, перенимает у него прием использования эпитафы в сравнительно новом для отечественной литературы жанре.

Эпитафа к богатырской сказке «Илья Муромец» (1794) взят из Ж. де Лафонтена (La Fontaine, Jean, de; 1621–1695) и настраивает на развлекательный характер текста: «Le monde est vieux, dit-on: je le crois; cependant / Il le faut amuser encore comme un enfant. *La Fontaine*». ¹⁹ Создавая сказку о русском богатыре, Карамзин предпосылает ей французские строки — заключительное двустушище басни «Сила басен» («Le pouvoir des Fables»; *Fables*, VIII, 4). На первый взгляд, стили источника эпитафы и текста, которому он предпослан, не совпадают. Карамзин указывает, что пишет вслед за «нашими старинными песнями», которые «сочинены такими стихами», ²⁰ стих же сказки далек от стиха народных песен. В этом можно увидеть лукавую иронию автора, окрашивающую все повествование. Поэт ведет свободный, непринужденный разговор со своим читателем. Карамзин преодолевает разнородность стилей: былинный герой Илья Муромец с помощью новой музыки превращен в галантного рыцаря, любовные приключения которого происходят в некой «Российской области», а вернее, в условной стране «красных вымыслов». ²¹ Эпитафа преду-

---

¹⁸ Карамзин [Н.М.]. Соч.: В 8 т. Т. 7. С. 25. Перевод (по изд.: Карамзин Н.М. Избр. соч.: В 2 т. / [Вступит. ст., сост., подгот. текста и примеч. П. Беркова и Г. Макогоненко]. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 122): «Пусть музы, искусства, философия переходят от народа к народу и улаживают жизнь! *Сен-Ламбер*» (франц.).

¹⁹ Карамзин [Н.М.]. Соч.: В 8 т. Т. 7. С. 201. Перевод (по изд.: Карамзин Н.М. Избр. соч. Т. 1. С. 45): «Говорят, человечество старо; я этому верю; и все же / Его приходится развлекать как ребенка. *Лафонтен*» (франц.).

²⁰ Карамзин [Н.М.]. Соч.: В 8 т. Т. 7. С. 201.

²¹ Там же. С. 203.

преждает об иной стилистической манере изложения былинного сюжета, в котором автор теперь может «небылицы выдавать за быль», иронично замечая при этом: «...вы можете тихохонько, / если скучно вам покажется, / раза два зевнув, / сомкнуть глаза». ²²

В «Послании к женщинам» (1795) эпиграф взят из поэмы «Послание к леди. О женской натуре» («*Epistle to a Lady. Of the Characters of Women*», 1735) английского поэта А. Попа (Поупа; Pope, Alexander; 1688–1744): «*The gen'rous God, who wit and gold refines, / And ripens spirits as he ripens minds, / To you gave sense, good humour and... a Poet. Pope*». ²³ Александр Поп стремится понять, рационально объяснить женский характер, который является, по его мнению, менее определенным и постоянным, чем у мужчин, и более непоследовательным и противоречивым. Анализируя женскую натуру, поэт приходит к выводу, что главными богатствами женщины являются добрый нрав и здравый смысл.

Карамзин, начав с описания любовных переживаний, которые вызывали в нем красавицы, говорит уже не только о женской чувствительности и нежности, но и о способности к жертвенности, умению «ближнему служить». Благодаря женщинам мужчины становятся лучше, в их жизни появляется смысл и желание творить, мыслить. Поэт переходит к определению места женщины в дворянском обществе, представляет ее как ценителя литературы и искусств. Этот взгляд получил признание на рубеже XVIII и XIX веков под влиянием Карамзина, стихотворение которого нашло большой отклик и признание у современников. Сравнивая женщину с луной, которая «тьму ночи

В представлении Карамзина способность к вымыслу, воображение являются важнейшими качествами писателя. В середине 1790-х годов проблема художественного вымысла как важного элемента творческого процесса стояла для писателя наиболее остро. См.: Кочеткова Н.Д. Русский сентиментализм... С. 32–33; Лотман Ю.М. Эволюция мировоззрения Карамзина. С. 764–765.

²² Карамзин [Н.М.]. Соч.: В 8 т. Т. 7. С. 204.

²³ Там же. Т. 1. С. 124. Перевод (по изд.: Карамзин Н.М. Полн. собр. стихотворений. С. 169): «Всеблагий Бог, пекущийся о нас, / Шлифующий наш разум, как алмаз, / Вам крепость дал, рассудок и... Поэта. Поп» (англ.).

озаряет»,²⁴ Карамзин уверен, что «кроткой свет ее / Поэтам славить должно».²⁵ В эпитафье, который рассматривается уже как часть нового текста, задан этот акцент: именно поэт может поведать не только о женском очаровании, но и о способностях и достоинствах женщины. Таким образом, Карамзин подхватывает главную идею стихотворения Попа и развивает ее, не подчеркивая различия между женской и мужской натурой в той степени, как мы можем наблюдать это в произведении английского поэта.

Нельзя не сказать еще об одной стороне литературной деятельности Карамзина — с января 1791 года он издавал ежемесячный «Московский журнал», открывающийся английским эпитафием: «Pleasures are ever in our hands or eyes. *Pope*». ²⁶ В эпитафье из «Опыта о человеке» («*Essay on Man*», 1733–1734; эпистола II, ст. 123) Попа выражена позиция Карамзина, который готов печатать только то, «что может нравиться людям, имеющим вкус». ²⁷ Он будет принимать с благодарностью в журнал «все хорошее и согласное» с его планом, «в который не входят только теологические, мистические, слишком ученые, педантические, сухие пиесы». ²⁸ Эти слова, направленные в сторону масонов, вызвали в их среде резкое недовольство. И сам эпитафия говорил об уже «другом», независимом Карамзине, который с особым вниманием относился к проблеме познания «внутреннего человека», рассматривая ее, в отличие от масонов, как эстетическую, а не религиозно-философскую: «...философ не-поэт пишет моральные диссертации, иногда весьма сухие; поэт сопровождает мораль свою пленительными образами, живет ее в лицах и производит более действия». ²⁹ Возможность говорить с читателями познавательно, увлекательно есть и у Карамзина-автора, и у Карамзина — редактора журнала. Эта позиция отражена эпитафией.

---

²⁴ Карамзин [Н.М.]. Соч.: В 8 т. Т. I. С. 141.

²⁵ Там же.

²⁶ Перевод: «Наслаждение всегда в нашей власти. *Поп*» (англ.).

²⁷ Московские ведомости. 1790. 6 нояб.

²⁸ Там же.

²⁹ Московский журнал. 1791. Ч. I. С. 80.

В 1794 году выходит сборник произведений Карамзина «Мои безделки», где автором строк эпитафия, предпосланного обеим частям, снова является А. Поп:

Of old, those met rewards, who could excel,
And such were prais'd, who but endeavour'd well.
Tho' triumphs were to gen'erals only due,
Crowns were reserv'd to grace the soldiers too.

Pope, Essay on Criticism

На четвертой странице своей книги (после вступительного слова «От сочинителя» и «Содержания I части») Карамзин дает собственный перевод этих строк: ³⁰ «Р. С. Смысл Английского Эпитафия: “В древние времена награждалось не только превосходное искусство, но и похвальное старание. Триумфы были для полководцев, лавровые венки для простых воинов”». ³¹ Во второй части книги объяснение эпитафия отсутствует.

Ко времени выхода сборника Карамзин уже создал для себя систему приоритетов, ориентированную на достоинства чувствительной души, живущей по своим внутренним законам дружества и гармоничного единения с природой. В названии «Мои безделки» чувствуется оппозиция всей предшествующей «серьезной» литературе с ее высокими темами и высоким стилем. Поэма А. Попа «Опыт о критике» (1711) была написана в защиту древних авторов и призывала критиков к терпимости. На такое же отношение, вероятно, надеялся и Карамзин, эпитафией и его объяснением давая понять, что он не стремится к славе: возможно, к нему с его «безделками» придет успех, но ему достаточно и скромного «венка». Этим приемом он смягчал неожиданное, «вызывающее» название. После выхода в свет этого сборника к Карамзину пришла настоящая слава. «...с каким восторгом была принята эта книжка не только в

---

³⁰ Традиционно собственный или уже известный перевод строк на иностранном языке, взятых в качестве эпитафия, ниже, сразу под эпитафией, давал сам автор.

³¹ Карамзин Н. Мои безделки. М., 1794. Ч. 1. С. 4.

столицах, но и в провинции, — отмечал Я.К. Грот. — От нее повеяло как будто новым воздухом в умственной жизни русских. Карамзин открыл им новый мир понятий, ощущений и духовных потребностей, указал им новый источник наслаждений в созерцании природы, в чтении, в умственных занятиях». ³²

В 1794 году Карамзин выпустил первую книжку альманаха «Аглая» с эпиграфом из книги «Аналитический опыт о способностях души» («*Essai analytique sur les facultes de l'âme*», 1759) швейцарского философа и естествоиспытателя Ш. Бонне (Bonnet, Charles; 1720–1793): ³³ «*Les Esprits bien faits qui ne peuvent lire mon coeur, liront au moins mon livre. Bonnet*». ³⁴ Центральные произведения первого тома («Цветок на гроб моего Агатона», «Нечто о науках, искусствах и просвещении», «Остров Борнгольм») отражают ход мысли писателя, потрясенного известиями о гражданской войне во Франции. Духовный кризис усугублялся личной трагедией — смертью А.А. Петрова. ³⁵ Читая книгу, мы имеем возможность, говоря словами эпиграфа, «прочитать сердце» Карамзина. Эпиграф к первому тому альманаха «Аглая» подчеркивает субъективистский подход к повествованию.

---

³² Грот Я.К. Очерк деятельности и личности Карамзина // Н.М. Карамзин: pro et contra. С. 674.

³³ В альманахе «Аглая» неоднократно упоминается имя Бонне. Так, в статье «Нечто о науках, искусствах и просвещении», впервые опубликованной в первом томе альманаха, Карамзин вспоминает одну из встреч с «добрейшим и любезнейшим из наших Философов» (С. 45), а в авторском примечании отсылает читателя к книге Бонне, из которой он взял эпиграф для альманаха (у Карамзина: «*Essai analytique sur l'Âme*»; С. 47). Узнав о смерти «Женевского Философа», Карамзин отозвался на это событие «Надгробной надписью Боннету» (1793; С. 22).

³⁴ Перевод: «Умные люди, которые не могут прочесть в моем сердце, по крайней мере, прочитают мою книгу» (*франц.*). Интересно, что в 1815 году в статье «Нечто о Поэте и Поэзии» К.Н. Батюшков приписал эту цитату М. де Монтеню: «“Они не могут читать в моем сердце, но прочитают книгу мою”, — говорил Монтань <...>» (Батюшков К.Н. Соч. М.; Л., 1934. С. 341). Впервые факт батюшковской отсылки к ложному источнику и авторство Бонне отметила В.И. Бутакова, не указав, однако, произведение — ее источник; см.: Бутакова В.И. Пушкин и Монтань // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1937. Вып. 3. С. 214. Оплотность Батюшкова, вероятнее всего, обусловлена тем, что он по памяти воспроизвел цитату, прочитанную на обложке первой книжки альманаха «Аглая», а ее автором ошибочно назвал Монтеня, эпиграф из которого был напечатан на обложке второго тома этого альманаха (см. ниже, в тексте статьи).

³⁵ В стихотворении «Приношение грациям», открывающем первую книжку альманаха «Аглая», Карамзин упоминает об этом несчастье, не скрывая «прискорбие души, уныние мое» (С. 5), и вслед за этим стихотворением печатает сочинение «Цветок на гроб моего Агатона».

Вторая книжка этого альманаха вышла в свет в 1795 году с эпиграфом из «Опытов» («Les Essais», 1580–1588; кн. 1, гл. XX «О том, что философствовать — это значит учиться умирать») М.Э. де Монтеня (Montaigne, Michel Eyquem, de; 1533–1592): «Je veux que la mort me trouve plantant mes choux; mais nonchallant d'elle, et encore plus de mon jardin imparfait. Montaigne». ³⁶ Возможно, выбор такого, на первый взгляд, мрачного эпиграфа был обусловлен разнесшимися слухами о том, что Карамзин умер или сослан. Это своего рода ответ молве, некая игра с читателем. Нелегкие жизненные обстоятельства писателя в последние годы правления Екатерины II сказались на содержании произведений Карамзина, наполненных в этот период разочарованием, сомнением и скептицизмом, а также автобиографическими намеками и мистификациями. К тому же эти годы писатель большую часть времени провел в имении Плещеевых Знаменское (Орловского наместничества); он действительно был близок к природе, сельской жизни, что и отражено в эпиграфе из Монтеня. Философский эпиграф второй книжки альманаха «Аглая» можно назвать своеобразной метафорой, в которой литературная деятельность Карамзина представляется как «возделывание огорода» — ведь творчество находится в постоянном развитии и приносит все новые и новые плоды. Стоит отметить, что этот период был очень плодотворным: оба тома альманаха «Аглая» составлены почти целиком из собственных произведений Карамзина.

Стихотворный альманах «Аониды, или Собрание разных новых стихотворений» (М., 1796–1799) открывается эпиграфом из стихотворения «Литератор, философское рассуждение в стихах» («L'Homme de lettres, discours philosophique en vers») С.-П.-Н. Шамфора (Chamfort, Sébastien-Roch Nicolas, de; 1741–1794): «Chérisson le rival qui peut nous surpasser; / Montrez moi mon vainqueur, et je cours l'embrasser». Эпиграф — финальные строки сочинения Шамфора — напечатан на титульном листе альманаха. Эта цитата встречается и в статье Карамзина «Несколько слов о русской литературе» (1797), где назван

---

³⁶ Ср. в переводе А.С. Бобовича: «Я хочу, чтобы смерть застигла меня за посадкой капусты, но я желаю сохранить полное равнодушие и к ней, и, тем более, к моему не до конца возделанному огороду».

автор цитированных строк. Написанная на французском языке, в собраниях сочинений Карамзина, изданных в наше время, эта статья печатается в переводе Е.Г. Эткинда, занимавшегося проблемой литературного перевода; ему же принадлежит и перевод стихотворных строк французского писателя-моралиста: «Соперника в стихах восславим торжество, / Кто победитель мой? Я обниму его». ³⁷ Эпиграф к антологии современной русской поэзии определяет отношение Карамзина к писателям, чьи произведения были в нее включены, и говорит читателю о своеобразном состязании в поэтическом мастерстве лучших из лучших. Сюда вошли стихотворения и самого издателя, и «соперников», которые могут «нас превзойти», ³⁸ а именно — крупнейших поэтов того времени: М.М. Хераскова, И.И. Дмитриева, В.В. Капниста, Г.Р. Державина и др.

Альманах «Аониды» явился подражанием известному тогда «*Almanach des Muses*» («Альманаху Муз»). «Все здешние стихотворцы <...> радуются мыслью о русском “*Almanach des Muses*”», — писал Карамзин поэту И.И. Дмитриеву зимой 1795 года. ³⁹ По мнению Ю.М. Лотмана, сделавшего попытку объяснить замысел Карамзина-издателя, «русская поэзия <...> должна была изданием такого альманаха заявить о своей культурной зрелости, равноправно войдя в семью европейских муз». ⁴⁰ Во второй книжке «Аонид» (1797) поэт публикует стихотворения «Отставка» и «Надежда» (оба 1796), ⁴¹ с эпиграфами, взятыми из одного источника — стихотворения «Моему другу» («*À mon amie*») А.-М. Бофор (Beaufort d’Hautpoul, Anne Marie, de; 1763–1837). Очевидно, Карамзин познакомился с этим сочинением в «*Almanach des Muses*» 1796 года. ⁴² В качестве эпиграфов он использовал строки, следующие друг за другом с интервалом всего лишь в три строки. Скорее всего, решение Карамзина взять в качестве эпиграфов цитаты из новой книжки известного альманаха

---

³⁷ Карамзин Н.М. Избр. соч.. Т. 2. С. 148.

³⁸ Ср. подстрочник (первая часть эпиграфа): «Будем ценить соперника, который может нас превзойти».

³⁹ Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 62.

⁴⁰ Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М., 1987. С. 255.

⁴¹ См.: Аониды, или Собрание разных новых стихотворений. М., 1797. Кн. 2. С. 43, 111.

⁴² См.: *Almanach des Muses*. Paris, 1796. P. 26. Подпись: La C<omtesse> Beaufort.

было продиктовано его стремлением подчеркнуть современность и компетентность своего издания.⁴³

В стихотворении Карамзина «Отставка» (1796) речь идет о «ветрености сердец», о разочарованиях в любви. Ироничный эпиграф «Amour, né d'un soupir, est comme lui léger»⁴⁴ рождает соответствующее отношение автора к своему герою:

Итак, в отставку ты уволен!..
Что делать, нежной пастушок?
Взять в руки шляпу, посошок;
Сказать: *спасибо; я доволен!*
Идти, и слезки не пролить.⁴⁵

Сам герой, от лица которого ведется основной рассказ, в финале выказывает уже самоиронию:

Пусть, Хлоя, мой обширный лоб
Подчас украсится рогами;
Лишь только был бы я с глазами!⁴⁶

По мнению Н.Д. Кочетковой, к иронии над собственными переживаниями авторов сентименталистского направления приводило «стремление к постоянной рефлексии» и «желание видеть себя как бы со стороны»: «Одним из снижающих пафос средств становится та насмешка над чувствительностью,

---

⁴³ Из-за публикации в «Almanach des Muses» революционных гимнов российская почтовая цензура обыкновенно задерживала все выпуски этого издания за 1791–1798 годы.

⁴⁴ Карамзин [Н.М.]. Соч.: В 8 т. Т. 1. С. 85. Перевод (по изд.: Карамзин Н.М. Полн. собр. стихотворений. С. 195): «Любовь, родившаяся из вздоха, как он (этот «вздох». — И. К.), легка» (*франц.*).

⁴⁵ Там же. С. 85.

⁴⁶ Там же. С. 87.

которая ею же порождена». ⁴⁷ Субъективно-оценочный эпиграф о легкомысленности любви задает авторское отношение к последующему тексту.

Стихотворение «Надежда» (1796) открывается эпиграфом: «Il est doux quelquefois de rever le bonheur». ⁴⁸ В «говорящем» эпиграфе, помимо темы стихотворения, содержится сообщение о настроении автора: поэт выражает здесь свои чувства и чаяния:

За тучей вижу я зарю,
И сердце бьется в ожиданьи:
Живу в любезнейшем желаньи —
Вдали возможность счастья зрю! ⁴⁹

В финале стихотворения Карамзин пишет о счастье если не в этом мире, то в другом — в «раю», где «еще возможно / Нечастливым щастливыми быть!» и где «все прошедшее забудем» и «только милых помнить будем». ⁵⁰

Автором обеих цитат, поставленных в качестве эпиграфов к этим стихотворениям, является женщина. И французский текст-источник, и «легкие» стихотворения Карамзина отвечали критериям «дамского вкуса». Как писал сам Карамзин, его «маленькую книжечку стихов (то есть книжку «Аонид». — *И. К.*) <...> дамам нашим не стыдно б было носить <...> в кармане». ⁵¹

На титуле трехтомного альманаха «Пантеон иностранной словесности» (1798) напечатан пространный эпиграф из П.-Д. Экушара–Лебрена (Ecouchard–Lebrun, Ponce Denis; 1729–1807):

Gardez-vous bien du mot-à-mot:
Horace et le Goût le renie.

---

⁴⁷ Кочеткова Н.Д. Русский сентиментализм... С. 34.

⁴⁸ Карамзин [Н.М.]. Соч.: В 8 т. Т. 1. С. 74. Перевод (по изд.: Карамзин Н.М. Полн. собр. стихотворений. С. 197): «Приятно иногда о счастья мечтать» (*франц.*).

⁴⁹ Карамзин [Н.М.]. Соч.: В 8 т. Т. 1. С. 74.

⁵⁰ Там же. С. 76.

⁵¹ Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. С. 61.

Tout pédant traduit comme un sot.
 C'est la grâce, c'est L'harmonie,
 <Les images, la passion,
 Non le mot, mais l'expression,>⁵²
 Que doit rendre un libre Génie.
 Le plus fidèle traducteur
 Est celui qui semble moins l'être:
 Qui suit pas à pas son auteur,
 N'est qu'un valet qui suit son maître.

Le Brun

Эпиграмму Лебрена «О буквальных переводах» («Sur les traductions serviles»),⁵³ воспроизведенную в эпиграфе практически целиком, Карамзин нашёл все в том же томе «Almanach des Muses».⁵⁴ Поскольку на русский язык это сочинение плодовитого автора острых эпиграмм не переводилось, приводим наш вариант перевода: «Остерегайтесь дословного перевода, / Гораций и чувство изящного не признают этого. / Всякий педант переводит как глупец. / Изящество, гармония, / <Образы, пристрастие, / Не слово, но выразительность — > / Вот то, что должен изображать свободный гений. / Самый точный переводчик — / Это тот, кто менее всего таковым представляется: / Кто шаг за шагом следует за автором, / Всего лишь слуга, послушный своему господину». Из следующих изданий «Пантеона» эпиграф был исключен.

Альманах «Пантеон иностранной словесности» предлагал русскому читателю образцы самой разнообразной иностранной литературы — переводы западных и восточных, античных и современных авторов. Эпиграф из Лебрена

---

⁵² Строки оригинала, приведенные в угловых скобках, были опущены Карамзиным при цитировании в эпиграфе.

⁵³ В собраниях сочинений французского поэта, изданных после его смерти, эта эпиграмма публикуется под номером LXXIII и называется «О поэтических переводах» («Sur les traductions en vers»). См., напр.: Oeuvres de Malherbe et de Rousseau; Oeuvres choisies de E. Lebrun. Paris, 1843. P. 565.

⁵⁴ Almanach des Muses. Paris, 1796. P. 23.

затрагивает проблему качественных, творческих переводов. Переводчик должен иметь собственное мнение, вкладывать свои чувства в переводимое. Для Карамзина слово «Génie» становится особым термином: ⁵⁵ он даже пишет его в эпитафии с прописной буквы (в тексте Лебрена оно печаталось со строчной). Произведение должно быть проникнуто творческим гением. Эпитафия предупреждает писателей об опасности буквального перевода и одновременно заверяет читателей в том, что в «Пантеоне» они найдут по-настоящему талантливо выполненные переводы. Карамзин, приводя строки Лебрена, заявляет о своей самостоятельности в этом вопросе, о готовности к подобному труду, давно его занимавшему.

Выпущенные Карамзиным в 1790-е годы сборники и альманахи сделали сентиментализм основным литературным течением в России, а Карамзина — его признанным главой.

В 1801 году отдельным изданием вышло стихотворение Карамзина «На торжественное коронование Его Императорского Величества Александра I, Самодержца Всероссийского», с эпитафией «Il en est des grands Souverains comme des Dieux. Comblés de leurs bienfaits, nous n'avons pas pour eux des récompenses, mais nous avons des hymnes. *Thomas*». ⁵⁶ Эти строки, извлеченные из «Похвального Слова Марку Аврелию» («Éloge de Marc-Aurele», 1775) ⁵⁷ Антуана Леонарда Тома (Thomas, Antoine Leonard; 1732–1785), характеризуют

---

⁵⁵ Еще в 1780-е годы в переписке Карамзина с А.А. Петровым обсуждалось, что представляет собой «творческий гений», «génie». «Простота чувствований, — отмечал Петров, — превыше всякого умничанья; грешно сравнивать натуру, génie, с педантскими подражаниями, с натянутыми подделками низких умов. Однако ж простота не состоит ни в подлинном, ни в притворном незнании» (Петров А.А. Письма Александра Андреевича Петрова к Карамзину // Рус. архив. 1863. Вып. 5–6. Стб. 482; письмо от 4 авг. 1787 года).

⁵⁶ Карамзин [Н.М.]. Соч.: В 8 т. Т. 1. С. 266. Перевод (по изд.: Карамзин Н.М. Полн. собр. стихотворений. С. 265): «В великих государях есть нечто от богов; исполненные их благодеяниями, мы отвечаем им не воздаяниями, а гимнами. *Тома*» (франц.).

⁵⁷ В 1777 году анонимно вышел отдельным изданием русский перевод «Слова Похвального Марку Аврелию, сочиненного г. Томасом, членом Французской Академии». Это был перевод Д.И. Фонвизина, в котором фраза, представленная у Карамзина в эпитафии на языке оригинала, звучала так: «Великие люди подобятся богам. Мы за приятые от них благодеяния не имеем чем воздать, но в песнях славословим оные» (Фонвизин Д.И. Собр. соч.: В 2 т. / Сост., подгот. текста, вступит. ст. и коммент. Г.П. Макогоненко. М.; Л., 1959. Т. 2. С. 195).

одну из сторон отношений «поэт — власть». Поэт объясняет юному царю, который является для подданных «вторым Творцом», «сколь велико и прекрасно / Делами Богу подражать». ⁵⁸ Сам он любит «хвалить, но не ласкать», и

...вместе с Истиной святой
Потомству я пишу уставы!
Тиранам страшен свиток мой,
Монархам добрым он любезен <...>. ⁵⁹

В 1810 году произошло важное событие в жизни Карамзина: он познакомился с сестрой царя великой княгиней Екатериной Павловной и в марте 1811 года представил Александру I (по инициативе Екатерины Павловны) трактат, вошедший в историю как «Записка о древней и новой Руси». Эпиграфом он поставил библейское «Несть лъсти в языке моем. (Псал<ом> 138)». ⁶⁰ Слова одного из самых духовно-напряженных псалмов: «Яко несть лъсти в языке моем; се, Господи, ты познал еси» (Пс. 138: 4) — так трактует в «Толкованиях на псалмы» святитель Афанасий Великий: ⁶¹ «И это составляет важнейшую из заслуг Давида, что не употребляет языка во зло, ни во лжи, ни в ложной клятве, ни в обмане и лести, ни на всяком ином подобном сему пути». ⁶² Карамзин, обозревая Древнюю Русь и рассуждая о состоянии современной ему России, о ее политической, экономической и общественной жизни, является здесь «глубокомысленным политиком» (М.П. Погодин), ⁶³ дающим мудрые советы Государю. Однако главное достоинство Карамзина, по мнению Погодина, заключа-

⁵⁸ Карамзин [Н.М.]. Соч.: В 8 т. Т. 1. С. 273; 267.

⁵⁹ Там же. С. 273; 272.

⁶⁰ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / Предисл., подгот. текста и примеч. Ю.С. Пивоварова. М., 1991. С. 16.

⁶¹ Афанасий Великий (ок. 298 — 373) — один из греческих отцов церкви, принадлежавший к александрийской школе патристики; архиепископ Александрийский, энергично отстаивавший догмат о единстве естества Бога Отца и Сына, и названный поэтому отцом православия.

⁶² Афанасий Великий, святитель. Творения: В 4 т. М., 1994. Т. IV. С. 157.

⁶³ Погодин М.П. Историческое похвальное слово Карамзину, произнесенное при открытии ему памятника в Симбирске, августа 23, 1845 года, в собрании симбирского дворянства академиком М. Погодиным // Н.М. Карамзин: pro et contra. С. 635.

ется в том, что он «в гражданском мужестве», «без всякого лицепрятия» произносит «мнение, которое он по долгу совести и присяги считал справедливым и полезным, какие бы от того ни произошли для него следствия». ⁶⁴ Эпиграф акцентирует, с одной стороны, бесхитростность и простоту литератора, а с другой — его смелость и дерзновенность.

Монументальное начало трактата соответствует стилю высокого эпиграфа: «Настоящее бывает следствием прошедшего. Чтобы судить о первом, надлежит вспомнить последнее: одно другим, так сказать, дополняется, и связи представляются мыслям яснее». ⁶⁵ Эмоциональность повествования в некоторой степени задана экспрессивностью эпиграфа: «Любя Отечество, любя монарха, я говорил искренно. Возвращаюсь к безмолвию верноподданного с сердцем чистым, моля Всевышнего, да блюдет царя и Царство Российское!» ⁶⁶ В содержании псалма 138 святитель Афанасий Великий указывает: «Псалом сей <...> изображает Божию и о нас попечительность и описывает, как Бог промышляет не только о целой вселенной, но и о каждой части ее, так что не оставлены без Его Промысла и движения и помышления наши». ⁶⁷ Читатель XVIII — XIX веков без труда восстанавливал контекст псалма, знал и понимал его содержание. В финале своей «Записки» Карамзин возвращается к словам эпиграфа, который становится связанным со структурой произведения в целом.

К стихотворению «Освобождение Европы и слава Александра I. (Посвящено московским жителям)» (1814) Карамзин взял эпиграф из «Заговора Катилины» («Bellum Catilinarium», 44–43 до н. э.) римского историка Гая Саллюстия Криспа (Gaius Sallustius Crispus; 86–35 до н. э.): «Quae homines arant, navigant, aedificant, virtuti omnia parent. *Саллустий*». ⁶⁸ Эпиграф посвящен Александру I, «чудесные дела» которого помогли одолеть тирана и злодея

---

⁶⁴ Там же. С. 635–636.

⁶⁵ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. С. 16.

⁶⁶ Там же. С. 110.

⁶⁷ Афанасий Великий, святитель. Творения. Т. IV. С. 157.

⁶⁸ Карамзин [Н.М.]. Соч.: В 9 т. Изд. 3-е, испр. и умноженное. М., 1820. Т. 1. С. 241. Перевод (по изд.: Карамзин Н.М. Полн. собр. стихотворений. С. 300): Все, что создают люди, когда пахут, плавают, строят, служит добродетели. *Саллустий* (лат.).

Наполеона. Карамзин пишет: «...Владелец / Отцем людей обязан быть, / Любить не власть, но добродетель <...>». ⁶⁹ Все, что создаст император, какие дела и поступки он совершит, должно служить на благо Отечеству. Победа над Наполеоном — всеобщим злом — доказывает его избранность. Поэт вопрошает: «Каких веков, какой Державы / Монарх столь блага совершил?» ⁷⁰ И не находит примеров. «К величию подвигнут был / Он вами, Добродетель, Вера!» — заключает Карамзин. ⁷¹ Слова эпитафии можно рассматривать и применительно к московским жителям, которым посвящено стихотворение, и Москве, где до пожара «цвели богатства, плод трудов». ⁷² По мнению поэта, Москва — «жертва общего спасенья» ⁷³ — возродится из пепла и расцветет вновь.

Итак, в творчестве Карамзина эпитафия становится достаточно частым явлением, тогда как у его предшественников (В.К. Тредьяковского, М.В. Ломоносова, Н.И. Новикова в его журнале «Трутень», Д.И. Фонвизина, Г.Р. Державина и др.) и современников (И.И. Дмитриева, А.Н. Радищева и др.) встречаются лишь единичные примеры эпитафирования, чаще всего ограниченные рамками одного жанра. Напротив, Карамзин познавал возможности эпитафии не только как поэт, критик и публицист, но и как составитель многочисленных сборников и альманахов. Отметим, что все эпитафии у него взяты из произведений европейских и древних авторов (Шекспир, Клопшток, Лафонтен, Бонне, Лебрен, трижды Поп, Гай Саллюстий Крисп и др.) и приводятся на языке оригинала (один на немецком, один на латинском, четыре на английском, девять — на французском), хотя в русской литературе к тому времени уже существовали примеры эпитафий из творчества отечественных литераторов (из А.В. Сумарокова, М.В. Ломоносова), а к иностранному тексту (латинскому, редко французскому) иногда тут же давался перевод, как правило соб-

---

⁶⁹ Карамзин [Н.М.]. Соч.: В 9 т. Изд. 3-е... Т. 1. С. 243.

⁷⁰ Там же. С. 250.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же. С. 245.

⁷³ Там же. С. 246.

ственный. Лишь один эпитаф у Карамзина имеет библейский источник и воспроизведен на церковнославянском языке.

Таким образом, в разнообразном литературном наследии Карамзина эпитаф представлен как полноправный элемент текста, свидетельствующий о широте интересов автора, о его позиции в том или ином вопросе, о приверженности к определенному литературному направлению.

Одной из характерных бытовых реалий XVIII века были табакерки. Владел ими и Г.Р. Державин. Именно жалованная табакерка стала своеобразной вехой на его пути к славе. Вот как рассказывает об этом поэт в своих «Записках»: «В один день, когда автор обедал у сего своего начальника (генерал-прокурора кн. А.А. Вяземского. — *Е. М.*), принесен ему почтальоном бумажный свиток с надписью: “Из Оренбурга от Киргизской Царевны мурзе Державину”. Он удивился и, распечатав, нашел в нем золотую, прекрасную, осыпанную бриллиантами табакерку и в ней 500 червонных. Не мог и не должен он был принять ее тайно, не объявив начальнику, чтоб не подать подозрения во взятках, а для того подошел к нему, показал. Он, взглянув сперва гневно, проворчал: “Что за подарки от киргизцев?”; потом, усмотрев модную французскую работу, с язвительною усмешкою сказал: “Хорошо, братец, вижу и поздравляю” <...>». ¹ Табакерку Державин получил, как известно, за оду «Фелица», растрогавшую императрицу Екатерину II до слез. В стихотворении «Видение Мурзы» он вновь вспомнил это событие:

Блажен и тот, кому царевны
Какой бы ни было орды
Из теремов своих янтарных
И серебророзовых светлиц,
Как будто из улусов дальних,
Украдкой от придворных лиц
За рассказы, за растабары,
За вирши иль за что-нибудь
Исподтишка драгие дары

---

¹ Державин Г.Р. Записки 1743–1812: Полный текст. М., 2000. С. 92.

И в досканцах червонцы шлют! ²

В «Объяснении» поэта на «Видение Мурзы» сказано: «В старинные времена в России табаку не нюхали и потому табакерок не знали, а употребляли наместо их так называемые досканцы, в которых сохраняли мушки, булавки и тому подобные к женским уборам принадлежащие мелочи». ³

«Музейным предметом» могла бы стать сегодня и табакерка, подаренная императрицей Екатериной II поэту в 1790 году за оду «На взятие Измаила», о «происхождении» которой он так рассказывает в своих «Записках»: «В ноябре или декабре месяце сего (1790. — *Е. М.*) года взят Измаил. С известием сим фельдмаршал князь Потемкин прислал ко двору, чтоб более угодить императрице, брата любимцева, Валериана Александровича Зубова, что после был графом и генерал-аншефом. В самое то время случился в комнатах фаворита и Державин. Он в первом восторге о сей победе дал слово радостному вестнику написать оду, которую и написал под названием “На взятие Измаила”. Она напечатана в 1-й части его сочинений. Ода сия не токмо императрице, ее любимцу, но и всем понравилась; следствием сего было то, что он получил в подарок от государыни богатую, осыпанную бриллиантами табакерку и был принимаем при дворе еще милостивее. Государыня, увидев его при дворе в первый раз по напечатании сего сочинения, подошла к нему и с усмешкою сказала: “Я не знала по сие время, что труба ваша столь же громка, как и лира приятна”». ⁴

В «Объяснениях Державина» на собственные сочинения добавлено, что табакерка была ценою «в 2000 руб.». ⁵

Дважды награждал поэта табакерками император Павел I: за оды «На рождение великого князя Михаила Павловича» (1798) и «На мальтийский

---

² Соч. Державина с объяснит. примеч. Я. Грота. СПб., 1864. Т. 1. С. 160–161.

³ Соч. Державина с объяснит. примеч. Я. Грота. СПб., 1866. Т. 3. С. 486.

⁴ Державин Г.Р. Записки... С. 130.

⁵ Соч. Державина с объяснит. примеч. Я. Грота. Т. 3. С. 611.

орден» (1798). Получение первой из этих наград было связано для Державина с большими волнениями. В оде «На рождение великого князя Михаила Павловича» имелись «некоторые <...> резкие выражения», и по городу «разнеслись страшные слухи, что будто император гневен». Поэт написал в «Записках»: «...на первой неделе Великого поста, когда говел Державин с своим семейством, в среду, видел неприятный сон, и хотя не верил никаким привидениям, однако подумал, чтоб не случилось с ним чего, говорил жене, чтоб она не пужалась от разносящихся слухов, а уповала на Бога. Но когда они были в церкви, то посреди самой обедни входит в церковь фельдъегерь от императора и подает ему толстый сверток бумаг; жена, увидев, помертвела. Между тем открыв сверток, находит в нем табакерку, осыпанную бриллиантами, в подарок от императора присланную за ту оду, при письме г. статс-секретаря Нелединского, в коем объявлено ему от его величества высочайшее благоволение».⁶

К сожалению, обстоятельства складывались так, что Державин вынужден был закладывать и даже продавать жалованные табакерки. С большими расходами был связан его отъезд на губернаторство в Олонецкую губернию, поэтому, в числе прочего, пришлось заложить табакерку, подаренную императрицей Екатериной II за оду «Фелица». Некоторое время спустя, давая в письме из Петрозаводска от 20 марта 1785 года денежные поручения Н.А. Львову, поэт писал: «Но прежде всего надобно начать платеж за заложенные мной при отъезде вещи, а именно Фелицына жалованья табакерку и серьги, которые у какого-то англичанина заложены».⁷

Позднее возникла необходимость продать табакерки. Речь об этом идет в письме Н.А. Львову от 17 августа <1799 года>:⁸ «О табакерках скажу тебе решительно: ежели ты предвидишь надежды, чтобы их в самом деле купили, то лучше их взять. Или выпроси на некоторое время: у меня являются

---

⁶ Державин Г.Р. Записки... С. 216–217.

⁷ Соч. Державина с объяснит. примеч. Я. Грота. СПб., 1869. Т. 5. С. 840.

⁸ Датировка предложена Я.К. Гротом; см.: Соч. Державина с объяснит. примеч. Я. Грота. Изд. 2-е. СПб., 1876. Т. 6. С. 81.

охотники; то ежели не продашь, буду паки просить, чтобы взяли». ⁹ По мнению Я.К. Грота, здесь имеются ввиду табакерки, пожалованные Павлом I.

Помимо жалованных, «осыпанных бриллиантами», в доме поэта были и более скромные табакерки. В бытовых документах 1815 года («Опись мебели и другим вещам, находящимся в нижнем этаже, учинена мая 18 дня 1815 года») отмечается, что в парадной столовой «во втором стеклянном шкафу» вместе с фарфоровой посудой находилась «табакерка, сделанная из соли». ¹⁰

На аукционе по продаже имущества Державиных, устроенном по завещанию вдовы поэта в 1842 году, вместе с «фарфоровой табакеркой в семилёрвой ¹¹ оправе» продавались «черепашовая табакерка с пейзажем» и «черепашовая табакерка с птичкою». ¹²

Сегодня местонахождение всех этих предметов неизвестно. Не приходится надеяться на возвращение в особняк Державина императорских жалованных табакерок. Можно говорить лишь о том, что экспозицию музея обогатило бы новыми смыслами включение в нее старинной «черепашовой» табакерки, ставшей для позднейших авторов (напр., для В.Ф. Одоевского) символом XVIII столетия.

Е.В. Морозова

---

⁹ Там же. С. 82.

¹⁰ Морозова Н.П. Домашний мир Г.Р. Державина: (Хозяйственные распоряжения и описи имущества) // Г.Р. Державин и его время: Сб. науч. тр. СПб., 2004. [Вып. 1]. С. 90.

¹¹ Семилёр — сплав меди с цинком, похожий на золото.

¹² Там же. С. 94.

Н.Д. Чечулин о литературной деятельности А.П. Сумарокова:
неизвестная работа известного ученого
Сообщение Т.И. Рожковой

Исследователям русской литературы XVIII века хорошо известны труды Николая Дмитриевича Чечулина (1863–1927) — сторонника источниковедческого подхода, человека широкой гуманитарной культуры. Главные из них посвящены эпохе Екатерины II.¹ Реже обращаются к его работам «О стихотворениях Карамзина»² и «О стихотворениях Державина».³ И практически неизвестной осталась неопубликованная статья «Литературная деятельность А.П. Сумарокова»,⁴ первоначально задуманная Чечулиным как монография. Над ней ученый работал в 1919–1926 годах.

Знакомство с черновиками этого исследования приводит к выводу о том, что Чечулин был весьма заинтересован довести данную работу до конца, дорожил ею и, несмотря на трудности времени, настойчиво готовил к публикации. Рукопись пережила ряд переработок в сторону сокращения: первый вариант книги занимал 154 страницы, второй — 95. Окончательным вариантом стала статья объемом 26 рукописных листов, вместившая далеко не все содержание задуманной монографии, но с тем же названием.

Свой глубокий интерес к личности и творчеству Сумарокова Чечулин объясняет уже в первом абзаце статьи, перенесенном в нее из монографии: «В середине XVIII века в течение лет тридцати приходится на разных путях встречаться в русской литературе с А.П. Сумароковым. Он писал трагедии, комедии, театральные прологи, стихотворения всевозможного рода, от

---

¹ См.: Чечулин Н.Д. 1) Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века: Ист. очерк. СПб., 1889; 2) Внешняя политика в начале царствования Екатерины II: 1762–1774. СПб., 1896; 3) Екатерина II в борьбе за престол: По новым материалам. Л., 1924; и др.

² См.: Чечулин Н.Д. О стихотворениях Карамзина. Пг., 1917.

³ См.: Изв. Отд. русского языка и словесности. 1919 [фактически 1922]. Т. XXIV. № 1. С. 51–112.

⁴ РНБ, ф. 838, оп. 1, № 70. Информацией об этом источнике мы обязаны Б.А. Градовой.

переложения псалмов и од до стихотворений юмористических, писал речи, похвальные слова, статьи исторические, критические, по вопросам морали и публицистики — всего осталось после него около 2500 стихотворений и более 1000 страниц прозы». ⁵

Ученый предполагал построить свою монографию на последовательном аналитическом обозрении литературного наследия поэта.

Анализируя психологические особенности личности Сумарокова, Чечулин попытался разобраться в причинах постоянного «самовозвышения», свойственного герою его работы, который «без всяких церемоний» ставит себя «много выше современных ему русских писателей <...>. Прицая других одослагателей, он себя от них явно и коренным образом отличает: ему — должен думать доверчивый читатель — их недостатки несвойственны, на него не распространяются те упреки, какие он им делает, как и те советы ему не нужны, какие дает он другим <...>». ⁶

Исследовательская индивидуальность Чечулина проявилась в «социально-психологическом» подходе к теме, который сложился у него значительно ранее, в книге «Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века».

В рассматриваемой статье любопытны наблюдения автора, связанные с изменениями отношения русского общества к духовному чтению. По мнению Чечулина, это сказалось на внимании сочинителей XVIII века к переложениям духовных текстов: «Сумароков переложил всю Псалтырь, Ломоносов и Тредиаковский — по многу псалмов, Державин — до двадцати, Карамзин только для одного стихотворения взял отрывок из Библии, у позднейших поэтов подобные примеры встречаются тоже лишь единицами; в этом отразился тот факт, что с последней четверти XVIII века у нас стали обычным чтением уже книги не Священного Писания, а светские <...>». ⁷

---

⁵ Там же, с. 2.

⁶ Там же, с. 17–18.

⁷ Там же, с. 6–7.

Примечателен вывод Чечулина о влиянии творчества Сумарокова на рост дилетантского письма в среде образованных людей того времени: «Чтоб подражать Ломоносову и Державину, нужно было обладать талантом, этим поэтам и подражали меньше: люди с дарованиями более крупными пошли за истинно гениальным поэтом, который скоро и появился. Сумарокову же все таланты более слабые подражали особенно охотно <...>». ⁸

Таким образом, настоящее сообщение служит напоминанием о ненапечатанном труде Н.Д. Чечулина.

---

⁸ Там же, с. 22.

Об одном книжном раритете
из собрания Всероссийского музея А.С. Пушкина

Сообщение Н.А. Казаковой

В книжном собрании Всероссийского музея А.С. Пушкина хранится небольшая брошюра с длинным названием: «Приветствие его светлости князю Григорию Александровичу Потемкину-Таврическому, высокоповелительному господину генералу фельдмаршалу и разных орденов кавалеру, при возглашении его великим гетманом Императорских Казацких Екатеринославских и Черноморских войск, в церкви Вознесения Господня, что в Монастыре Голии, говоренное Святейшаго Правительствующаго Синода Членом, Архиепископом Екатеринославским и Херсониса-Таврическаго и Молдовлахийския Ексархии Местоблюстителем Амвросием. Февраля 15 дня. Печатано в Яссах 1790 года» (4 °; [6] с.).

Этот раритет происходит из коллекции известного ленинградского собирателя В.А. Крылова, рукой которого на нижнем листе обложки сделана помета: «Крайне редка». Издание вшито в традиционный для собрания Крылова «обойный» переплет; чудом сохранилась издательская бронзированная обложка с зелено-голубым тиснением растительным орнаментом. Поздравление было произнесено в церкви Вознесения Господня в православном монастыре XVII века Голия, находившемся в центре старого города в Яссах. Яссы считались столицей Молдавского княжества. Здесь Потемкин вел мирные переговоры с Турцией, а на дороге Яссы — Николаев в чистом поле умер в 1791 году.

Провозглашение Екатериной II князя Григория Потемкина великим гетманом Императорских Казацких Екатеринославских и Черноморских войск, послужившее поводом к «Приветствию...» архимандрита Амвросия, имеет чрезвычайно сложную политическую подоплеку, связанную с

эволюцией геополитических представлений Потемкина и императрицы.¹ Этот указ был подписан Екатериной II 10 января 1790 года и немедленно распространен князем по всем упомянутым в нем территориям. Потемкин хотел стать гетманом; в гетманском одеянии он считал необходимым появляться при дворе. Именно «в гетьманском мундире» Светлейший изображен Н.В. Гоголем в повести «Ночь перед Рождеством».

Автор «Приветствия...», архиепископ Амвросий (Серебренников (Серебряков) Авраам, 1745–1792), был одним из талантливых проповедников екатерининского времени.² Некоторые его проповеди имеют отношение к Потемкину. Большое впечатление произвело в свое время слово Амвросия, изданное под названием «В Бозе почившему светлейшему князю Григорию Александровичу Потемкину-Таврическому, при совершении надгробного пения в Яссах в монастыре Голии, в Церкви Вознесения Господня, 13 октября 1791 года, последнее целование Архиепископа Екатеринославского и Херсониса Таврическаго и Ексархии Молдовлахийския Местоблюстителя» (Яссы, 1791; изд. 2-е: Рига, 1792).

Кроме проповедей архиепископу Амвросию принадлежат «Краткое руководство к оратории российской, сочиненное в Лаврской семинарии в пользу юношества, красноречию обучающегося» (М., 1778; изд. 2-е: М., 1791) и перевод поэмы Джона Мильтона «Потерянный рай», сделанный с французского (!) языка и после выхода в свет (М., 1780) выдержавший четыре переиздания, в том числе три посмертных (М., 1785; 1803; 1810; 1860).

Во время службы Г.Р. Державина Олонецким губернатором (1783–1784) Амвросий был епископом этой вновь учрежденной губернии. Оба они

---

¹ См.: Мадариага И., де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 572–599.

² Подробнее о нем см.: Лаппо-Данилевский К.Ю. Серебренников (Серебряков) Авраам (Амвросий) Никитич // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3: Р–Я. (В печати).

являлись членами Российской академии и принимали участие в подготовке изданного ею толкового словаря русского языка — «Словаря Академии российской» (Ч. 1–6; М., 1780–1794).

Мероприятия,
посвященные 265-летию со дня рождения Г.Р.Державина (2008)

Российская Федерация
Санкт-Петербург

В Музее Г.Р. Державина и русской словесности его времени 20 января состоялись «XXI Державинские чтения»; 3 июля прошел Праздник русской поэзии XVIII века.

Москва

В Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации была проведена Всероссийская научная конференция, посвященная 265-летию со дня рождения Г.Р. Державина.

25–26 апреля в Международном славянском институте имени Г.Р. Державина состоялась научно-теоретическая конференция студентов и аспирантов «Норма жизни — служение России и славянству», организованная совместно с Международной Кирилло-Мефодиевской Академией славянского просвещения.

Великий Новгород

28 мая в Областной научной библиотеке прошла конференция «И слава возрастет моя, не увядая...».

Званка (Новгородская область)

14 июля в Званке (бывшее имение Г.Р. Державина; Чудовский район) состоялись традиционные Державинские чтения.

Петрозаводск

7–8 октября в Карельском государственном краеведческом музее прошли «IX Державинские чтения», организованные Музеем совместно с Карельским филиалом Северо-Западной Академии государственной службы.

Тамбов

В феврале в Тамбовском государственном университете имени Г.Р. Державина состоялись «XIII Державинские чтения».

25 февраля прошел областной конкурс учащихся «Гавриил Романович Державин и Тамбовский край», организованный Управлением образования и науки Администрации Тамбовской области.

12 октября открылся Театр юного зрителя. Первый его сезон начался со спектакля «Мнимая дурочка» по пьесе Г.Р. Державина «Дурочка умнее умных».

Череповец (Вологодская область)

5 декабря в Череповецком государственном университете состоялся литературно-музыкальный вечер, подготовленный студентами под руководством д.ф.н., проф. Р.М. Лазарчук. Была представлена комедия Г.Р. Державина «Кутерьма от Кондратьев».

Республика Татарстан

17 апреля в Казанском государственном университете прошла научно-образовательная конференция студентов. Заседание секции «Русская литература. Диалоги. Художественное сознание» было посвящено 265-летию со дня рождения Г.Р.Державина.

26–28 июня в г. Лаишево состоялась Всероссийская научная конференция «Державин и культура Казанского края», организованная Министерством образования и науки Татарстана, Министерством культуры Татарстана и Казанским государственным университетом совместно с Исполнительным комитетом Лаишевского муниципального района.

Республика Чувашия

26 июля в Атлашевой библиотеке (пос. Атлашево, Чебоксарский район) прошел вечер, посвященный 265-летию со дня рождения Г.Р. Державина.

Литовская Республика

16 января в Каунасе был зарегистрирован Русский литературный клуб им. Г.Р. Державина. Там же 3 июля состоялся конкурс поэзии, посвященный 265-летию со дня рождения Г. Р. Державина.

СОДЕРЖАНИЕ

С.М. Некрасов.	
Предисловие.....	3
Список сокращений	5
Болотина Н.Ю.	
Единственный экземпляр державинской газеты «Тамбовские известия».....	6
Сонина Е.С.	
Г.Р. Державин и газета его старого друга, другом быть переставшего	22
Морозова Н.П.	
О хронологии заседаний литературного общества. «Беседа любителей русского слова»	47
Ларкович Д.В.	
Идеи Э. Сведенборга в поэтической рецепции Г.Р. Державина (опыт историко-культурного комментария).....	74
Агамалян Л.Г.	
О портрете Дарьи Алексеевны Державиной из собрания Литературного музея Пушкинского Дома.....	86
Дзюбанов С.Д.	
Директор Императорских театров князь Петр Иванович Тюфякин	95
Ковзун А.А.	
Страница из истории дворянского быта Владимирской губернии XVIII века. Движимое имущество князя П.И. Тюфякина, полученное им от матери в 1788 году	140
Кошценко И.В.	
Эпиграф в творчестве Н.М. Карамзина	167
Табакерки Г.Р. Державина. <i>Научная справка Е.В. Морозовой</i>	185

Н.Д. Чечулин о литературной деятельности А.П. Сумарокова: неизвестная работа известного ученого. <i>Сообщение Т.И. Рожковой</i>	189
Об одном книжном раритете из собрания Всероссийского музея А.С. Пушкина. <i>Сообщение Н.А. Казаковой</i>	192
Мероприятия, посвященные 265-летию со дня рождения Г.Р. Державина (2008). <i>Хроника</i>	195

Г. Р. ДЕРЖАВИН И ЕГО ВРЕМЯ

Сборник научных статей
Выпуск 6

Редактор *А. Г. Тимофеев*

Компьютерная верстка

Подписано в печать с оригинал-макета
25.06.2010. Формат 60х90/16

Усл. печ. л.12.5 Тираж 250 экз.

Всероссийский музей А.С. Пушкина
191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 12

Отпечатано в типографии ИПЦ СПГУТД
191028, Санкт-Петербург, Моховая ул., 26

ISBN 978-5-94030-077-9

9 785940 300779